

Лаврецкий Иосиф Панчо Вилья

Панчо Вилью называли мексиканским Робин Гудом. Герой бедняков. Бессердечный злодей, жертвами которого были богачи.

Биография этого неоднозначного человека в книге Иосифа Ромуальдовича Григулевича (в нашей стране он больше известен как писатель Иосиф Лаврецкий), автора популярных книг из серии "Жизнь замечательных людей" — "Эрнесто Че Гевара", «Сикейрос», «Миранда», «Боливар», "Сальвадор Альенде", "Уильям З.Фостер" и других.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. ВНЕ ЗАКОНА ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРОДЕ ПАРРАЛЕ

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

МИНИСТР ДОКЛАДЫВАЕТ ДИКТАТОРУ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДОРТЕО АРАНГО

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Глава вторая. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ ТАК ПЕРВЫЕ СТЫЧКИ

ВСТРЕЧА В АСИЕНДЕ «БУСТИЛЬОС»

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Глава третья. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ПАНЧО ВИЛЬЯ В ЕДИНОБОРСТВЕ СО СМЕРТЬЮ

ШКОЛА ЗА ТЮРЕМНОЙ РЕШЕТКОЙ

ПОБЕГ

ИУДА И ЕГО ХОЗЯИН

Глава четвертая. ВИВА, ВИЛЬЯ! РОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ДИВИЗИИ

ХУАРЕС ВЗЯТ

НАКОНЕЦ В ЧИУАУА

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОРРЕОНА

Глава пятая. РЕВОЛЮЦИЯ ДЕЛО ТРУДНОЕ МИСТЕР БЕНТОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ТОТ СВЕТ

КЛАД ТЕРРАСАСА

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СУЕВЕРИЕ В МИРЕ

ДОН ВЕНУС — ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Глава шестая. В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДВОРЦЕ ТЕСНО И ДУШНО

УЭРТА РАЗГРОМЛЕН, НО ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

КОНВЕНТ В АГУАСКАЛИЕНТЕСЕ

ВСТРЕЧА ДВУХ ВОЖДЕЙ

ОТСТУПЛЕНИЕ

Глава седьмая. ЭТИ ПРОКЛЯТЫЕ ГРИНГО... КРОВЬ ЛЬЕТСЯ У ВОРОТ СЕЛАЙИ

ГРИНГО ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАСЛУГАМ

«СЛАВНАЯ» КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

КАК ВИЛЬЯ ПОБЕДИЛ ПЕРШИНГА

Глава восьмая. ВОЙНА БЕДНЫХ ПРОТИВ БОГАТЫХ «Я БУДУ СРАЖАТЬСЯ ДО КОНЦА»

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГЕНЕРАЛА АНХЕЛЕСА

ОШИБКА САПАТЫ

ОБРЕГОН ПРОТИВ КАРРАНСЫ

Глава девятая. ВОТ И КОНЕЦ МОЕЙ ПЕСНИ... ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА?

ПРОКЛЯТАЯ МЫШЕЛОВКА

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ...

СЛОВАРЬ ИСПАНСКИХ СЛОВ И МЕКСИКАНИЗМОВ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава первая. ВНЕ ЗАКОНА

Мне не жить, покуда не верну

то, что отнял у меня патрон:

маленькое ранчо и жену,

стол с нехитрой пищей, мирный сон,

дикий вой койота на луну,

пашню эту, что со всех сторон

тянется к напеву и зерну...

Много ль нужно, чтобы быть счастливым:

дети и любимая жена,

поцелуй, глоток-другой вина

да маис, желтеющий по нивам.[1]

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРОДЕ ПАРРАЛЕ

Чиуауа — один из крупнейших штатов Мексики. На его территории без труда уместились бы три государства величиной с Испанию. На западе Чиуауа пересекается крутыми горными хребтами; но склонам гор здесь пасутся табуны диких лошадей и стада рогатого скота. В восточной части простирается выжженная солнцем безводная пустыня, заросшая кое-где низкорослыми кактусами, кряжистым мескиталем и колючим кустарником — чапарралем.

Неохотно поселялся человек на суровых землях Чиуауа. После завоевания Мексики испанцами сюда отступили наиболее воинственные племена индейцев. В течение многих лет сопротивлялись они бледнолицым пришельцам из-за океана, но испанцы все же покорили их и заставили добывать золото и серебро. Многие тысячи индейцев погибли от непосильного труда на рудниках, добыча с которых обогащала казну испанского короля. Давно уже изгнаны испанские завоеватели из пределов Мексики, а потомки индейцев продолжают гибнуть от изнурительного труда на рудниках, которые теперь, как и раньше, принадлежат чужеземцам. Разница только та, что испанцы уступили место американцам — гринго.[2]

Почти все земли Чиуауа принадлежат нескольким помещикам. Крупнейший из них генерал Луис Террасас. В его поместьях трудятся тысячи пеонов, надсмотрщики-майордомы относятся к ним, как к рабочему скоту. Другим поместьем, величиной с Бельгию, владеет Карраль, министр в правительстве диктатора Диаса.

Необъятные земли принадлежат англичанину Бентону. Этой «святой троице» служат власти и суд. По их приказу руралес (сельская жандармерия) беспощадно расправляется с непокорными пеонами.

Но в Чиуауа есть не только помещики, пеоны и рудокопы. В горах Сьерра-Мадре и Сьерра-Асуль, в пещерах горного хребта Пиньонес, в труднодоступных зарослях чапарраля, а иногда и в лачугах на окраинах селений и городков можно увидеть подлинно свободных людей этой земли. Они не

признают ни спесивых помещиков, ни их руралес. Эти люди нападают на помещиков, жгут их усадьбы, угоняют их скот, охотятся за полицейскими, продажными судьями и жадными чиновниками.

Власть имущие боятся этих смелых и мужественных людей, называют их бандитами.

Зато народ относится к ним по-иному. Пеоны и рудокопы, мелкие лавочники и торговцы имеют среди этих «бандитов» родственников и друзей, видят в них своих защитников и мстителей. Ведь только помогая им, простые люди могут рассчитывать на справедливость, могут надеяться, что их обидчики — помещики, майордомы, полицейские, владельцы рудников, судьи — понесут заслуженное наказание.

На севере Чиуауа граничит с могущественным соседом Мексики — Соединенными Штатами. С севера на юг ее пересекает железная дорога, принадлежащая американцам и англичанам. Начинается она на самой границе в городе Хуаресе, расположенном напротив американского пограничного пункта Эль-Пасо, и заканчивается в столице страны Мехико. На этой железной артерии протяженностью в несколько тысяч километров расположены крупнейшие города Северной Мексики: Чиуауа, столица штата, Хименес, Торреон, Сакатекас, Агуаскалиентес, Кере-таро. От Хименеса вьется серпантинном на запад по направлению к горам Сьерра-Мадре железнодорожная ветка, обрывающаяся у небольшого города Парралья.

Парраль — по-испански значит «Виноградная беседка». Город расположен в центре богатого скотоводческого и горнорудного района. Население Парралья гордится своим славным прошлым. Здесь еще в начале XIX века под руководством Идальго, патриоты сражались против испанского владычества. Здесь останавливался Бенито Хуарес, президент-индеец, возглавивший борьбу мексиканского народа против французских интервентов. Парраль был последним городом, признавшим диктатора Порфирио Диаса, когда тот захватил власть в 1877 году.

В центре Парралья — несколько величественных католических храмов, муниципальный дворец, дома богатых помещиков и владельцев рудников. Окраины города застроены глинобитными хижинами, в которых живут ремесленники, носильщики, уличные торговцы. На главной площади Сан-Хуан де Диос устраивается ежегодно 10 апреля — в день святого Антония — ярмарка. Сюда съезжаются издали пеоны, рудокопы, пастухи — чаррос и мелкие фермеры — ранчерос.

И в этом 1910 году в день святого Антония на площади Сан-Хуан де Диос былолюдно и оживленно. Бойко шла торговля всякой всячиной: тортильяс — лепешками из кукурузы, которые пекут здесь же, на виду у покупателей; тамаляс — пирожками из кукурузной муки, начиненными свиной и перцем и завернутыми в кукурузные листья; пулькой — алкогольным напитком из кактуса агавы; обжигающим нёбо и внутренности перцем — чиле; атоле — молоком с корицей. На лотках — горы разнообразных сомбреро с широчайшими полями; уздечки и седла, украшенные серебром; гуарачес — сандалии из сыромятной кожи; серебряные и медные величиной с блюдце шпоры, звенящие, точно колокольчики; сарапе — домотканые покрывала, раскрашенные во все цвета радуги, с разрезом посередине, заменяющие плащ, одеяло или матрац, смотря по надобности; петатес — соломенные циновки с яркими узорами.

Площадь заполняла пестрая толпа пеонов, рудокопов и ранчеро, одетых в белые панталоны и покрытых сарапе. На головах у них красовались широкополые сомбреро, а ноги были обуты в неизменные гуарачес. Приезжие слонялись из стороны в сторону, не столько в поисках чего-либо необходимого, сколько в надежде встретить знакомого или друга. Ведь для чего же ездят на ярмарку, как не для этого? Они подолгу останавливались около бродячих певцов, которые под звуки маримбы — индейского ксилофона — пели корридо — народные песни — о великих патриотах Идальго и Хуаресе, о бесстрашных и неуловимых разбойниках, о пылких и несчастных влюбленных.

Полицейские, вооруженные плетками из сыромятной кожи и огромными пистолетами, важно, точно павлины, расхаживали вдоль лотков, пытливо вглядываясь в лица пеонов.

Когда на башне муниципалитета часы пробили полдень, в самом центре ярмарки раздались один за другим три выстрела.

Толпа на площади замерла на мгновение, потом, точно раненое стоглавое чудовище, зашумела, заметалась в разные стороны. Полицейские, оглушительно свистя и энергично действуя плетками, пытались пробиться к месту происшествия. Это им удалось лишь после того, как прискакавший эскадрон федералов с обнаженными саблями врезался в бушевавшую толпу и открыл дорогу к распростертому на земле человеку. Из-под лежащего медленно текла ярко-красного цвета струйка, в которой весело сверкали лучи палящего солнца.

— Да ведь это судья Санчес! — заорал подскакавший на гнедом жеребце командир эскадрона. — А ну-ка, поверните его, да поосторожней.

Подоспевшие полицейские не замедлили выполнить приказание.

— Кто это вас так прошил, дон Альфредо? — спросил офицер лежавшего теперь уже на спине человека с неестественно выпученными не то от страха, не то от боли глазами.

— Вилья! — прохрипел судья. — Воды дайте, воды!

— Оцепить площадь, — распорядился офицер. — Выставить посты у городских ворот. Всех проверять и обыскивать! Дона Альфредо отнести в муниципалитет. Вызвать к нему доктора де Лилье Борху!

Офицер повернул лошадь и поскакал по площади, а за ним солдаты с диким свистом и гиканьем, немилосердно паля в воздух из старых американских ружей времен гражданской войны.

Старания властей обнаружить убийцу не дали, однако, результатов. Он, как говорят в этих местах, словно превратился «в глаз муравья». Доктор де Лилье Борха, единственный врач, хирург и акушер в городе, несмотря на все свои старания, так и не смог вдохнуть жизнь в тело судьи Санчеса. Местный политический начальник — хефе политике — был преисполнен решимости покончить с Вильей, при одном имени которого бледнели власть имущие.

На следующий день на улицах Парраля появилось объявление:

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Между тем тот, голову которого столь высоко оценивал хефе политике города Парраля, сидел на груди шкур в одной из пещер Сьерра-Асуль и беседовал со своим помощником и кумом меднолицым коренастым метисом средних лет.

— Моя голова растет в цене: шесть месяцев назад полковник Крус предлагал за нее пять тысяч песо, а теперь уже десять. Во сколько же оценит мою башку губернатор Чиуауа, если я помогу полковнику Крису перебраться на тот свет? Как ты думаешь, компадре Томас? Наверное, тысяч в пятьдесят? Ты сам читал объявление Круса?

— Нет, компадре Панчо. Ты ведь знаешь, какой из меня грамотей. Я только гляну на печатные буквы, как у меня начинает кружиться голова, точно накурился марихуаны.

— Поэтому за твою голову начальство и не назначает награды. Кто же тебе прочел послание полковника Круса?

— Твой учитель Абраам Гонсалес. Кстати, он просил передать, что нам необходимо обосноваться в Чиуауа. Его друзья, наконец, решили восстать против правительства Порфирио Диаса. Они надеются на нашу помощь.

Вилья долго ворошил сухой веткой угли потухшего костра, на котором давно уже остыл чугунок с его любимой кукурузной похлебкой — посоле.

— Ну что ж, компадре Томас, по-видимому, так и придется сделать. В пригородах Чиуауа мы сможем снять участок, огородим его, построим хижину, конюшню для наших лошадок да сарай. Но место надо найти такое, чтобы можно было из него легко выбраться, ежели нападут федералы. Я ведь не хочу, чтобы один из этих стриженных — пелонес — заработал на мне целое состояние. Я верю моему компадре Абрааму. Он человек ученый, настоящий друг народа и знает, что крестьянам нужно возратить их землю, которую захватили помещики. Абраам знает, как это сделать. Мы же с тобой, компадре Томас, умеем только отправлять на тот свет федератов и их прихвостней.

Где-то поблизости раздался протяжный свист и тихо заржали кони. У входа в пещеру мелькнули тени. Из темноты вынырнула закутанная в сарапе фигура и подошла к сидевшему на шкурах человеку.

— Садись с нами, Паблито, и отведай посоле. Ночью федералы к нам не сунутся, а на рассвете здесь останутся только пепел от нашего костра да обглоданные элоте. За них федералы не получают десяти тысяч песо.

МИНИСТР ДОКЛАДЫВАЕТ ДИКТАТОРУ

Далеко к югу от гор Сьерра-Асуль, на дне высохшего горного озера Тескоко, на высоте 2500 метров над уровнем моря, раскинулась столица страны — город Мехико. Много в ней дворцов, выстроенных еще конкистадорами. Много памятников старины, напоминающих о древних обитателях страны — ацтеках, о трехсотлетнем господстве испанцев, о революциях, переворотах и сражениях.

Наряду с шикарными дворцами и особняками, где живут крупные чиновники, негоцианты, помещики и генералы, в столице целые районы застроены лачугами, в которых ютятся десятки тысяч простых людей. Их труд превратил бывшую резиденцию ацтекских императоров в один из красивейших городов мира.

Красив город Мехико, но красивей всего в нем благоухающие сады Чапультепека. Среди них на утопающем в зелени холме, точно неприступная крепость, высится дворец — личная резиденция президента республики.

Вот уже свыше тридцати лет, как страной правит всемогущий дон Порфирио. Когда-то он отличился в войне против французских захватчиков, был храбрым генералом. Его любили солдаты, простые пеоны. Но это было так давно! Сам дон Порфирио уже забыл об этом, как и о многом, другом из бурной истории Мексики.

История Мексики действительно была полна бурных событий. Много страданий выпало на долю мексиканского народа. В начале XVI века Мексика была завоевана испанскими конкистадорами во

главе с Эрнаном Кортесом. Конкистадоры и сопровождавшие их монахи разрушили памятники культуры индейцев ацтеков и майя, поработили коренное население.

300 лет господствовали в Мексике испанские колонизаторы. В 1810 году народы испанских колоний в Америке поднялись на борьбу против своих поработителей. В Мексике восставших возглавили патриоты Идальго и Морелос. Испанцам удалось подавить восстание. Колонизаторы казнили Идальго и Морелоса. Борьба народа за свободу, однако, продолжалась.

В 1821 году помещики в сговоре с церковниками, будучи не в силах сдержать возмущение народа, провозгласили независимость Мексики. Реакционный генерал Итурбиде был объявлен императором. Два года спустя он был свергнут и вскоре убит. Мексика стала республикой.

В течение нескольких десятилетий в стране один переворот сменялся другим. Индейцы-крестьяне жаждали земли, требовали демократических свобод, а правящие группировки — консерваторы и либералы — боролись за власть, используя народное недовольство.

Во внутреннюю борьбу Мексики постоянно вмешивались Соединенные Штаты. Американские миллиардеры, спекулянты и авантюристы стремились завладеть богатствами страны. Они оказывали поддержку различным враждующим группировкам. Их интриги обостряли и затягивали междоусобицу.

В 1846 году правительство США объявило войну Мексике. Американцы вторглись в страну. Несмотря на геройское сопротивление мексиканского народа, американцам удалось, используя свое материальное превосходство и помощь предателей — высшего духовенства и крупных помещиков, захватить важнейшие центры страны. Мексиканскому правительству навязали мир, по которому в руки американских захватчиков перешли такие богатейшие провинции Мексики, как Техас и Калифорния.

В 1861 году Франция, Англия и Испания, воспользовавшись бушевавшей в Мексике гражданской войной, высадили на ее берегах вооруженную экспедицию. Заморским разбойникам, которых послал французский император Луи Наполеон, удалось занять столицу Мехико. Вторжение европейских колонизаторов, их злодеяния, алчность и жестокость пробудили мексиканский народ, который единодушно поднялся на борьбу за свою независимость и свободу. Его возглавил президент Бенито Хуарес, индеец по происхождению, неподкупный патриот, сторонник демократических реформ и преобразований. Почти семь лет длилась освободительная война мексиканского народа против французских колонизаторов и их союзников. В конце концов восставший народ изгнал их со своей земли.

Безвременная смерть не позволила президенту Хуаресу полностью осуществить намеченную им программу демократических преобразований. После его кончины власть захватил генерал Порфирио Диас. Метис, малограмотный, но хитрый политикан, Диас сумел объединить различные враждующие группировки. Своих сторонников он награждал землями, назначал их на высокие правительственные должности, врагов подкупал или уничтожал.

Существование диктатуры Диаса, по образному выражению одного историка, состояло в том, что волчьим стаям было предложено, вместо того чтобы драться друг с другом, сообща напасть на овчарню. Волчьими стаями были помещики, капиталисты, честолюбивые и жадные до власти и денег генералы; овчарней — крестьяне, индейцы, пеоны, рабочие.

Поддерживаемый местными богатеями и иностранными дельцами, которым он раздавал за бесценок всевозможные концессии, Диас превратился во всемогущего диктатора. В стране формально действовала конституция. Регулярно проводились выборы президента и депутатов в

конгресс, который столь же регулярно заседал. Однако всеми делами, по существу, вершил дон Порфирио. Фальсифицируя результаты выборов, он шесть раз переизбирал себя президентом. Любой другой деятель, осмелившийся выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах, рисковал поплатиться головой. С такими смельчаками расправлялись наемные убийцы.

Диас лично составлял список кандидатов в парламент, в который включал своих родственников, друзей и лиц, которых желал наградить за услуги. В один из таких списков однажды попал зубной врач вылечивший больной зуб диктатора. Бывали случаи, когда Диас включал в заветный список людей, которых уже не было в живых. Мертвецы также избирались в парламент, ибо приближенные диктатора в своей холопской услужливости не решались возразить ему.

Многие избиратели бойкотировали выборы, но чиновники Диаса аккуратно опускали за них в урны избирательные бюллетени. Иногда власти заставляли арестантов-уголовников заполнять бюллетени отсутствовавших избирателей. Судьи, как и депутаты парламента, фактически назначались диктатором и беспрекословно выполняли его волю.

Суды благоволили к друзьям Диаса, власть имущим и иностранным концессионерам, для трудящихся же правосудия не существовало. Крестьян и рабочих за малейшую провинность осуждали на каторгу. Они отбывали ее, работая бесплатно на помещиков в районах, где свирепствовали желтая лихорадка и другие тропические болезни.

В сельских местностях творила суд и расправу сельская жандармерия — руралес, набранная из головорезов и уголовников. По приказу помещиков руралес беспощадно расправлялись с непокорными пеонами и крестьянами на основе так называемого «закона о бегстве». Этот закон давал им право расстреливать без суда и следствия любого неугодного властям человека, попавшего им в руки, под предлогом, что он пытался совершить побег. Руралес закапывали строптивых пеонов по горло в землю и гарцевали по ним до тех пор, пока несчастные не гибли под копытами лошадей.

Рабочие трудились по 14 часов в сутки. Забастовки подавлялись силой оружия. Забастовщиков власти рассматривали как мятежников и беспощадно расправлялись с ними.

Диас превратил Мексику в ад для трудящихся и в рай для местных богатеев и иностранных капиталистов.

Иностранным компаниям запродавал дон Порфирио, мексиканские недра, богатые нефтью и драгоценными металлами. Американские бизнесмены за бесценок получили от него огромные земельные площади. Только газетный король Херст владел в Мексике семью миллионами акров земли. Телефон, трамвай, электричество, железные дороги попали в руки американских, английских и немецких компаний.

Диас не любил и боялся простых людей Мексики — пеонов, рабочих. Он ненавидел индейцев. Помещики массами истребляли индейцев, завладевая их землей. За годы правления Диаса помещики получили от правительства 55 миллионов гектаров земли, а вообще в их руках находилось 85 процентов, всей земли Мексики.

Хотя Диасу давно уже исполнилось 80 лет, он продолжал цепляться за власть. В ней диктатор видел единственную цель своей жизни. Его правительство состояло из таких же, как и он сам, старцев, озабоченных лишь сохранением богатства, награбленного за долгие годы власти.

В этот день в Чапультепекском дворце дон Порфирио принимал членов кабинета министров. Первым во дворце появился министр внутренних дел Рамон Торрес, престарелый помещик из Чиуауа, к которому особенно благоволил диктатор.

Дворцовая стража почтительно пропустила его коляску. Молодцевато выпрыгнув из нее, Торрес, в руках которого был большой зеленый портфель из тисненной мексиканскими узорами кожи, быстро поднялся на второй этаж. Министр прошел ряд покоев, уставленных статуями и скульптурами, завезенными сюда еще императором Максимилианом, и вошел в приемную. Молодой адъютант, завидев любимца диктатора, щелкнул каблуками и молча открыл дверь в кабинет президента.

Кабинет диктатора выходил окнами в дворцовый парк, но, хотя стояла теплая, солнечная погода, окна были плотно закрыты и полузавешены тяжелыми бархатными портьерами. Диктатору было холодно, и свет неприятно резал ему глаза. В кабинете царил полумрак. За большим столом, на котором стояли два бронзовых канделябра и огромный чернильный прибор, украшенный государственной эмблемой Мексики — орлом, зажавшим в когтях змею, — в массивном кресле с позолоченной спинкой восседал диктатор. Он был одет в черную визитку. Седой, с длинными редкими усами, дон Порфирио напоминал престарелого моржа. Черные, немного раскосые глаза смотрели холодно и бесстрастно.

Министр бесшумно подошел к столу и низко поклонился.

— Садись, дон Рамон, и рассказывай, что нового.

— Ваше превосходительство, положение тревожное. Враги объединяются вокруг Франсиско Мадеро, который всерьез надеется победить на предстоящих выборах.

— Мадеро, дон Рамон, опасный фантазер. Напрасно его отец, которого я уважал и любил, послал своего сына учиться во Францию. Там этот молокосос нахватался всяких современных идей и возомнил себя спасителем Мексики. Несколько месяцев назад из уважения к его отцу я принял молодого человека и пытался образумить. Но это оказалось напрасной тратой времени: мое благожелательство он истолковал как слабость и потребовал, чтобы я ушел в отставку.

— Вы правы, ваше превосходительство. Даже отец Мадеро утверждает, что сын его сумасшедший. Таких сумасбродов наша Мексика еще не знала. Мы закрыли его газетенку «Третья империя».

— Этого мало, дон Рамон. Арестуйте Панчито Малеро и его молодчиков и подержите их с год на хлебе и воде. Им это пойдет впрок. Наш народ все еще темен и невежествен. Он готов пойти за любым демагогом, который пообещает ему чужое добро.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Мадеро действительно стал притягательной силой для всех отбросов общества. Его провозглашают своим вождем шайки беглых пеонов. Нам стало известно, ваше превосходительство, что главарь одной из таких шаек Панчо Вилья, орудующий в штате Чиуауа, действует теперь, выполняя указания мадеристм. Всего лишь неделю назад губернатор Чиуауа сообщил мне, что Вилья среди бела дня убил политического шефа Парраля полковника Круса, добродетельнейшего слугу отечества. Два дня спустя тот же Вилья в баре «Пятнадцать букв» в центре города Чиуауа выстрелом из пистолета прикончил некоего Кларо Реса, бывшего своего дружка, перешедшего на работу в федеральную полицию.

По тому, как дрогнули брови и сжались бескровные губы диктатора, министр понял, что его повелитель крайне недоволен полученными сведениями.

— И этот головорез все еще не пойман и не наказан, дон Рамон?

— К сожалению, нет, ваше превосходительство. Вот уже много лет как этот пеон нападает на помещиков и майордомов, на чиновников, на богатых старателей и хозяев рудников. Он забирает их

скот, урожай, убивает сторонников правительства и всех, кто ему оказывает сопротивление. К моему стыду, я должен признаться, что все наши усилия поймать его до сих пор не дали желаемого результата. Мы ликвидировали некоторых участников его злодейской банды. Но пеонов в Чиуауа много, и это хорошо знает Панчо Вилья.

Диктатор сморщил лоб и с укоризной посмотрел на своего министра внутренних дел.

— Ваше превосходительство, мы делаем все возможное, чтобы избавить нашу страну от этого злодея. Весь север наводнен летучими отрядами федеральных войск. Мы устраиваем засады, подкупаем пеонов, засылаем к Вилье опытных людей с поручением при первой же возможности застрелить, заколоть или, наконец, отравить его. Но Панчо Вилья неуязвим и неуловим. Он осторожен, точно пантера, недоверчив, как волк, хитер, как лиса. С первого же взгляда узнает он наших людей и расправляется с ними. Пеоны и ранчero боготворят Вилью. Мы все знаем о нем, и тем не менее — я с искренним сожалением признаю это — не в состоянии с ним покончить.

— Назначили награду за его поимку?

— Да, ваше превосходительство! Губернатор Чиуауа обещал пятьдесят тысяч песо за его голову, но никто не решается на такой подвиг; опасаются, что пеоны будут мстить за смерть своего вожака.

— А вы попытайтесь купить его. Предложите ему сто тысяч песо и полное прощение, если он перейдет на сторону правительства и окажет помощь властям в борьбе с непокорными пеонами.

Министр вытер белоснежным батистовым платком покрывшийся легкой испариной лоб и слабо улыбнулся.

— Что же вы в таком случае предлагаете предпринять, сеньор министр? — официальным тоном спросил диктатор.

Торрес беспомощно развел руками.

— Мы будем продолжать неустанно преследовать его в надежде, что божественное провидение рано или поздно отдаст его в наши руки.

— Пока что оно покровительствует Вилье. Божественное провидение помогает смелым и решительным людям, сеньор министр, и поворачивается спиной к трусам, бесхребетникам. Эту истину вам следовало бы уже давно усвоить. Оставьте мне бумаги. Я сам распоряжусь о необходимых мерах. Вам же, сеньор Торрес, я советую подать прошение об отставке. Судя по вашему виду, со здоровьем у вас не все благополучно. Впрочем, этому удивляться не приходится.

Министр, или, вернее, уже бывший министр, дрожащими руками достал из зеленого портфеля синюю папку, на которой размашистым канцелярским почерком было написано: «Дело бандита Доротео Аранго, алиас Панчо Вилья», — положил ее на стол, затем низко поклонился и, пятясь, вышел из кабинета.

Некоторое время Порфирио Диас сидел неподвижно. Потом порывистым жестом взял со стола «дело» и стал его быстро листать. Внимание президента привлекла докладная записка на имя министра внутренних дел, подписанная губернатором Чиуауа. Диктатор надел очки в золотой оправе и принялся ее читать.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДОРОТЕО АРАНГО

«Доротео Аранго, по прозвищу Франсиско Вилья, он же Панчо[3] Вилья, опасный бандит и преступник. Родился в 1877 или 1878 году (с точностью не установлено) в семье пеона на землях асиенды Гогохито, неподалеку от селения Сан-Хуан дель Рио, штат Дюранго. Вилья — метис испано-индейского (тараумарского) происхождения. В 12-летнем возрасте, потеряв отца, бежал из асиенды в другой район, но вскоре был пойман и водворен по месту жительства. За этот проступок был наказан и посажен на цепь майордомом асиенды. Однако вскоре вновь проявил непокорность и бежал в лес вместе со своим приятелем Франсиско Бенитесом, который обвинялся в убийстве служащего асиенды Гогохито. Беглецов настигли руралес; Бенитеса убили при попытке в бегству, а Доротео Аранго заключили в тюрьму, из которой он был освобожден по просьбе местного помещика — либерала Пабло Валенсуэлы, брата известного в Дюранго скандалиста и противника правительства писателя Клодовео Валенсуэлы.

Некоторое время Доротео Аранго занимался мелкой торговлей, покупая в городе по поручению местных пеонов и крестьян различные предметы. Но мирная жизнь не прельщала этого буяна. В 16-летнем возрасте он совершает новое преступление: пытается убить сына хозяина асиенды дона Аугустина Лопеса Негрете за то, что молодой патриций осквернил честь его 14-летней сестры. Тяжело ранив сеньора Лопеса Негрете, Аранго бежал в горы, где вскоре присоединился к банде, возглавляемой известным головорезом Игнасио Паррой. Эта банда занимается угоном скота, нападает на богатых помещиков. Некоторое время спустя отряд руралес арестовал молодого бандита, но ему удалось бежать. Вскоре Аранго вновь попал в руки руралес, однако и на этот раз он бежал, причем убил троих стражников.

В 1895 году нашим доблестным руралес удалось в жестокой схватке с бандой Парры убить одного из наиболее опасных участников его шайки — некоего Панчо Вилью, с которым особенно был дружен Доротео Аранго. Последний принял имя и фамилию убитого бандита. Впоследствии Аранго утверждал, что он якобы был незаконнорожденным сыном помещика Хесуса Вильи. В действительности же Доротео Аранго видел в злодейских похождениях бандита Панчо Вильи пример, достойный подражания.

Доротео Аранго, которого все с того времени называют Панчо Вильей, в начале этого столетия, видимо устав от бродячей жизни, оставил банду Парры и нанялся рудокопом на один из приисков близ города Паррала. Одно время он работал каменщиком в том же городе. Узнанный полицией, Вилья снова бежал в горы и в течение нескольких лет занимался разбоем в штатах Чиуауа, Коауила и Дюранго. Все стремления властей поймать или каким-либо способом обезвредить его не дают желаемого результата.

В настоящее время Панчо Вилья возглавляет банду мятежных пеонов из 30–40 человек, которая базируется в горах на северо-западе от города Чиуауа. Его правой рукой является известный бандит и убийца пеон Томас Урбина, на совести которого десятки жизней верных слуг правительства — руралес, федеральных солдат, чиновников и помещиков.

Банда Вильи пользуется поддержкой местных крестьян, из среды которых она пополняется.

Вилья и его люди хорошо вооружены винтовками и пистолетами, у них всегда вдоволь амуниции. У банды свои соглядатаи на всех станциях железной дороги, в селениях и асиендах. Это позволяет Вилье заблаговременно узнавать о передвижении наших воинских частей и вовремя скрываться. И так как у нас отсутствуют какие-либо сведения о местонахождении банды, она всегда может неожиданно нападать на свои жертвы.

Местная полиция боится бандитов, опасается их мести. Это заставляет все чаще использовать в борьбе с Вильей федеральные войска; их солдаты и офицеры, хотя и проявляют большое рвение при

исполнении долга, пока что не могут похвастаться какими-либо успехами. Большим препятствием в их действиях является незнание местности и враждебное отношение к ним местного населения.

О Панчо Вилье известно, что у него имеются два брата — Иполито и Антонио — и две сестры — Мартина и Анита, работающие в поместье Гогохито, а также жена метиска, проживающая в Чиуауа, от которой у него двое детей.

Панчо Вилья несколько ниже среднего роста, чуть сутулый, рыжеватый блондин, прирожденный наездник, меткий стрелок, отличается чрезвычайной выносливостью. Одевается, как и все пеоны, в белую рубаху и белые штаны, носит техасскую широкополую шляпу. Невежественный и грубый, Вилья тем не менее не пьет, не курит и не сквернословит, чем отличается от других членов своей банды. Зато он всех их превосходит своей кровожадностью и беспощадностью. Любит родео, петушинные бои, корриды и танцы, в которых при случае сам принимает участие.

Панчо Вилья — злейший враг правительства, возглавляемого нашим благодетелем сеньором президентом генералом доном Порфирио Диасом, которого он ненавидит со страстью примитивного и грубого животного. После объявления награды в 50 тысяч песо за его поимку Вилья не побоялся заявить, что заплатит 100 тысяч песо тому, кто доставит ему живым или мертвым нашего любимого и многочтимого сеньора президента генерала дона Порфирио Диаса.

Я заверяю вас, сеньор министр, что возглавляемые мною власти штата Чиуауа сделают все возможное для поимки столь опасного преступника, пребывание которого на свободе позорит всех честных слуг отечества. Однако имеющимися в настоящий момент в моем распоряжении силами сделать это не представляется возможным. Поэтому я обращаюсь к вам, сеньор министр, с покорнейшей просьбой направить в ближайшее время в штат Чиуауа еще одну бригаду федеральных войск. Это тем более необходимо в связи с тем, что антиправительственные элементы используют в виде повода предстоящие президентские выборы и активизируют свою деятельность, не исключена возможность, что они, ослепленные ненавистью к властям и ободренные малочисленностью находящихся в штате Чиуауа преданных правительству воинских частей, поднимут бунт, последствия которого могут весьма трагически сказаться на судьбах нашей родины».

Порфирио Диас захлопнул папку с явным раздражением. Резко вскинув руку, он схватил со стола серебряный колокольчик и зазвонил.

— Вызовите немедленно генерала Уэрту, — сказал старец бесшумно появившемуся в кабинете щеголеватому адъютанту.

В этот день сеньору президенту предстояло еще много поработать, перед тем как отойти к ставшей традиционной в Чапультепекском дворце сиесте — послеобеденному сну, так хорошо восстанавливающему силы и способствующему пищеварению благодетелей Мексики.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

В 1910 году в стране состоялись президентские выборы. Кандидат оппозиции Мадеро и многие его единомышленники были брошены в тюрьмы. Голоса подсчитывали полиция и хефес политикос, слывшие за подлинных виртуозов по фальсификации выборов. Неудивительно, что и на этот раз «победил» Диас. Он в седьмой раз стал президентом республики.

«Победа» Диаса еще сильнее обострила политическое положение в стране. Теперь противники Диаса знали, что мирными средствами им не избавиться от диктатора. Насильственное свержение Диаса, революция — вот что могло привести к смене режима. К ней стали готовиться Мадеро и его сторонники, число которых быстро росло.

В это время северный сосед Мексики не только внимательно следил за происходившими событиями, но и открыто вмешивался в них, надеясь, как всегда, извлечь выгоду из предстоящей заварухи. Торговцы оружием готовы были продавать винтовки и пулеметы любому мексиканцу, если он платил за них наличными. Нефтяные компании согласились финансировать Франсиско Мадеро, бежавшего из-под ареста в Соединенные Штаты и призывавшего к насильственному свержению тирана. Они были сердиты на Диаса, который, как им казалось, больше благоволил к английским нефтяным магнатам. Отпраздновав в обстановке восточного величия столетие мексиканской независимости, диктатор поспешил встретиться с президентом США Тафтом и заверить его в своей преданности. Только в 1910 году Диас роздал американским компаниям большее число концессий, чем за все предыдущие годы своего правления.

Тем не менее, отношения между Мексикой и США продолжали обостряться. В американском городе Рок-Спрингсе, в штате Техас, толпа расистов линчевала девятнадцатилетнего мексиканца Антонио Родригеса, обвиненного в покушении на честь белой женщины. Изуверы облили Родригеса керосином и сожгли живым. Преступление в Рок-Спрингсе вызвало бурю негодования в Мексике. Во многих городах народ вышел на улицу, требуя наказания американских расистов. Но представители США чувствовали себя в Мексике как дома. В городе Гуадалахаре американский консул Карутерс, стреляя в протестовавших у здания консульства мексиканцев, убил четырнадцатилетнего мальчика и полицейского. Посол Соединенных Штатов Генри Лейн Вильсон требовал от Диаса принять строгие меры против тех, кто призывал правительство наказать дипломата-убийцу. В добавление ко всему, правительство США двинуло армию к мексиканской границе и отдало приказ военным кораблям войти в мексиканские порты, расположенные в Карибском море и на тихоокеанском побережье. Правительство Диаса, привыкшее выполнять волю своих северных соседей, совсем растерялось.

Между тем на окраине города Чиуауа наблюдалось необычайное оживление. С наступлением сумерек в городе появлялись крестьяне, гнавшие мулов, груженых тяжелыми вьюками. Крестьяне останавливались в глинобитных хижинах и выходили оттуда спозаранку, возвращаясь в горы уже без груза.

В большом глинобитном строении на 10-й улице, где почти под носом властей обосновался неуловимый Панчо Вилья, вечерами собирались наиболее решительные противники диктаторского режима. Далеко за полночь беседовал с ними Абраам Гонсалес, глава сторонников Мадеро в штате Чйуауа.

Особое внимание молодой учитель уделял Панчо Вилье. От него вожак пеонов впервые услышал о том, что представляет собою Мексика, каковы ее богатства. Панчо Вилья узнал, как мексиканцы освободились от испанского владычества и завоевали независимость, как разгромили французских интервентов и расстреляли их ставленника императора Максимилиана, как боролись против североамериканских интервентов и против режима помещиков и банкиров.

Впоследствии Панчо Вилья вспоминал: «Абраам Гонсалес был моим первым учителем и наставником. Он обучал меня грамоте, первый пригласил меня участвовать в революции против Порфирио Диаса. Эта революция, учил Гонсалес, должна восстановить права народа, попранные тираном и богатеями. Беседуя с ним, я понял, что моя многолетняя борьба против эксплуататоров, сосавших нашу кровь и бесчестивших наших сестер и дочерей, не была только моим личным делом, а касалась всех униженных и оскорбленных. Учитель Гонсалес помог мне понять, что наша борьба, которая казалась мне до этого безнадежной, может увенчаться победой, что народ может победить своих врагов, что справедливость может восторжествовать».

Абраам Гонсалес ознакомил Панчо Вилью и его друзей с программой Франсиско Мадеро, так называемым «Планом Сан-Луис Потоси»,^[4] обнародованным 5 октября 1910 года. «План» объявлял

аннулированными результаты выборов, сфальсифицированных Диасом, низлагал его правительство и провозглашал временным президентом Франсиско Мадеро. Далее «план» призывал население республики поднять восстание против диктатора. «Если бы, — гласил документ, — генералу Диасу были более дороги интересы родины, чем преступные интересы его клики, он смог бы избежать этой революции, сделав какие-либо уступки народу. Но если он этого не сделал, тем лучше. Изменения будут более быстрыми и более решительными, так как мексиканский народ, вместо того чтобы трусливо причитать, смело встретит брошенный ему вызов. Генерал Диас опирается на грубую силу, с тем, чтобы навязать нам свою позорную кабалу; народ обратится к этой же силе, с тем, чтобы сбросить с себя это иго, освободиться от этого проклятого человека и завоевать свободу».

«План» обещал вернуть крестьянам земли, экспроприированные правительством, увеличить заработную плату рабочим и пеонам, сократить рабочий день до 9 часов.

— А не обманет ли Мадеро? — неоднократно спрашивал Вилья своего наставника. — Ведь он сам помещик, а его родственники, сенаторы и депутаты, — верные слуги Порфирио Диаса. Мадеро щедр на обещания. А выполнит ли он их? Ворон ворону глаз не выклюет, помещик помещику зла не сделает.

— Франсиско Мадеро не похож на других помещиков, — говорил Гонсглес, — Он друг народа, любит простых людей и желает улучшить их долю. Если бы Мадеро думал только о своих интересах, то не выступил бы против Диаса, не рисковал бы своей жизнью, призывая народ к революции.

— Допустим, что Мадеро хороший человек и, когда станет президентом, постарается выполнить свои обещания. Но будут ли его слушаться другие помещики и богатеи?

— Они должны будут его слушаться, ведь Мадеро будет опираться на вооруженный народ, на таких людей, как ты и твои друзья, Панчо. Будущее будет зависеть от вас, от простых людей Мексики, а не от помещиков и капиталистов. Но главное — свергнуть Диаса, завоевать свободу. Только после этого можно будет решить все другие вопросы.

— Я вам верю, дон Абраам, и сделаю все, что вы мне скажете. Мы будем драться за Мадеро. Может быть, ему действительно удастся улучшить долю простых людей.

Абраам Гонсалес опасался ареста. Он выпускал подпольную газету «Глас народа», полицейские следили за ним. Вилья выделил несколько надежных людей для охраны учителя. Полицейские не осмелились тронуть Гонсалеса — они не хотели рисковать жизнью. Ведь ему покровительствовал сам Панчо Вилья, а с ним шутки плохи.

17 ноября 1910 года на 10-й улице в городе Чиуауа вновь собрались Панчо Вилья и преданные ему люди Томас Урбина, Элеутерио Сото, Хосе Санчеси другие. Поздно вечером к ним пришел Абраам Гонсалес в сопровождении одного незнакомца.

— Друзья, — поздоровавшись с присутствующими, сказал Гонсалес, — настало время действовать. Франсиско Мадеро, вокруг которого объединились самые честные люди нашей страны, сейчас находится в Эль-Пасо. Мы получили от него указание начать революцию 20 ноября. В этот день по всей стране народ возьмется за оружие. На севере Чиуауа большой отряд повстанцев возглавит наш друг Паскуаль Ороско. Тебе, Панчо Вилья, и твоим друзьям поручается направиться на юг и взять город Сан-Андрее. Познакомьтесь с нашим другом Кастуло Эррерой. Он грамотный и опытный в военных делах человек. Кастуло Эррера будет вашим командиром.

В ту же ночь из Чиуауа по направлению к горам Сьерра-Асуль выехал отряд в семнадцать всадников. Далеко по пустынной равнине разносился цокот копыт и слышалось тихое ржание лошадей.

Во главе отряда ехали Панчо Вилья и его новый начальник Кастуло Эррера. Оба молчали. Каждый думал о чем-то своем, затаенном, как думают люди, которым предстоит трудная и неведомая дорога.

Глава вторая. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ ТАК

Пора, мексиканцы, проснитесь!

Противники ваши не спят.

Кровавой ценою у власти

другого поставить хотят.

Страдает отчизна родная -

ей на ноги встать не дают.

Трусливые, жалкие люди

отважных людей предают.

Сапата и доблестный Вилья

пошли на тиранов войной

и дона Франсиско Мадеро

поставили править страной.

Ошиблись герои в Мадеро:

лишь взял он правленья бразды,

забыл он Сапату и Вилью,

забыл их былые труды.

На этом прощаюсь я с вами.

Нам некогда, время не ждет.

Я кончу корридо словами:

проснись, мексиканский народ!

ПЕРВЫЕ СТЫЧКИ

Пять дней находились Панчо Вилья и его верные друзья в горах Сьерра-Асуль. Каждый день к ним присоединялись все новые и новые добровольцы — пеоны из соседних поместий Террасаса. Вилья принимал только тех, у кого был хороший конь и исправное ружье.

На пятый день, когда в отряде было уже свыше трехсот бойцов, Кастуло Эррера отдал приказ спуститься с гор и ночью взять городок Сан-Андрес.

— Нет, — сказал Вилья. — В Сан-Андресе у каждого из наших бойцов друзья и родственники. Лучше туда войти утром. Руралес, завидев нашу колонну, побегут со страха. Ночью же, не зная, сколько нас, они могут оказать сопротивление.

Эррера согласился.

Утром 22 ноября колонна без боя вошла в Сан-Андрес, откуда, как и предвидел Вилья, руралес позорно бежали.

Население восторженно встретило повстанцев. Их приглашали в дома, угощали текилей и тамалес.

Вечером в городе неожиданно началась стрельба. Вилья послал одного из своих помощников узнать, кто и почему стреляет.

— Это мучачос празднуют победу, — доложил Вилье его помощник.

— Так они перестреляют друг друга и расстреляют все патроны.

— Кастуло Эррера разрешил.

Наутро, когда построился отряд, у Вильи произошло объяснение с Кастуло Эррерой.

— Командир, — сказал Вилья, — мы обещали дону Абрааму повиноваться вам, но если вы будете и дальше нами командовать так, как вчера, то лучше будет нам расстаться и вам поискать менее опытных бойцов, а нам — более опытного командира.

— Чем же ты недоволен, Панчо?

— А тем, что по вашей милости наши бойцы расстреляли вчера все патроны. А мы ведь еще даже не начали воевать. Кто может поручиться, что борьба будет такой же бескровной, как взятие Сан-Андреса?

Кастуло Эррера, понуря голову, слушал Вилью. Среди окружавших его бойцов раздались крики:

— Нам такого командира не нужно! Пусть нами командует Панчо Вилья!

Эррера посмотрел на Вилью.

— Пусть будет так, как хотят бойцы. Пусть отрядом командует Панчо Вилья. Он уже десять лет воюет с федералами, а я только со вчерашнего дня.

Так поменялись они ролями. Вилья стал командиром отряда, а Кастуло Эррера его сподвижником.

Два дня спустя после освобождения Сан-Андреса отряд Вильи, также без боя, освободил городок Сайта Исабель.

Окрыленный успехами, Вилья предложил своим бойцам попытаться взять Чиуауа, столицу штата. Все согласились.

Глубокой ночью, двигаясь бесшумно по выжженной степи, отряд, в котором теперь насчитывалось свыше пятисот бойцов, подошел к Чиуауа.

— За мной, мучачос! Смерть федералам! — скомандовал Вилья и первым ворвался в город. За ним последовали остальные. Однако дальше пригородов повстанцы не смогли продвинуться. Федералы ожидали нападения Вильи и расположили на подступах к центру города пулеметные гнезда и артиллерию.

После нескольких безуспешных попыток взять с налету город Вилья начал осаду Чиуауа. Действия Вильи сковывали крупные силы противника, находившиеся в городе. Это позволило другому партизанскому отряду, которым командовал Ороско, освободить город Герреро, столицу одноименного штата.

В течение января 1911 года повстанцы вели бои с крупными соединениями правительственных войск.

Вилья прослыл «великим, мастером набегов». Его отряд с такой же быстротой и неожиданностью появлялся перед противником и бросался в бой, как и исчезал, когда противник оказывался многочисленнее и лучше вооруженным. Но не всегда Вилья действовал неожиданно. Иногда, желая избежать ненужного кровопролития, он поступал иначе.

В начале февраля 1911 года Вилья получил приказ взять городок Камарго, расположенный в двадцати километрах от Герреро.

Зная, что там силы противника невелики, Вилья направил офицерам гарнизона следующее послание:

«Сеньоры! Я получил приказ взять город Камарго. Даю вам полтора часа на размышление. Если не сдадите мне город без боя, я возьму его силой. В последнем случае вам придется нести ответственность за ненужное пролитие крови».

Офицеры ответили: «Панчо Вилья заявляет, что он достаточно храбр и силен, чтобы взять город Камарго. Пусть же он попытается осуществить свои планы».

Весь день длился бой за Камарго. К вечеру федералы оставили город, в который победоносно вошли повстанцы.

Силы партизан быстро росли, но в северных провинциях правительство еще располагало многочисленной армией, хорошо оснащенной артиллерией и другими видами оружия. Эта армия контролировала главные железнодорожные узлы и крупные города. Опираясь на них, федералы нередко выбивали повстанцев из освобожденных ими населенных пунктов.

В Камарго на вокзале Вилья впервые увидел телеграфный аппарат. Он долго его рассматривал, подробно расспрашивал телеграфиста об устройстве. Вдруг аппарат заработал, и телеграфист сообщил, что из города Чиуауа по направлению к Камарго вышел железнодорожный состав, который везет карателей во главе с генералом Наварро.

Вилья распорядился немедленно направить паровоз навстречу поезду с карателями. Паровоз, с которого на полном ходу выпрыгнул машинист, врезался во вражеский состав.

Противник, однако, направил против Камарго новые силы, во много раз превосходившие силы партизан. Это вынудило повстанцев оставить город и отойти в горный район Дюрасно. Здесь Вилья стал готовиться к штурму Паррала. Он решил сам пробраться в город и ознакомиться с созданной

федералами системой обороны. Объясняя впоследствии свое решение, Вилья говорил: «Во время военных действий случается, что командир вынужден сам делать то, что обычно выполняют его подчиненные, особенно в тех случаях, когда речь идет о судьбе предстоящих сражений».

В сопровождении двух надежных бойцов Вилья проник в Парраль под видом крестьянина. Он детально изучил расположение вражеских постов, пулеметных гнезд, подходы к казармам.

Но появление командира повстанцев в городе не осталось незамеченным. Патрули стали задерживать всех подозрительных. Бойцы, сопровождавшие Вилью, попали в облаву. Самому Вилье с большим трудом удалось выбраться из города. Спасаясь от погони, он только на седьмой день вернулся в горы Дюрасно.

Каково же было удивление командира, когда, достигнув, наконец, стоянки своего отряда, он никого там не застал! Об отряде напоминали лишь потухшие костры, взбитая конскими копытами земля да светлевшие кое-где следы кукурузной муки, лепешки из которой — тортильяс — составляют основную пищу мексиканского крестьянина.

Напрасно ходил Вилья по опустевшему лагерю. Отряд точно испарился.

Усталый и озадаченный, Вилья привязал своего коня к дереву, снял с него седло и, подложив под голову, уснул в надежде, что утром сможет узнать причину исчезновения отряда.

Действительно, на следующий день первый встретившийся ему крестьянин объяснил, что бойцы считают его погибшим; они решили, что воевать без командира не стоит, и разошлись по домам.

Быстро разнеслась по округе весть, что Панчо Вилья жив и ищет своих бойцов. Не прошло и двух дней, как холмы Дюрасно вновь запестрели всадниками. Вновь задымились костры, зазвучали озорные песни. В окрестных городах и селениях люди вновь говорили — одни со страхом, другие с радостью и надеждой: «Панчо Вилья жив, он придет к нам, и тогда...»

ВСТРЕЧА В АСИЕНДЕ «БУСТИЛЬОС»

Пока разгорался пожар партизанской войны в штате Чиуауа, вождь революции Франсиско Мадеро, его многочисленные родственники и советники пребывали в пограничном американском городке Эль-Пасо. Они с нетерпением ждали сообщений о решительных победах своих сторонников в Мексике.

Еще в конце ноября нетерпеливый Апостол, как стали называть того, кто призвал мексиканский народ свергнуть Диаса, перешел во главе небольшого отряда границу, но был отброшен федеральными войсками.

Сведения поступали в Эль-Пасо с большим опозданием. Как потом выяснилось, на революционный призыв Мадеро откликнулись простые люди во многих местах страны. Но на первых порах почти всюду полиция и войска Диаса, действуя с беспредельной жестокостью, разгромили восставших.

Невесело встречали Мадеро и его друзья в Эль-Пасо новый, 1911 год. Многие советники Апостола считали, что революция потерпела поражение. Родственники Мадеро советовали ему прекратить борьбу и уехать в Буэнос-Айрес. И вот, когда уныние, казалось, овладело всеми, стали поступать более радостные вести: вооруженные отряды крестьян, которыми командовали Панчо Вилья и Паскуаль Ороско, нанесли ряд поражений федералам в штатах Чиуауа, Дюранго и Коауила и освободили много населенных пунктов.

Узнав о том, что Ороско освободил столицу штата Герреро, Мадеро присвоил ему чин генерала и назначил командующим повстанческой армией на севере страны. В свою очередь, Ороско произвел Вилью в полковники. Эти чины превращали партизанских вождей в армейских командиров, что должно было укрепить дисциплину в рядах повстанцев.

Радостные вести стали поступать затем и из южной части страны. В штате Морелос, расположенном поблизости от столицы, отряды вооруженных крестьян во главе с Эмилиано Сапатою успешно вели бои против правительственных войск.

Итак, простые люди Мексики — ранчеры, пеоны, крестьяне — откликнулись на призыв Мадеро и не побоялись вступить в единоборство с вооруженной до зубов армией диктатора. Мадеро ликовал. Не слушая предостережений своих родственников и советников, он вновь перешел границу.

На этот раз Мадеро удалось соединиться с отрядами вооруженных крестьян. Возглавив их, он попытался взять пограничный город Касас-Грандес, но потерпел поражение и вновь вынужден был отступить. Тем не менее уже сам факт присутствия отряда повстанцев во главе с Мадеро на территории Мексики вызвал панику в правительственных кругах столицы. Видя это, диктатор уполномочил своего министра финансов Лимантура, находившегося в США, начать переговоры с представителями Мадеро. Одновременно Диас реорганизовал кабинет. Он назначил министром иностранных дел крупного миллионера и помещика, известного своими проамериканскими симпатиями, Франсиско Леона де ла Барру. Представ перед послушным ему парламентом, диктатор обещал провести «демократические» реформы.

Многие из окружения Мадеро были готовы пойти на компромисс с диктатором. Однако можно ли было ему верить? Ведь Диас славился своим коварством. В прошлом он уже неоднократно обещал покинуть свой пост.

Между тем Мадеро в третий раз перешел границу и двинулся на соединение с силами Панчо Вильи и Паскуалья Ороско, осаждавшими город Чиуауа. Мадеро и страшился и желал этой встречи. Он понимал, что Вилья и его бойцы были именно теми простыми людьми, которых он поклялся освободить от тирании Диаса. Но он знал, что эти люди были недоверчивы, как и все, кому выпали на долю большие страдания и испытания; они жаждали не только справедливости, но и мести.

Эти люди, рассуждал Мадеро, темные и невежественные, беспощадные и решительные, помогут свергнуть Диаса, но не станут ли они препятствием при новом, демократическом порядке, который он, Мадеро, собирается установить? Найдет ли он с ними общий язык, поверят ли они ему — помещику и богачу? Подчинятся ли его воле?

Ответы на эти вопросы Мадеро надеялся получить, встретившись с Вильей и Ороско.

Далеко от проселочных дорог, затерянное в степях Чиуауа, лежит поместье — асиенда «Бустильос». Она похожа на крепость. Высокие каменные стены охраняют асиенду от непрошенных гостей. За стенами — полуразрушенный господский дом, некогда уставленный французской мебелью и украшенный венецианскими люстрами. Рядом с домом — конюшни и помещения для скота; амбары, в которых хранится кукуруза; бараки пеонов и тиенда де райя — хозяйская лавка. В ней пеоны обязаны покупать соль, маисовую муку для лепешек, сарапе, спасающее от дождя и холода, сандалии — гуарачес, да и все остальное, без чего не может обойтись обитатель асиенды. Пеоны, сколько бы они ни зарабатывали, всегда в долгу у проклятой тиенда де райя. А пока пеон в долгу, он не вправе оставить хозяина. Если же он решится на такое, руралес будут охотиться за ним, пока не убьют «при попытке к бегству».

Пеонам асиенды «Бустильос» кажется, что все это было давным-давно, хотя прошло всего лишь два месяца, как они убили своего майордома, захватили хозяйский скот и землю. Теперь пеоны — свободные люди. Они готовы драться насмерть за своих вожаков Панчо Вилью и Паскуалья Ороско, в честь которых уже слагают баллады и песни.

‘Залитая яркими лучами солнца пустыня кажется мертвой. Напряженно всматриваются пеоны асиенды «Бустильос» в подернутую красноватой дымкой даль. Партизанский командир Паскуаль Ороско, отряд которого расположился в асиенде, приказал немедленно сообщить ему о появлении Мадеро, которого он желает самолично встретить в степи.

— Едут! — крикнул пеон, различивший на горизонте быстро перемещающиеся точки, и не успел его голос потонуть в теплом мареве, как из ворот асиенды вылетел отряд всадников и, стреляя в воздух, понесся навстречу долгожданному гостю.

В этом году Мадеро исполнилось 50 лет. Он был среднего роста, с черной бородой и голубыми глазами, которые смотрели доверчиво и ласково. Выросший в среде помещиков, дельцов и политиканов, Франсиско Мадеро в отличие от своих сородичей был человеком мечтательным и искренним. Дилетант в политике, он тем не менее считал себя способным избавить родину от диктаторского режима, возродить демократию, свободу, законность, попранные Диасом. Мадеро верил, что способен повести Мексику по пути прогресса и благоденствия. Родственники считали Франсиско «блаженным», но его призывы уничтожить тиранический режим Диаса открыли ему доступ к сердцам простых людей, сделали его имя знаменем для всех униженных, оскорбленных и отверженных Мексики.

Паскуаль Ороско был на десять лет моложе Мадеро. Уроженец штата Чиуауа, сын мелкого лавочника, Ороско вместе с многочисленными родственниками, побратимами и друзьями одним из первых взял; ся за оружие 20 ноября 1910 года и одержал ряд побед над войсками диктатора.

Самонадеянный и самолюбивый, политически невежественный и ограниченный, Ороско мечтал о власти. Его отец, братья и сторонники всячески разжигали в нем низменные политические страсти, уверяя, что достаточно ему захотеть, как он станет президентом Мексики. Они советовали ему не считаться с Мадеро, которому, по их мнению, все равно не суждено удержаться в президентском кресле.

До поздней ночи беседовал Мадеро в полуразрушенном зале господского дома асиенды «Бустильос» с Паскуалем Ороско, командующим повстанческой армией.

Вдохновенно говорил Мадеро о неминуемом торжестве революции, о предстоящем падении Диаса, о том, как оба они, Мадеро и его командующий, вступят в славный «город дворцов» — Мехико и, встреченные ликующим народом, проследуют в Чапультепек.

Командующий слушал и молчал. Чем красноречивее говорил Мадеро, тем упорнее молчал Ороско. Лицо его было подобно каменной маске древних ацтеков: оно, казалось, не выражало никаких чувств, так же как и его черные, холодные глаза, всегда смотревшие в сторону. Мадеро, увлеченный собственной проповедью, был уверен, что обворожил и покориł эту высокую, ладно скроенного воина, призванного довести до победного конца дело революции.

Только когда Мадеро заговорил о предстоящих военных действиях, Ороско несколько оживился.

— Сеньор президент, наступление на противника невысказанно без отрядов полковника Вильи. Я думаю, что вам было бы полезно встретиться с ним и спросить его, что он думает об этом.

— Само собой разумеется, генерал. Пошлите немедленно гонца к нашему храброму и верному Панчо Вилье. Я хочу его обнять и поблагодарить от имени многострадального мексиканского народа, сыном которого он является.

Два дня спустя вечером в асиенду прискакал новый отряд всадников. Его возглавлял коренастый метис, одетый подобно чарро — в белую рубашку и плотно облегавшие его стан штаны, украшенные серебряными пуговицами. Грудь его была опоясана двумя патронными лентами, на кожаном поясе, тоже унизанном патронами, висели два огромных маузера.

На ходу спрыгнув с коня, Вилья быстрыми, «кошачьими» шагами направился к поджидавшему его на крыльце господского дома Мадеро.

Вилья был весь в пыли, пряди его чуть рыжеватых волос падали из-под широкого сомбреро на потный широкий лоб; карие сверлящие глаза настороженно смотрели на Мадеро.

— Друг мой Панчо, ты ведь совсем юноша! — воскликнул Мадеро, обнимая Вилью. — А я то думал, что ты старик. Столько я слышал о твоих геройских подвигах. Я тебя поздравляю и желаю еще много побед над врагами мексиканского народа.

Вилья был потрясен. Впервые за всю его жизнь помещик, человек, который, возможно, станет главой государства, обращался к нему, как равный к равному.

«Я тогда понял, — вспоминал Вилья десять лет спустя, — что этот богач воевал за счастье бедных. Он был мал ростом, но обладал большой душой. Беда заключалась в том, что другие богачи и правители Мексики не были похожи на Мадеро».

К беседующим, присоединился Ороско.

— Панчо, — сказал Мадеро, — нам следует решить, что делать дальше. Как ты думаешь, смогут ли твои и генерала Ороско люди взять приступом город Чиуауа?

Панчо Вилья ответил, что у них в отрядах много бойцов, все они храбры, но плохо вооружены, а голыми руками города не взять. Вилья предложил добывать оружие, избегая крупных сражений и ограничиваясь мелкими партизанскими действиями, а вместо Чиуауа, где враг ждет наступления повстанцев, атаковать Хуарес. Этот город можно легко окружить и лишить противника возможности получить подкрепления, на что он может рассчитывать в Чиуауа.

Соображения Вильи показались Мадеро убедительными.

— Итак, наступаем на Хуарес?

Ороско кивнул.

— Полковник Вилья! Выполняйте приказ, и да сопутствует вам удача!

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

На подступах к пограничному городку Хуаресу в начале апреля 1911 года сконцентрировалась повстанческая армия. Тут и отряды, которыми командовал сам Ороско, отряды Вильи и других партизанских вожаков. Здесь же батальон иностранных добровольцев, или, как их называли, флибустьеров. Ими командует полковник Джузеппе Гарибальди, сын знаменитого борца за свободу Италии, сражавшегося в свое время против тиранов в Уругвае и Бразилии.

Правительственными войсками командует в Хуаресе прибывший сюда из Чиуауа генерал Хуан Наварро. Слуга своего хозяина, жестокий и беспощадный, Наварро расстреливает всякого заподозренного в симпатиях к повстанцам.

Между тем именно с ним, к удивлению Вильи, Мадеро заключает перемирие.

Вместо победоносного наступления на Хуарес вдруг перемирие! Мадеро объясняет, что генерал Диас послал своих эмиссаров в Эль-Пасо; на этот раз, кажется, он действительно готов оставить свой пост. Если можно отстранить диктатора от власти мирным путем, тем лучше.

Но бойцы не доверяют Мадеро. Перемирие — это предательство, рассуждают многие. В лагере революционеров начинается разброд, падает дисциплина.

Мадеро вызывает Вилью.

— Панчо, я нуждаюсь в твоей помощи. Нам нужно выждать еще несколько дней. Если Диас не уступит, мы его свергнем силой. Но для этого необходима дисциплина в наших рядах. А ее-то и нет. Командиры Саласар, Гарсия и Аланис самовольничают, не выполняют моих приказов. Я просил Ороско обезоружить их, но он бездействует. Поручаю тебе выполнить этот неприятный, но необходимый приказ.

— Слушаюсь, сеньор президент!

В тот же день Вилья лично разоружил непокорных командиров.

Дни шли, а переговоры в Эль-Пасо все продолжались. Диас пытался выиграть время, чтобы собрать силы и задуть революцию.

7 мая Ороско вызвал Вилью и предложил начать штурм Хуареса, хотя Мадеро после начала переговоров категорически запретил это. Вилья согласился. Ему надоело топтаться на месте.

На следующий день рано утром повстанцы завязывают перестрелку с федералами, осажденными в Хуаресе.

Обеспокоенный Мадеро вызывает Ороско.

— Что это за перестрелка, генерал?

— Сейчас узнаю и доложу, сеньор президент. Через час Ороско докладывает Мадеро:

— Федералы устроили вылазку из города, наши части защищаются.

Мадеро приказывает отступить, но бой продолжается. К полудню Ороско докладывает, что все революционные части, «сами того не желая», уже сражаются с врагом. Приостановить наступление повстанцев нет никакой возможности.

— Что же вы предлагаете сделать? — нервно спрашивает Мадеро.

— Взять Хуарес!

— Ну что ж, если нет другого выхода, то действуйте согласно вашему разумению.

А тем временем революционные части во главе с Панчо Вильей ворвались в Хуарес и взяли вокзал. Здесь, однако, наступление повстанцев было приостановлено. Федералы блокировали все подступы к вокзалу и подвергли его здание артиллерийскому обстрелу.

В зале вокзала, где Вилья расположил свой командный пункт, от порохового дыма нельзя было различить человека в трех шагах. Крики, ругань, ружейная и артиллерийская пальба, звон разбитых стекол — все смешивалось в какую-то адскую симфонию.

— Мы окружены, нам отсюда не вырваться, компадре Вилья! — кричал в ухо сохранявшему спокойствие Вилье коренастый метис, в котором без труда можно было узнать его неразлучного друга Томаса Урбину.

— Не теряйся, мучачо! Вырваться из этой коробки не так просто, но можно. Пошли ребят достать несколько шпал. Попробуем ими пробить стены вокзала и пробраться в соседние дома.

К вечеру сквозь пробитые в стенах вокзала проходы повстанцы прошли в соседние дома. По крышам они пробрались к центру города, где сосредоточились основные силы противника, и неожиданно атаковали их.

Утром 10 мая генерал Наварро сообщил Вилье через своего посланца, что готов прекратить борьбу и начать переговоры о сдаче. Вилья согласился. В три часа пополудни того же дня гарнизон Хуареса сдался.

— Милый Панчо, — воскликнул Мадеро, увидев Вилью, прискакавшего в его ставку доложить о победе, — какие новости?

— Хуарес взят, Наварро сдался. Освободительная армия одержала полную победу. Мы взяли тысячи пленных, склады с амуницией.

— Панчо! Родина обязана тебе этой победой. Едем немедленно в Хуарес. Я назначаю тебя комендантом города. Смотри, чтобы в городе не было грабежей и пьяных оргий. Бойцы освободительной армии должны своим поведением подавать пример другим гражданам.

Вилья оправдал доверие Мадеро. Он наладил выпечку хлеба в городе, снабжение бойцов продуктами питания, лечение раненых, организовал захоронение убитых.

На следующий день после победы Вилье сообщают, что взятых в плен офицеров нечем кормить, в городе трудности с продуктами.

— Ну что ж, — говорит Вилья, — я их отвезу через границу в Эль-Пасо, и там мы пообедаем. Одновременно мы покажем американцам, что вовсе не являемся теми кровожадными бандитами, за которых они нас выдают.

Американские пограничные власти без особых формальностей пропускают Вилью и девять офицеров, взятых им накануне в плен. В одной из лучших гостиниц Эль-Пасо для них был накрыт стол, уставленный традиционными мексиканскими блюдами: тут и тортильяс с перцем-чили, и тамалес, и курица с острой приправой моле из миндаля, корицы и перца, и многое другое, неудобоваримое для желудков гринго. Рядом с блюдами бутылки текилы и мескаля. К ним Панчо Вилья не притронется. Эти бутылки — для его гостей.

Эль-Пасо кишит журналистами, съехавшимися сюда со всех концов Соединенных Штатов. Все жаждут увидеть знаменитого партизанского вождя из степей Чиуауа.

Один из журналистов пробивается к Панчо Вилье и просит у него интервью.

— Скажите, полковник, правда, что вы раньше занимались бандитизмом?

— Бандитизмом занимаются в нашей стране помещики, руралес и генералы Порфирио Диаса, а простые люди вроде меня борются за справедливость, за лучшую долю.

— Вы не боитесь, что ваши гости останутся в Эль-Пасо?

— Мои гости — кабальеро, они дали честное слово вернуться со мной в Хуарес. Не сомневаюсь, что они свое слово сдержат.

— Это верно, что у вас несколько жен? Вилья улыбается.

— Каковы ваши планы на будущее? Что вы намерены делать после свержения правительства Диаса? Предложил ли вам сеньор Мадеро пост в своем правительстве? Приходилось ли вам самолично расстреливать людей?..

Журналист, точно пулемет, строчит вопросами. Панчо Вилья отмахивается от него, как от назойливой мухи.

— Сеньор журналист, пожалейте моих гостей. Они не ели три дня. Если я буду отвечать на ваши вопросы, они еще, чего доброго, умрут с голоду.

Журналист выбегает, начинается обед. После обеда все возвращаются в Хуарес.

Из Эль-Пасо в Хуарес возвратились также все советники Мадеро. Временный президент поспешил сообщить, что он сформировал революционное правительство. Министром иностранных дел назначен один из приближенных Мадеро — адвокат Васкес Гомес, военным министром — помещик Венустиано Карранса, министром юстиции — поэт и адвокат Пино Суарес.

Взятие освободительной армией Хуареса вызвало огромный подъем среди противников Диаса по всей стране. Сапата, вождь революционных крестьян в штате Морелос, также перешел в наступление, и скоро его передовые отряды достигли пригородов столицы. Сапата на юге действовал с такою же решительностью и находчивостью, как Панчо Вилья на севере страны. Народ поддерживал Сапату, выступавшего за раздел помещичьей земли и за установление демократических порядков в стране.

Среди приближенных Диаса началась паника. Наиболее дальновидные из них предлагали немедленно заключить соглашение с Мадеро, заставив уйти в отставку престарелого диктатора. Они больше всего боялись, как бы гражданская война не пробудила от вековой спячки крестьянские массы и во главе революции не встали бы вожди, подобные Панчо Вилье и Эмилиано Сапате.

Правительство Диаса предложило Мадеро возобновить переговоры. Апостол согласился.

Действия Мадеро вызывают подозрения у Паскуаля Ороско. Он не доверяет Мадеро. Ороско опасается предательства со стороны родственников и советников временного президента.

Ороско делится своими опасениями с Вильей. Он убеждает Панчо, что Мадеро и его советников судьба пеонов мало волнует. Мадеро помиритсЯ с Диасом, и все останется по-прежнему. Достаточно посмотреть, как Апостол относится к генералу Наварро, этому палачу, загубившему не одну сотню мужественных революционеров. Вместо того чтобы расстрелять Наварро, Мадеро любезничает с ним, осыпает его комплиментами.

— Что же нам делать, дон Паскуаль? — спрашивает Вилья.

Ороско рекомендует потребовать от Мадеро расстрелять Наварро, а если он не согласится, заставить его сделать это. Когда на руках Апостола будет кровь генерала Наварро, он вряд ли сможет договориться с Диасом.

Панчо Вилья призадумывается. Ороско, по-видимому, прав. Офицерам-федералистам доверять нельзя.

Вилья чувствует себя неловко. Разве он сам ведет себя лучше, чем Мадеро? Кто повез пленных офицеров в Эль-Пасо, кто их там кормил обедом? Конечно, Ороско прав: нужно расстрелять Наварро, одним кровопийцей будет меньше на земле. Мадеро потом сам будет благодарить за это.

Ороско договаривается с Вильей. На следующий день они оба пойдут в ставку Мадеро. Там, пока Ороско будет говорить с президентом, Вилья разоружит его личную охрану и заменит ее своими людьми.

Сказано — сделано. На следующий день Ороско приходит к Мадеро и требует немедленного расстрела Наварро. Мадеро наотрез отказывается. Ороско угрожает. Мадеро стоит на своем. Тогда командующий вытаскивает пистолет и направляет его на Мадеро.

— В таком случае вы арестованы!

— Тебе будет легче меня убить, чем арестовать.

Ороско продолжает размахивать пистолетом, но Мадеро отстраняет его и направляется к выходу. Тут он сталкивается с Вильей, солдаты которого уже окружили ставку.

— Как, Панчо, и ты против меня?

Растерянный Вилья уступает ему дорогу.

Мадеро, за которым следует Ороско с пистолетом в руке, направляется во двор, где обращается к солдатам:

— Солдаты свободы! Ваш генерал Ороско восстал против меня, которого вы избрали вождем революции. Ороско пытался меня арестовать. За это он должен понести суровое наказание, но я его прощу, если он поймет свою ошибку и если вы, солдаты революции, меня об этом попросите.

Солдаты кричат:

— Да здравствует Мадеро! Да здравствует Ороско!

Ороско прячет пистолет и просит Мадеро простить его. Мадеро обнимает Ороско.

Эта сцена приводит в неопиcуемый восторг солдат Вильи, которые толком даже не знают, что, собственно говоря, произошло. Им просто нравится, что их вождь Мадеро и их генерал Ороско помирились.

Вилья присутствует при всем этом. Он стоит, опустив голову, и чувствует себя глубоко виноватым перед Мадеро. Вилья проклинает Ороско, который с его помощью пытался арестовать, а может быть, даже убить Мадеро, друга бедных. Мадеро простил Ороско, но простил ли он его, Панчо Вилью?

Нет, не будет прощения Вилье.

— Головорез из Чиуауа должен быть наказан, — говорят президенту его советники и родственники. — Революция фактически победила, и такие темные люди, как Вилья, теперь могут быть только помехой новому правительству. С Ороско еще можно договориться, он хоть грамотный. Но какой толк от Вильи в мирное время? Этот дикарь умеет только метко стрелять. Разве он понимает что-нибудь в высоком и сложном искусстве политики? Нужно «бросить ему кость» — дать за его труды награду — и отослать обратно в горы Чиуауа.

Проходит несколько дней. Мадеро вызывает Вилью, который является к нему, готовый загладить свою вину.

— Мой милый Панчо! — обращается к нему Мадеро. — Мы победили. Диас подал в отставку. Мексика завоевала свободу. В этом и твоя немалая заслуга, храбрый мой Панчо. Теперь тебе следует вернуться к мирному труду. Ты завоевал это своей отвагой и кровью. Перед отъездом сдай командование своим отрядом моему брату Раулю. Я приказал выдать тебе двадцать пять тысяч песо — награду за твои заслуги перед революцией.

В тот же день Вилья попрощался со своими бойцами и специальным поездом в сопровождении пяти своих приближенных отбыл в Чиуауа, где в губернаторском дворце уже распоряжался его учитель и покровитель Абраам Гонсалес.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Возвращаясь в Чиуауа, Вилья даже не подозревал, что конфликт его и Ороско с Мадеро принес последнему большую пользу. Победа над своим главнокомандующим и его правой рукой Вильей превратила Апостола в подлинного героя в глазах тех, кто боялся потерять свои земли и собственность в результате падения диктатуры Диаса.

Осадив необузданного Ороско и отделавшись от Вильи, Мадеро тем самым показал, что он не только мечтатель, но и энергичный человек, способный в случае надобности победить дух анархии и произвола, господствовавший в крестьянской массе.

Спасение жизни Наварро, отпущенного по распоряжению Мадеро в США, расположило к Апостолу и многих сторонников Диаса.

Не прошло и нескольких дней после столкновения с Ороско и Вильей. как в Хуаресе представители Диаса подписали с Мадеро соглашение. Диктатор обязался немедленно подать в отставку и выехать из страны. Временным президентом назначался де ла Барра, бывший министр иностранных дел в кабинете Диаса. Новый, глава государства был ставленником реакции: крупный помещик, как и все приближенные Диаса, он пользовался доверием иерархов католической церкви и американских банкиров.

Де ла Барра обещал в ближайшее время провести президентские выборы, объявить амнистию политическим заключенным и восстановить демократические свободы. Мадеро, со своей стороны, отказался от титула временного президента и согласился распустить освободительную армию, бойцам которой правительство де ла Барры обещало уплатить причитавшееся им жалование и сохранить присвоенные им военные чины.

25 мая, ни с кем не простившись, престарелый диктатор специальным поездом под охраной верного телохранителя генерала Викториано Уэрты отбыл в порт Веракрус. Три дня спустя немецкое судно «Ипиранга» увезло дона Порфирио во Францию, где, всеми забытый, он умер в 1915 году.

На следующий день после отъезда Диаса из Мехико временный президент де ла Барра сформировал новое правительство, в которое вошли наряду со ставленниками Порфирио Диаса и представители Мадеро: его дядя Эрнесто стал министром финансов, а Васкес Гомес — министром внутренних дел.

Целую неделю из Хуареса в столицу движется поезд, который везет Мадеро и его приближенных. На всем пути народ восторженно приветствует его. Сто тысяч человек на улицах Мехико встречают победителя. Сопровождаемый людской толпой, Мадеро направляется в Чапультепек с визитом к временному президенту.

С приездом Мадеро в столице начинают разгораться политические страсти. По существу, власть продолжает всецело находиться в руках порфиристов. Во главе федеральной армии по-прежнему стоят генералы, вымуштрованные Диасом, ненавидящие революцию. Осталась и прежняя полиция. Даже сенат и палата депутатов, сплошь состоящие из сторонников бывшего диктатора, не распущены. В министерствах, в учреждениях — всюду хозяйничают те же люди, что были и при Диасе. Все они ненавидят революцию, боятся Мадеро, мечтают о том, чтобы укрепился у власти де ла Барра или один из генералов-порфиристов. Даже называют имя нового кандидата в диктаторы — это генерал Бернардо Рейес, прибывший в столицу из Парижа.

Газеты, находящиеся в руках порфиристов, используют вновь завоеванную свободу печати для нападок на революцию. Изо дня в день в них высмеиваются Мадеро и другие революционные деятели.

Порфиристы организуются, собирают силы, готовятся к наступлению.

Вождь революции Франсиско Мадеро не замечает или не желает замечать происходящих вокруг событий. Он словно живет в лучшем из миров. Его речи и выступления пропитаны ничем не обоснованным оптимизмом. Мадеро утверждает, что революция победила, что теперь остается только ждать наступления нового, счастливого века, который начнется с приходом его, Мадеро, к власти.

Наиболее дальновидные советники Апостола пытаются спустить его с неба на землю. Они предупреждают Мадеро о заговорах порфиристов, о том, что необходимо срочно решить земельный вопрос. Если это не будет сделано, произойдет новая, крестьянская революция, которая сметет не только помещиков, но и самого Мадеро.

Апостол не прислушивается к здравым голосам. Более того, он отстраняет от себя своих доброжелателей. Его представитель в правительстве Васкес Гомес — точно кость в горле порфириста де ла Барры. Васкес Гомес — радикал, выступает против роспуска освободительной армии. Он выгнал из министерства внутренних дел порфиристов и заменил их преданными революции людьми. Неудивительно, что де ла Барра требует отставки Васкеса Гомеса. Удивляет Другое: Мадеро не только одобряет отставку, но и публично осуждает своего верного и преданного товарища. Васкес Гомес выходит из правительства и из друга превращается во врага Мадеро.

Мадеро стремился установить мир и порядок в стране ценой подчинения народных сил господствующим классам. Правда, исходил он при этом из самых добрых побуждений. Он считал, что, поступая так, действует в интересах народа. В результате Мадеро терял друзей среди революционеров и не завоевывал их среди порфиристов.

В штате Морелос власть по-прежнему находилась в руках вооруженных крестьян, которых возглавлял Эмилиано Сапата. Крестьянский вождь отказался разоружить своих бойцов и не признал правительство де ла Барры.

Мадеро едет к Сапате в город Куаутлу. От имени правительства он обещает вернуть крестьянам Морелоса некогда захваченные у них помещиками земли и отозвать из штата федеральные войска. Сапата верит Мадеро. Он отдает приказ о роспуске своих отрядов. Однако правительство, от имени которого действует Мадеро, отказывается признать достигнутое им соглашение. Против отрядов Сапаты бросают карательную экспедицию под командой генерала Викторiano Уэрты. Все это происходит, когда Мадеро еще находится в гостях у Сапаты в Куаутле. Узнав о выступлении против них войск Уэрты, бойцы Сапаты пытаются линчевать Мадеро, а тот, в полное недоумение от действия правительства, поспешно уезжает из Куаутлы под возгласы разъяренных крестьян: «Смерть предателю!» С тех пор Сапата, будет всегда считать Мадеро врагом мексиканского народа

1 октября состоялись президентские выборы. Кандидат в президенты был только один — Франсиско Мадеро. Зато кандидатов в вице-президенты было трое: поэт и адвокат Пино Суарес, рекомендованный Мадеро; Васкес Гомес, бывший сподвижник Мадеро, а теперь его противник, и, наконец, де ла Барра, выдвинутый вновь созданной католической партией. Победили Мадеро и Пино Суарес.

На следующий день американская газета «Глоб» издевательски писала: «Сумасшедший, спирт, неуравновешенный реформатор избран президентом Мексики. За него единодушно проголосовал мексиканский народ, который считает его освободителем, апостолом и провидцем. В то же время два самых реалистических мексиканца, великие политически деятели и примерные помещики, генерал Диас и его министр Лимантур, находятся в ссылке в Европе, точно вульгарные испано-американские тираны. Мы до сих пор смеялись над Мадеро и над спиритизмом, обещаем больше не смеяться в случае, если вновь какой-нибудь спирт восстанет против очередного испано-американского деспота».

6 ноября 1911 года де ла Барра передал бразды правления вновь избранному президенту. Из Национального дворца, находящегося в центре города на площади Соколо, торжественный кортеж, возглавляемый новым президентом, направился в Чапультепек.

Толпы народа приветствовали нового президента. Простые люди продолжали верить в Мадеро. Для них он все еще оставался символом справедливости. Теперь, когда после стольких мытарств он стал президентом — вершителем судеб своей страны, Мадеро сможет осуществить все то, что он обещал.

— Смотри, Панчо, каким красавцем выглядит Паскуаль Ороско рядом с твоим тезкой, — сказал Томас Урбина, ухмыляясь и толкая в бок Вилью, когда кортеж проезжал по главному проспекту столицы — Пасео де ла Реформа.

Вот уже два дня как неразлучные друзья находились в городе дворцов, куда они приехали из Чиуауа, с тем, чтобы побывать на торжествах.

— А кто это по другую сторону коляски президента пляшет на буланном? — спрашивает Панчо своего кума Урбину, показывая на незнакомого ему генерала, сопровождавшего Мадеро.

— Наверно, какой-нибудь сукин сын. Эй, амиго, — обращается Урбина к стоявшему рядом рабочему,
— кто этот генерал с собачьей мордой, что на буланном, рядом с Мадеро?
— Викториано Уэрта, сеньор.

— Ты слышишь, Панчо, с кем дружит теперь твой тезка?

Вилья угрюмо молчит.

Что же будет дальше, компадре Панчо?

— Кто знает, компадре Томас... Поживем — увидим...

Глава третья. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В те дни президентом стать

враги помогли Уэрте,

и тут же Уэрта предал

Франсиско Мадеро смерти.

В злосчастный февральский день,

двадцать второго числа,

сердце дона Франсиско

холодная пуля нашла.

Уэрте он помогал,

но об этом забыл убийца.

«Зло не ценит добра», -

в народе не зря говорится...

Убили Франсиско Мадеро,

и песне моей конец.

Сложил эти грустные строки

Лосано, народный певец.

ПАНЧО ВИЛЬЯ В ЕДИНОБОРСТВЕ СО СМЕРТЬЮ

Не успел Мадеро провести и одну ночь в Чапультепекском дворце, как ему сообщили, что Васкес Гомес объявляет его низложенным. С группой своих приближенных Васкес Гомес эмигрировал в

США, откуда угрожал новому президенту. При этом он выступает за проведение аграрной реформы. Ходят слухи, что его поддерживает броско.

Мадеро, однако, не спешил с обещанными реформами. Он искал примирения с порфиристами, он даже послал телеграмму находившемуся в изгнании Диасу, в которой заверил, что гарантирует ему неприкосновенность в случае возвращения на родину. Поведение Мадеро отталкивало от него революционно настроенных крестьян, которые все с большей решимостью поддерживали своих собственных вождей, таких, как Эмилиано Сапата, продолжавших требовать уничтожения господства помещиков.

25 ноября сторонники Сапаты, не дождавшись от правительства раздела помещичьих земель, опубликовали свою программу — «План де Айала»,^[5] — в которой объявляли Мадеро предателем и требовали проведения аграрной реформы.

Мадеро ответил военными действиями. Против Сапаты были брошены отборные части старой федеральной армии. Генералы, командовавшие этими частями, предавали огню и мечу земли Морелоса, расстреливали заподозренных в симпатиях к Сапате. Однако им не удалось разбить Сапату. Его поддерживало крестьянство. При приближении крупных частей противника воины Сапаты уходили в горы или же прятали оружие и превращались в мирных крестьян. Но стоило только федералам послать патруль или небольшой отряд в разведку, как их немедленно уничтожали.

Хотя Мадеро открыто выступил против революционного крестьянского движения, порфиристы считали его слишком мягким, либералом, неспособным справиться с революционным крестьянством.

13 декабря с территории США в Мексику вторгся во главе вооруженного отряда новый претендент на президентское кресло — генерал Бернардо Рейес, бывший в свое время одним из столпов диктатора Диаса. Рейес провозгласил себя новым президентом, обещал крестьянам землю, но поднятое им восстание потерпело поражение. Неделию спустя Рейес сдался правительственным войскам и был по приказу Мадеро заключен в военную тюрьму Сантьяго, неподалеку от Мехико.

Взялся за оружие и племянник дона Порфирио генерал Феликс Диас, которому удалось захватить порт Веракрус. Однако верные Мадеро войска быстро подавили и этот мятеж. Вскоре Феликс Диас присоединился к своему коллеге Бернардо Рейесу в военной тюрьме Сантьяго.

Всем бросалось в глаза, что власти, не щадившие жизни революционных крестьян, относились почти с благоговением к мятежным генералам. В тюрьме Сантьяго заговорщики жили, как в гостинице, принимали своих единомышленников, продолжая плести нити антиправительственного заговора. Но все это президента не тревожило.

Больше всего беспокоили Мадеро намерения Паскуаля Ороско. После вступления в должность президента Мадеро назначил его командующим северной военной зоной с центром в Чиуауа. Но Ороско был недоволен. Он надеялся получить пост военного министра; Мадеро же назначил на эту должность Венустиано Карраису. Тогда Ороско потребовал возместить ему и его родственникам «убытки», понесенные в результате революции, оценив их в 100 тысяч песо, но получил только 50 тысяч. Себе же Мадеро взял из казны 700 тысяч; правда, эти деньги пошли на уплату долгов американским нефтяным компаниям, которые в период борьбы за власть финансировали будущего президента.

Ороско считал себя обиженным, что сразу же заметили подлинных хозяева Чиуауа — помещики. Их доверенные люди стали обхаживать Ороско, советуя порвать с Мадеро. Васкес Гомес также

предложил Ороско восстать против Мадеро и признать его, Васкеса Гомеса, президентом. Ороско слушал и мотал себе на ус.

В феврале 1912 года Мадеро по совету Абраама Гонсалеса, занимавшего пост министра внутренних дел, вызвал в столицу Панчо Вилью.

Почти год жил Вилья в Чиуауа, на окраине которой в старом глинобитном доме на 10-й улице содержал вместе со своим кумом Томасом Урбиной мясную лавку. Его дом служил пристанищем для всех, кто был недоволен порядками в Чиуауа, где хозяйничал Ороско.

Панчо внимательно следил за событиями, но разобраться в них ему и его друзьям — неграмотным крестьянам — было не так легко.

Вилья понимал, что новое правительство не оправдало надежд народа, но он продолжал верить в самого Мадеро. Верил в него Вилья потому, что в правительство входил его друг и наставник Абраам Гонсалес, которого ненавидели помещики Чиуауа столь же люто, как и самого Панчо.

Вот почему, когда Мадеро принял Панчо в Чапультепекском дворце и спросил, останется ли он верен правительству в случае восстания Ороско, Вилья, не колеблясь, ответил утвердительно.

— Возвращайся, милый Панчо, в Чиуауа, — сказал ему на прощание Мадеро, — и внимательно следи за Ороско. Если он поднимет восстание, собирай своих друзей и наноси ему удары там, где сможешь, правительство окажет тебе помощь.

Доверие Мадеро растрогало Вилью. Он искренне хотел помочь этому бородатому человечку с голубыми глазами, которого считал другом народа и которому, как видно, очень нелегко было жить во дворце, где все еще витала злоеющая тень диктатора Диаса. И то, что Мадеро, президент республики, в трудную минуту вспомнил именно о нем, Панчо Вилье, неграмотном пеоне из Чиуауа, обязывало его откликнуться на зов Апостола.

Ороско понимал, что в лице Вильи он имел опасного врага. Поэтому, когда в марте 1912 года у него появилось намерение вновь взяться за оружие, он прежде всего позаботился о том, чтобы избавиться от Вильи.

Ороско устроил побег из местной тюрьмы известного бандита Рохаса и затем послал Вилье следующий приказ: «Амиго Вилья! Возьмите взвод солдат и отправляйтесь в погоню за Рохасом. Держитесь от него на расстоянии одного дня пути и не расходуйте ни одного патрона».

Стреляного воробья не легко было провести на такой мякине. Вилья возвратил Ороско приказ, написав на его обороте: «Сеньор Паскуаль Ороско! Я ознакомился с содержанием вашего письма и сообщаю вам в ответ, что предателям и подлецам будет нелегко меня использовать. Я покидаю Чиуауа; вскоре вы убедитесь, что я — честный человек».

Когда Ороско читал эти строки, Вилья уже скакал со своими людьми по направлению к родным горам Сьерра-Асуль...

Восстание Ороско вначале имело успех. Прикрываясь прогрессивными лозунгами, обещая раздать землю крестьянам и поставить на место Мадеро радикала Васкеса Гомеса, Ороско сумел повести за собой значительную часть крестьянства штата Чиуауа. Войска, посланные против него правительством, потерпели поражение, командовавший ими военный министр покончил самоубийством.

Пока правительство снаряжало новую экспедицию против Ороско, единственной силой, сдерживавшей мятежников, был отряд Панчо Вильи.

После неудачи с приказом Ороско прибегнул к другой уловке. Однажды он послал к Вилье своего отца. Старик Ороско предложил Панчо 300 тысяч песо за то, чтобы он оставил Мексику и уехал в Соединенные Штаты.

— Если я вас не расстреляю, — ответил Вилья, — то лишь потому, что я честный человек. Возвращайтесь к сыну и скажите, что он предатель и что я буду бороться против него до тех пор, пока не уничтожу.

Впоследствии Вилья рассказывал, что, глядя на старика Ороско, он подумал: самое худшее, что может выпасть на долю человека, это быть отцом предателя.

Вилья решает взять город Парраль, где каждый второй житель его кум или приятель.

У Вильи всего 70 человек в отряде, а в Паррале 400 бойцов. Но Вилья уверен в победе и, как всегда в таких случаях, направляет перед боем послание своим противникам: «Если вы сторонники Мадеро, то встречайте меня с музыкой. Если же вы его враги, то выходите сражаться со мной».

Командир гарнизона в Паррале нервничает. Неужели Вилья со своими семьдесятю бойцами отважится привести в исполнение угрозу? Как истинный кабальеро, Вилья ждет ответа весь день. Ночью он незамеченным пробирается со своими бойцами в окрестности Парраля и появляется в одной из казарм, где расквартирован отряд его старого соратника Макловио Эрреры. Панчо убеждает приятеля порвать с Ороско, затем с помощью Эрреры разоружает остальные части гарнизона.

Итак, не сделав ни одного выстрела, Вилья овладевает Парралем. Победитель накладывает контрибуцию в 100 тысяч песо на местных богатеев. Ему эти деньги нужны для того, чтобы вознаградить своих солдат, закупить боеприпасы.

Ороско решает отбить Парраль и направляет против него колонну солдат, в несколько раз превосходящую силы Вильи. Командир колонны настолько уверен в победе, что вызывает Вилью к телефону и говорит:

— Звоню тебе из Сомбрерильо, жди меня под вечер. Я приеду сбить с тебя спесь.

— Просим, почтеннейший, просим. Мы тебя обласкаем соответствующим образом.

Командир колонны точен. Вечером его солдаты атакуют Парраль. Однако все попытки овладеть городом кончаются неудачей. Измотав врага, Вилья вынуждает его отступить.

Четыре дня спустя новая армия мятежников в 5 тысяч бойцов — пехота, кавалерия, артиллерия — вновь атаковала Парраль.

Напуганные местные богатеи послали к Вилье делегацию с просьбой сдать город без боя.

— Сеньоры, — ответил им Вилья, — я не могу отступить без боя. Мне запрещает сделать это моя воинская честь. Я буду здесь сражаться до тех пор, пока враг меня не удалит из города силой или я его не одолею.

Весь день длился неравный бой. К вечеру Вилья вынужден был оставить Парраль. Во время отступления к нему присоединился его компадре Томас Урбина с отрядом в 400 человек. Урбина сообщил, что в Торреон из столицы прибыл генерал Викториано Уэрта во главе дивизии правительственных войск для борьбы с Ороско. Вскоре Вилья получил приказ явиться к Уэрте в Торреон.

Любимчик диктатора Диаса, коротышка с лицом гиены, всегда в темных очках, всегда пьяный, завзятый курильщик мариуаны, Уэрта производил отталкивающее впечатление. Однако он слыл самым способным генералом федеральной армии. Поэтому именно ему и поручил Мадеро подавить мятеж Ороско.

Незамеченным появляется в Торреоне Вилья. Никто в штабе не обращает внимания на запыленного, обросшего щетиной пеона, который без доклада проводит к Уэрте.

Уэрта, как обычно, пьян. Он хлопает по плечу Вилью:

— Панчо! Твои отряды будут действовать в авангарде моей армии. Они будут ее ударной силой. Ороско мы скрутим в два счета.

В тот же день Вилья получает телеграмму от Мадеро; «Панчо, я поздравляю тебя с проявленной преданностью. Дай бог, чтобы ты всегда вел себя так, как теперь. Проси у генерала Уэрты все, что тебе нужно. Он тебя всем обеспечит. Ты мне доставишь большое удовольствие, если будешь действовать в согласии с этим генералом».

Войска Уэрты начинают медленно двигаться по направлению к Чиуауа. В авангарде идет отряд Вильи, который принимает на себя всю тяжесть ударов мятежников.

В походе Вилья внимательно наблюдает за работой боевого механизма большой армии. В особенности привлекает его внимание артиллерия. Он расспрашивает у артиллеристов, как они выбирают цель, как делают наводку, как заряжают пушки.

При селении Тауалило Вилья окружил и разгромил большой отряд Ороско.

Среди сторонников Ороско было много пеонов, которые примкнули к нему в надежде, что он осуществит их заветную мечту — прогонит помещиков и отдаст землю крестьянам. Вилья знал это. Он приказал приводить к нему пленных и каждому объяснял, что Ороско продался помещикам и защищает интересы толстосумов.

— А теперь, амиго, — заканчивал Вилья свою беседу с очередным пленным, — делай, как знаешь; хочешь служить помещикам — возвращайся к Ороско, хочешь бороться за народное счастье — оставайся с нами.

Пленные, как правило, оставались с Вильей, но некоторые возвращались к своим друзьям для того, чтобы уговорить их перейти на сторону Панчо.

Армия Уэрты настигла главные силы Ороско в местности Сьерра де лос Конехос — Горы зайцев.

Накануне боя Уэрта вызвал Вилью.

— Панчо, на рассвете начнется сражение. Вам надлежит первому напасть на правый фланг противника и преследовать врага до тех пор, пока не разобьете его наголову или пока мне не сообщат, что вы пали смертью храбрых на поле брани.

— Слушаюсь, сеньор генерал. Вилья пошел к своим бойцам.

— Мучачос! Завтра нас ждет или победа, или смерть. Я поведу вас в бой. Будьте беспощадны к врагу. Ороско должен быть разгромлен.

На заре отряд Вильи перешел в наступление, в то время как основные силы Уэрты продолжали оставаться на месте. Только артиллерия оказывала поддержку бойцам Вильи, которые в стремительной атаке едва поспевали за своим вожаком.

Мятежники были разгромлены без участия федеральных частей Уэрты.

После победы при Сьерра де лос Конехос по приказу Мадеро Вилье был присвоен чин бригадного генерала.

Итак, победа одержана. Правительственные войска заняли город Хименес, скоро они победоносно войдут в Чиуауа.

Но для Вильи вновь начинаются невзгоды. То к нему подсылают убийцу и только по счастливой случайности он остается жив. То Вилья узнает о приказе Уэрты арестовать его верного помощника Томаса Ур-бину.

Уэрта вызывает Вилью в свою ставку в Хуаресе. Вилью мучит лихорадка. Он прибывает в город совсем больным и сваливается. Его кладут в постель. Уэрта посылает к нему своего адъютанта с приказом явиться немедленно. Вилья отвечает, что болен, лежит в постели и сможет подняться только завтра.

Ставка Уэрты помещается у вокзала, в одном из поездов. Утром Вилья является туда. От командующего разит коньяком. Он, не здороваясь с Вильей, кричит:

— Я вам приказал явиться вчера, вы же являетесь, когда зам взбредет в голову. Разве так должен вести себя офицер? Вы знаете, что- такое дисциплина, субординация, долг, офицерская честь? Служить в армии — это вам не коров воровать.

Вилья пытается объяснить, что вчера его лихорадило. Ведь адъютант командующего видел его в постели. Уэрта не понимает.

— Я не потерплю анархии. Вы, генерал Вилья, не только анархист, но и грабитель. Мне доложили, что вы присвоили себе жеребца моего друга помещика Педрасы. Я требую, чтобы вы немедленно возвратили жеребца его хозяину.

— Генерал, о каком жеребце идет речь? — спрашивает ошарашенный Вилья, который считал лошадей помещиков народным достоянием.

Уэрта стучит кулаком по столу:

— Вы не знаете, о каком жеребце идет речь? Невинный голубок! Вы ездите на украденном вами жеребце и делаете вид, что впервые об этом узнали. Вы — конокрад, а конокрадов в моей армии наказывают смертью. Эй, стража!

В салон входят несколько офицеров, в руках у них пистолеты.

— Немедленно расстреляйте генерала Вилью! — приказывает им Уэрта.

— Но за что? Я ни в чем не виновен, — пытается оправдываться Вилья.

— Ваше оружие, генерал!

Офицеры отбирают у Вильи оружие и выводят его на перрон. Неподалеку от вагона, у стенки вокзала, выстроился взвод солдат. Сержант мелом ставит на стене крест и отходит на пятнадцать шагов.

Офицер, стоящий во главе взвода, приказывает:

— К стенке, амиго!

— Полковник, неужели вы меня расстреляете? Если я должен умереть, то по крайней мере скажите, в чем моя вина?

— Таков приказ генерала Уэрты. Он знает, в чем твоя вина.

Только теперь Вилья понял, почему Уэрта приказал его расстрелять. Ведь Уэрта — бывший слуга Диаса — предатель. Нужно спастись во что бы то ни стало. Выиграть время.

Вилья начинает рыдать.

Полковник в недоумении... Кто бы поверил: Вилья, гроза Чиуауа, в слезах!

— О сеньор полковник! Разрешите мне обнять вас перед смертью.

Вилья медленно подходит к полковнику, долго обнимает его и целует.

Вилья просит разрешения обнять и других присутствующих здесь офицеров. Шатаясь, точно пьяный, он всех по очереди обнимает и целует.

Вилья подходит к солдатам и начинает обниматься с ними.

— Я невиновен, я сражался за Мадеро, за революцию. За что меня посылает на тот свет генерал Уэрта?

Быстро разносится по вокзалу и соседним улицам весть: Вилью расстреливают по приказу Уэрты.

Проходит всего несколько минут — и к перрону стекается большая толпа железнодорожников, носильщиков, пеонов. Они требуют отпустить Вилью.

Полковник нервно озирается по сторонам, затем говорит:

— Одну минутку, я сейчас вернусь.

Вилья продолжает прощаться с солдатами, которых все плотнее окружает толпа. Но вот полковник возвращается.

— Генерал Уэрта приказал немедленно привести приговор в исполнение.

В толпе раздаются негодующие возгласы. Сержант пытается силой подтолкнуть Вилью к кресту на стенке. Вилья вырывается и, подходя к солдатам, становится перед ними на колени.

Проходит несколько секунд.

К группе подбегает полковник Франсиско Кастро.

— Что здесь происходит?

— Генерал Уэрта приказал расстрелять генерала Панчо Вилью.

— Но ведь это преступление. Стойте! Я все выясню.

И вновь солдаты опускают ружья. Стрелять в Панчо Вилью им явно неохота, да и опасно. Собравшиеся не скрывают своих симпатий к нему.

Бегом возвращается Кастро, его сопровождает Рауль, брат президента Мадеро. Кастро говорит, что связался по телеграфу с президентом Мадеро и тот отдал приказ Уэрте отменить свое решение.

Все облегченно вздыхают. Панчо Вилья поднимается, отряхивает с одежды землю.

— Смерть пришла за мной, но, видать, ошиблась часом. Спасибо, амигос, — говорит он солдатам, — что пощадили меня. Пули, которые вы сэкономили на мне, пригодятся для врагов революции.

Вилья в сопровождении офицеров возвращается в вагон к Уэрте.

— Генерал, за что вы хотели лишиться меня жизни? Разве я не был верен революции? Разве я не выполнял свой долг, все ваши приказы?

В ответ генерал Уэрта смеется, и его смех подобен рычанию гиены.

ШКОЛА ЗА ТЮРЕМНОЙ РЕШЕТКОЙ

Мадеро спас жизнь Вилье, но он не хотел портить отношений с Уэртой. Президент приказал переправить Вилью в военную тюрьму Сантьяго «для следствия и суда над ним».

Поезд, в котором под охраной следовал в столицу Вилья, останавливался в Торреоне, Монтеррее и других городах. Всюду Вилью встречали толпы пеонов, крестьян. Они приносили ему в вагон фрукты и еду, кричали: «Да здравствует Вилья — друг бедных», «Освободите Вилью!» В столице Вилью ожидали на вокзале фотографы и журналисты.

В душе Вильи царило смятение. Дважды он помогал Мадеро, и оба раза, когда в его услугах уже не было надобности, его устранили, точно прокаженного. Было ли это случайностью? Почему ему доверяли сражаться и проливать кровь за правительство, а когда те, кто правил страной, переставали опасаться за свое будущее, на него смотрели с подозрением и недоверием? Не потому ли, что он боролся против помещиков, за крестьянскую правду? Может быть, именно за это ненавидели его так люто Уэрта, помещики Чиуауа, не доверял ему Мадеро, окруживший себя слугами свергнутого диктатора?..

Эти и многие другие вопросы задавал себе Вилья, сидя в одиночной камере. Но ясного ответа на них не находил.

Может быть, ему помогут разобраться в происходивших событиях более сведущие люди? В той же тюрьме были заключены противники Мадеро. Вилья потребовал, чтобы ему разрешили видеться с ними. Ему отказали. Тогда Панчо объявил голодовку. Директор тюрьмы вынужден был удовлетворить его просьбу.

И вот Панчо Вилья свободно разгуливает по двору тюрьмы Сантьяго. Вместе с ним прохаживаются холеные генералы, мятежники Бернардо Рейес и Феликс Диас.

Они с любопытством и уважением смотрят на одетого по-крестьянски Панчо Вилью, грозу Чиуауа, революционного генерала, благодаря победам которого пришел к власти их враг Мадеро.

— Дурак ты, Панчо, что связался с этим полоумным Мадеро, — говорит ему Диас. — Ты ему помог стать президентом, а он тебя в благодарность за это посадил в тюрьму и еще, чего доброго, прикончит. Это нас он постесняется расстрелять, а тебя, пеона, уничтожит, как блоху.

— Амиго Панчо, — вторит Диасу его сообщник по заговорам Рейес, — переходи лучше на нашу сторону. Мы — кабальеро, а не обманщики вроде твоего Мадеро. Будешь нам служить верой и правдой — все будет у тебя: и поместья, и деньги, и красивые женщины. Мы ведь защищаем интересы простых людей, таких, как ты, поэтому Мадеро и заточил нас сюда.

— Знаю, — прищурясь, отвечает Вилья, — знаю. Напрасно вы жертвуете собой. Народ этого не стоит, он не любит своих благодетелей. Чего доброго, он с вами поступит похуже, чем поступил со мной Мадеро.

Вилья видит, как почти ежедневно навещают мятежных генералов их сообщники, как Диас и Рейес готовят на виду у тюремного начальства новый антиправительственный заговор.

«Эх, бедный Апостол, — думает Вилья, — свернут эти стервятники тебе шею как пить дать, и не сможет уже верный Панчо оказать тебе помощь».

Дни тянулись медленно, Панчо Вилью никто не допрашивал, не вызывал.

Однажды на тюремном дворе к Вилье подошел молодой человек небольшого роста, с живыми черными глазами и отрекомендовался: — Генерал Хильдардо Маганья. С тех пор их всегда видели вместе. Маганья, как и Абраам Гонсалес, был сельским учителем. В начале революции он примкнул к движению Эмилиано Сапаты, храбро сражался в рядах его армии, был произведен в генералы. Уэрта его взял в плен. Его хотели расстрелять, как и Вилью, но Мадеро даровал ему жизнь. Так очутился Маганья за решеткой.

— У нас было много революций, — объяснял Маганья Вилье, — но только немногие из них проводились в интересах народа. Если не считать президента Хуареса, то власть в нашей стране всегда находилась в руках помещиков и других эксплуататоров. Когда народу становилось невмочь сносить гнет их очередного ставленника — президента, они его меняли, точно грязную рубашку, на другого «друга народа». И это называлось «революцией». Народу нужна не такая революция, а социальная, которая покончит с помещиками, с эксплуататорами.

— Но ведь Мадеро обещал совершить именно такую революцию.

— Эту революцию может совершить только сам народ, люди такие, как ты. Беда Мадеро в том, что он пытается скакать одновременно на двух лошадях. Мадеро знает, что он должен дать землю крестьянам, но он боится обидеть помещиков. Сегодня он выступает в защиту интересов народа, а завтра выполняет волю его врагов. В правительстве Мадеро только два министра, участвовавшие в

борьбе против Диаса, остальные — старые порфиристы. От такого правительства народу добра нечего ожидать. Но и правительству несдобровать. Мадеро, расправляясь с такими верными революции людьми, как ты и Сапата, рубит сук, на котором сам сидит.

— Что же в таком случае следует делать нам, простым людям? За кого нам драться, если от Мадеро нам ждать нечего?

— Видишь ли, Панчо, таким людям, как ты и Сапата, в которых верят наши крестьяне, не следует драться ни за Мадеро, ни за какого-либо другого каудильо. Вы сами сможете повести за собой весь народ, вы сами сможете завоевать ему счастье.

— Но ведь мы неграмотные, темные. Разве сможем мы управлять государством?

— Панчо! Если ты научился выигрывать сражения у ученых генералов, ты можешь научиться и грамоте. Читать ты уже умеешь, писать тоже.

— Да! Этому меня научил дон Абраам Гонсалес, — не без гордости ответил Вилья.

— Отлично, генерал! А я тебя научу арифметике, истории и географии, благо у нас свободного времени хоть отбавляй.

Маганья начал заниматься с Панчо Вильей. Ученик часто жаловался, что выигрывать сражения у пеладос куда легче, чем решать арифметические задачи. Тем не менее он продолжал корпеть над грифельной доской, с которой теперь не расставался.

По вечерам Вилья читал подаренную ему Хильдардо книгу «Три мушкетера» Александра Дюма. Это была первая книга, которую удалось прочесть Панчо Вилье.

ПОБЕГ

В конце 1912 года Вилью стали, наконец, водить в военный трибунал к следователю, который заинтересовался его «делом». Впрочем, интерес к арестованному проявлял не столько следователь, сколько его секретарь, 22-летний Карлитос Хауреги. Он не скрывал своего восхищения Панчо Вильей, всегда старался оказать ему какую-нибудь услугу.

Как-то Хауреги предложил Панчо выучить его писать на пишущей машинке. Вилья заинтересовался, купил себе машинку (деньги на расходы ему присылали верные друзья из Чиуауа) и изрядную часть дня стучал на ней в своей камере.

— Знаешь, Карлитос, что мне напоминает стук пишущей машинки? — говорил Вилья своему молодому почитателю.

— Что, мой генерал?

— Пулеметную очередь, о которой я здорово соскучился.

Однажды Хауреги, провожая Вилью из трибунала в тюрьму, незаметно во дворе сунул ему в руку записку.

— Это вам, генерал!

Вилья не стал задавать лишних вопросов. В камере он развернул листок тонкой бумаги и прочитал:

«Амиго Панчо! Тучи сгущаются. Враги революции вновь поднимают голову. Доверься подателю сего письма. Твои друзья тебе помогут.

Тот, кто учил тебя грамоте на 10-й улице».

Абраам Гонсалес! Только он мог написать эту записку. Неужели Гонсалес предлагает ему бежать? А если это провокация, если его, Вилью, хотят толкнуть на побег, чтобы убить «при попытке к бегству»? Как узнать правду?

Несколько дней Вилья избегает встречаться с Хауреги. Он посылает письмо в Чиуауа своему брату Иполито. Панчо просит брата приехать к нему вместе с Томасом Урбиной.

Вскоре Иполито и Томас уже прохаживались с Вильей по тюремному двору. Да! Они встречались с Абраамом Гонсалесом. Тот настаивает на немедленном побеге Вильи из тюрьмы. В столице готовится новый мятеж. Нити заговора ведут к тюрьме Сантьяго, к Бернардо Рейесу и Феликсу Диасу. Мятежники при первой же возможности убьют Вилью. Времени терять нельзя.

Долго совещался Вилья с Карлитосом Хауреги. Тот согласился не только организовать побег, но и бежать вместе с Панчо. Для побега решили выбрать день рождества — 25 декабря 1912 года. Хауреги в условленном месте подпилит решетку, отделявшую тюрьму от военного трибунала, и Вилья незаметно пробрался туда в намеченный для побега день.

В одной из комнат трибунала, который в этот день был пуст, Вилья переоделся в отлично сшитый костюм, надел котелок, получил паспорт на имя лисенсиата Мартинеса и портфель, в котором лежали два пистолета и 100 патронов. Затем он и Хауреги никем не замеченные вышли из здания трибунала и сели в первое попавшееся такси. Шоферу было приказано ехать в местечко Толуку, что неподалеку от столицы.

Не успела машина тронуться, как «лисенсиат» побледнел и затрясся, точно в лихорадке. Дрожащими руками он открыл портфель и схватил пистолеты.

— Что с вами, лисенсиат? — шепотом спросил Вилью не на шутку обеспокоенный Хауреги.

Но «лисенсиат» только сжал челюсти и ничего не ответил.

Вскоре он пришел в себя и стал рассказывать своему спутнику веселые анекдоты из своей «судейской» практики.

— Ты понимаешь, мучачито, — объяснял потом своему спутнику Вилья, — когда я впервые в жизни очутился в этой чертовской штуковине на колесах, то почувствовал себя совершенно беззащитным. Мне вдруг показалось, что в этой проклятой мышеловке нас могут запросто ухлопать. Мысленно я тебя страшно ругал за то, что вместо лошадей ты взял этот гроб на колесах.

По дороге их остановил военный патруль, проверил документы и обыскал. В портфель «лисенсиата», однако, никто не заглянул, и беглецы благополучно доехали до Толуки.

Там Вилья сбрил усы. Пройдя пешком пять километров до ближайшей железнодорожной станции, беглецы сели в поезд, который их доставил в Селайю. В этом городе они передохнули в доме рабочего, бывшего бойца Вильи.

К тому времени уже вся страна знала о побеге Вильи из тюрьмы. Газеты были переполнены сенсационными сообщениями. Враждебные правительству журналисты обвиняли Мадеро в бесхребетности, в том, что он вовремя не обезвредил опасного преступника и допустил его бегство из тюрьмы.

По всей стране начались розыски беглецов.

Конечно, в первую очередь их искали в районе Чиуауа. Зная это, Вилья и Хауреги направились в противоположную сторону — в тихоокеанский порт Мансанильо, оттуда пароходом в Масатлан, а затем поездом в пограничный городок Ногалес.

Был канун нового, 1913 года. Поезда шли почти пустые. Проводники были навеселе. На «важных пассажиров» никто не обращал внимания. Не доезжая до Ногалеса, «лисенсиат» и его спутник спрыгнули с поезда. В тот же день они незамеченными проникли в город, перешли главную улицу и очутились в США.

В те годы американо-мексиканская граница (в Ногалесе она проходила по центру города) почти не охранялась. Американцы и мексиканцы свободно ее переходили, тем более что в обеих странах не существовало тогда паспортной системы и определить подлинное гражданство жителей пограничного района было очень трудно.

Не задерживаясь в Ногалесе, Вилья и Хауреги отправились в другой американский пограничный городок, Эль-Пасо, напротив Хауреса. Там Вилью поджидали его брат Иполито и Томас Урбина. Здороваясь с ними, Вилья говорил: — Этому мальчику Хауреги я обязан жизнью. Беру вас в свидетели, что когда мы освободим Хуарес, я назначу его на один из самых прибыльных постов в этом городе — директором местной лотереи. Пока же ему придется послужить у меня личным секретарем.

И тут же, не теряя времени, Вилья стал диктовать своему секретарю письмо, адресованное Гонсалесу:

«Дон Абраам! Наконец я добрался живым и здоровым в Эль-Пасо. Я остался прежним Панчо Вильей, которого вы когда-то знали на 10-й улице. Мне пришлось многое вытерпеть, но к друзьям я по-прежнему отношусь хорошо. Сообщите об этом сеньору президенту республики и скажите ему: если он считает, что; я приношу вред моей стране, то я готов остаться жить в Соединенных Штатах. Его правительство не должно страдать из-за меня. Если же я ему понадобится когда-либо, то он всегда может на меня рассчитывать. Скажите ему также, что порфиристы, сидящие в тюрьме Сантьяго, готовят против него заговор. Они обещали мне за поддержку свободу и золото, однако я предпочитаю смерть предательству. Предупредите также президента, чтобы он не рассчитывал на помощь своих министров. Когда дело дойдет до драки, не они, а такие люди, как я, смогут его спасти. Дон Абраам! Послушайте меня, не теряйте времени, вооружайте народ, разрешите мне вернуться в Чиуауа и стать во главе народного ополчения. Смертельная опасность угрожает революции. Об этом сообщает вам Панчо Вилья».

На это письмо Вилье не суждено было получить ответа.

ИУДА И ЕГО ХОЗЯИН

Ранним утром 9 февраля 1913 года адъютант разбудил президента Мадеро и доложил ему, что генерал Мондрагон, старый сатрап Диаса, поднял мятеж в пригороде столицы Такубайе. Мондрагона поддержали курсанты находящейся там военной школы и расквартированные поблизости военные части.

Во главе колонны в две тысячи солдат Мондрагон двинулся к Сантьяго. Там были освобождены из тюрьмы подлинные руководители заговора — генералы Рейес и Диас. Оттуда мятежники направились к центру столицы, на площадь Соколо, с намерением захватить Национальный дворец — местопребывание правительства.

Мадеро велел немедленно подать себе коня и с группой верных друзей, подошедших к тому времени в Чапультепек, направился в соседние казармы военной академии. Курсанты академии единодушно откликнулись на его призыв поддержать правительство Республики. Возглавив их, Мадеро двинулся по направлению к Соколо.

По дороге президенту доложили, что мятежникам не удалось захватить Национальный дворец. Дворцовая охрана встретила их ружейными залпами. В перестрелке был убит генерал Рейес. Командование мятежников принял на себя Феликс Диас, который поспешил укрыться за толстыми стенами Сиудадели — оружейных мастерских, тоже расположенных в центре города.

Узнав обо всем этом, Уэрта поспешил предложить президенту свои услуги в подавлении мятежа. Не раздумывая, Мадеро тут же на улице назначил Уэрту командующим всеми вооруженными силами в столице и наделил его диктаторскими полномочиями.

Уэрта собрал все имевшиеся в распоряжении правительства войска и начал осаду Сиудадели. В центре города началось сражение.

В разгар боев к Мадеро неожиданно явился посол Соединенных Штатов в Мексике Генри Лейн Вильсон и заявил протест по поводу начатых правительством военных действий. Посол утверждал, что они угрожают безопасности американских граждан, проживающих в городе. Он потребовал от Мадеро прекратить наступление на мятежников, угрожая американской интервенцией.

Из президентского дворца Вильсон направился в Сиудаделу, где, как впоследствии выяснилось, призывал мятежников продолжать сражаться против войск правительства.

Генри Лейн Вильсон у себя на родине был не очень удачливым бизнесменом. Его брат при поддержке нефтяных монополий неоднократно избирался в конгресс. В последние годы правления Порфирио Диаса этим монополиям понадобился свой человек в Мексике, и они добились назначения в эту страну Генри Лейн Вильсона на пост посла.

Когда Мадеро выступил против Диаса, американские нефтяные монополии вначале оказали ему поддержку. Они предоставили ему заем в 700 тысяч долларов на покупку оружия. Американцы надеялись, что Мадеро будет покровительствовать им. Произошло, однако, неожиданное. Придя к власти, Мадеро возвратил нефтяным магнатам США весь заем, а затем начал облагать нефтяные компании налогами. При Диасе эти компании ничего не платили государственной казне. Мадеро же подписал закон, по которому обязал их платить налог в 20 сентаво с каждой тонны добытой нефти. Неудивительно, что Рокфеллер и другие нефтяные короли США, как и их слуга в Мексике Вильсон, возненавидели нового президента.

Вильсон имел зуб на Мадеро еще и по другой причине. Дело в том, что новый президент Мексики отменил субсидию послам, которую им выдавало правительство Диаса.

Так, агент Рокфеллера в Мексике посол Вильсон стал активным участником всех заговоров против Мадеро.

Свидетель этих событий кубинский посланник в Мехико Маркес Стерлинг в своих воспоминаниях пишет, что с началом мятежа посольство США в Мехико превратилось в настоящую штаб-квартиру заговорщиков. В разгар боев в столице посол Вильсон разрешил мятежникам печатать в подвале посольства антиправительственный бюллетень.

Генерал Уэрта не проявлял никакого желания овладеть Сиудаделой, хотя президент требовал от него решительного штурма крепости. Рискую жизнью, Мадеро сам поехал в Пуэблу, чтобы направить оттуда в столицу артиллерийские части, которыми командовал преданный правительству генерал Анхелес. Но Уэрта, вместо того чтобы использовать артиллерию, бросил на взятие крепости плохо вооруженные отряды бывшей освободительной армии. Их беспощадно косили пулеметы мятежников. Создавалось впечатление, что Уэрта сознательно посылал на гибель наиболее преданные правительству Мадеро части...

В это время Вильсон активизировал свою деятельность. Используя свое положение главы дипломатического корпуса, он при поддержке своих коллег — послов Англии и Испании — потребовал отставки Мадеро с поста президента.

Мадеро спокойно ответил, что иностранцы не вправе вмешиваться во внутренние дела Мексики.

Разъяренный Вильсон созвал дипломатический корпус и с пеною у рта стал доказывать, что Мадеро — «лунатик» и его следует немедленно отправить в дом умалишенных.

— Я наведу здесь порядок! — кричал Вильсон. Собравшиеся дипломаты с недоумением взирали на распоясавшегося янки: уж не сошел ли с ума представитель могучей северной державы?

Но нет, Вильсон пребывал в здравом уме. Он просто привык вести себя в Мексике, как у себя дома. Мадеро должен быть свергнут! Таков наказ, полученный Вильсоном от его хозяев в Вашингтоне.

Но как свергнуть Мадеро, если вся страна, узнав о мятеже, поднимется на защиту правительства? Даже Сапата прекратил военные действия против Мадеро, как бы давая правительству возможность расправиться с мятежниками.

С. Мадеро можно покончить, только нанеся ему удар в спину. Об этом знает Вильсон. Об этом знает и Уэрта, которого уже давно осыпает комплиментами посол США.

14 февраля Уэрта встречается с Диасом в одном из кафе в центре города.

Пока предатели договариваются, Мадеро в Чапультепекском дворце все еще благодушествует. Напрасно преданные ему люди предупреждают, что Уэрта — предатель. Мадеро скептически улыбается.

— Этого не может быть. Уэрта всегда был верен правительству.

Только 17 февраля Мадеро, наконец, решается потребовать от Уэрты объяснений, почему он медлит с взятием Сиудадели.

— Я заверяю вас, сеньор президент, что завтра все будет кончено, — почтительно отвечает Уэрта.

В глазах Уэрты, скрытых за стеклами синих очков, сверкают зловещие огоньки. Мадеро их не видит. Он доволен и вновь обнимает человека, которому доверил судьбу своего правительства.

Утром 18 февраля Мадеро принимает в Национальном дворце группу сенаторов, потребовавших от него уйти в отставку.

— Меня избрал народ, — отвечает им гордо Мадеро, — и я останусь президентом до тех пор, пока он будет оказывать мне доверие. Вас же назначил сенаторами Порфирио Диас.

Сенаторы уходят несолоно хлебавши.

Несколько часов спустя, когда Мадеро совещается со своими министрами, в кабинет врываются 20 офицеров и солдат и пытаются схватить его.

Адъютант президента стреляет в мятежников; они отвечают тем же. Один из приближенных Мадеро прикрывает его своим телом, и это спасает президента от верной смерти.

Нападающие удирают, но разбегаются и советники Мадеро.

Сам президент выходит на балкон и произносит перед столпившимися во дворе солдатами речь, последнюю в своей жизни.

— Солдаты! Предатели хотели арестовать президента республики. Но вы меня защитите, ибо я нахожусь здесь по воле мексиканского народа.

Солдаты молчат.

Мадеро возвращается в свой кабинет. Там его ждет с пистолетом в руке генерал Бланкет.

— Сеньор! Вы мой пленный.

Бланкет выталкивает Мадеро из кабинета в соседнюю комнату. Там они видят Уэрту.

— Предатель! История тебя осудит! — бросает ему Мадеро.

Уэрта пьян. Он смеется и приказывает запереть президента в кладовой дворца.

Полчаса спустя незаконнорожденный сын Уэрты Энрике Сепеда докладывал Вильсону о событиях в Национальном дворце.

«Когда Сепеда явился в американское посольство 18 февраля в два часа дня, — вспоминает очевидец, — рука у него была в крови. На первом этаже, куда он вошел, расположены кабинеты секретарей и атташе; в этот момент там находилось много людей и среди них был доктор Райан, хирург Красного Креста, который немедленно оказал Сепеде первую помощь... Сепеда сказал: «Меня ранили, когда я помогал арестовывать Мадеро, но я не хотел задерживаться и просить перевязывать мне рану, — я обещал послу, что он первым получит известие об аресте Мадеро...»

Сепеда сообщил Вильсону, что, кроме Мадеро, арестованы вице-президент Пино Суарес и генерал Анхелес. Захлебываясь от восторга, Сепеда рассказывал, как был схвачен брат президента — Густаво, которого особенно ненавидели заговорщики.

Незадолго до ареста Мадеро Уэрта пригласил Густаво на обед в ресторан, находившийся в районе президентского дворца. Во время обеда Уэрта вдруг спохватился, что якобы забыл пистолет, и попросил Густаво одолжить ему свой. Когда Густаво отдал ему оружие, Уэрта сказал, что пойдет звонить по телефону, и уже не вернулся. Присутствовавшие на обеде офицеры — сообщники Уэрты

— схватили Густаво, отвели его в Национальный дворец и отдали на расправу пьяным солдатам. Густаво был слепым на один глаз. Ему выкололи зрячий, а затем избили шомполами и стали в него стрелять. При вскрытии в теле Густаво было обнаружено 28 пуль. Зверскую расправу учинили и над мэром столицы Бассо. Десятки других верных Мадеро людей, попавших в руки предателей, в тот же день были убиты.

Слушая рассказ Сепеды, Вильсон не скрывал своего удовольствия. Наконец-то правительство Мадеро свергнуто! То-то будут рады в Вашингтоне...

Вильсон немедленно послал гонца в Сиудаделу к генералу Диасу с извещением о перевороте и приглашением встретиться вечером с Уэртой в американском посольстве. Аналогичное приглашение Вильсон передал через Сепеду Уэрте.

Иуды собрались в 9 часов вечера. Вильсон встретил их, как старых закадычных друзей. Предатели быстро договорились: временным президентом провозглашался Уэрта, который обязался до конца года провести выборы и поддержать кандидатуру Феликса Диаса на президентский пост. Тут же был составлен новый кабинет министров, возглавляемый Уэртой. Министром иностранных дел был назначен де ла Барра.

Пока Вильсон решал судьбы Мексики с Уэртой и Диасом, в одном из салонов посольства собрались главы иностранных миссий. Закончив переговоры, Вильсон появился перед собравшимися дипломатами под руку с Уэртой и Диасом и сообщил о достигнутых результатах. Вильсон тут же предложил всем выпить шампанского за здоровье нового президента и его будущего преемника.

Покончив с тостами, присутствовавшие поспешили покинуть гостеприимного хозяина. Дипломатам не терпелось сообщить своим правительствам последние сенсационные новости, а генералам-предателям предстояло заставить Мадеро и Пино Суареса подписать прошения об отставке. Это послужило бы сенату юридическим основанием провозгласить Уэрту временным президентом и подвести тем самым «законную базу» под совершившийся при активном содействии американцев переворот.

Легко сказать — вырвать отставку у Мадеро и Пино Суареса! Законные президент и вице-президент полны глубокого презрения к предателю. Они наверняка откажутся выполнить его волю.

Уэрта вызывает министра иностранных дел свергнутого правительства клерикала Ласкурайна и говорит ему;

— Мадеро и Пино Суарес должны сегодня же подписать отречение от своих постов. Если они этого не сделают, я прикажу расстрелять не только их, но и всех членов их семейства. Я не пощажу даже маленьких детей. И они знают, что я способен на это. Если же они выполнят мое требование, я разрешу сегодня же им и их родственникам покинуть Мексику. Пусть они отправляются в Веракрус. Там стоит кубинский крейсер «Куба», на нем они могут выехать в Гавану. Сходите к арестованным и передайте им это.

Нервная судорога пробегает по лицу Ласкурайна.

— Генерал, простите, но арестованные могут потребовать гарантий, что данное вами обещание будет выполнено...

— Я готов дать такие гарантии.

Ласкурайн спускается в интендантский склад, где содержатся под охраной пленники нового хозяина Мексики.

Мадеро и Пино Суарес не верят Уэрте, но они боятся за жизнь своих близких: жен, братьев, детей. В надежде спасти хотя бы их они подписывают отречение.

На следующий день к арестованным приходит кубинский посланник в Мексике Маркес Стерлинг. Он обещает сопровождать их в Веракрус, если, конечно, Уэрта сдержит данное им слово.

Но напрасны ожидания пленников и кубинского дипломата, искренне желающего им помочь. Проходит день, минует ночь, а от Уэрты никаких известий. Наконец пленникам сообщают, что их отъезд в Веракрус откладывается на неопределенное время.

— Теперь вас может спасти только посол Вильсон, — говорит кубинец, прощаясь с Мадеро.

Узник обнимает кубинца.

— До чего мы дожили: жизнь президента Мексики зависит от доброй воли иностранца! В этом доля и моей вины. Если мне суждено будет вновь стать главою республики, я проявлю беспощадность к врагам революции.

20 февраля Уэрта был официально провозглашен президентом. В этот же день жена Мадеро явилась к послу Вильсону и попросила его, чтобы он уговорил Уэрту сохранить жизнь ее мужу и вице-президенту Пино Суаресу.

Вильсон только что вернулся от Уэрты. От него разило коньяком, излюбленным напитком новоиспеченного президента.

— Сеньора, — сказал он жене Мадеро, — ваш муж сам виноват в том, что оказался в таком переплете. Он восстановил против себя всех здравомыслящих людей.

— Но чем он прогневил вас, сеньор посол?

— Он никогда не советовался со мной. Но вы не беспокойтесь, — Уэрта — джентльмен, вашего мужа он не прикончит. Зато Пино Суарес наверняка будет казнен.

— Какой ужас! Мой муж предпочтет умереть с ним.

— Это его право. Но спасти Пино Суареса я не могу и не хочу. Пино Суарес — опасный демагог, сторонник социальной революции. Таких людей общество обязано уничтожать, если оно желает выжить.

С негодованием и возмущением жена Мадеро покинула Вильсона.

22 февраля в американском посольстве отмечали день рождения Джорджа Вашингтона. С утра там царил радостное возбуждение. Уэрта и его союзник генерал Феликс Диас обещали почтить своим присутствием посольский прием.

К 7 часам вечера съехались почти все приглашенные — банкиры и генералы, помещики и представители американских фирм, богатые золотопромышленники и торговцы оружием. Они несколько часов ели, пили и провозглашали тосты за радушного хозяина и за «спасителей родины» — Уэрту и Феликса Диаса.

Особым успехом пользовался Уэрта, которого представляла присутствующим сама миссис Вильсон — жена посла. Генерал всем расточал староиспанские любезности. Дамам он говорил: «Я целую ваши ножки!», а мужчинам: «Я ваш покорный слуга!» Последнюю фразу он произносил особенно почтительно, когда ему представляли членов местной американской колонии.

В 9 часов вечера изрядно подвыпившие Вильсон, Уэрта и Феликс Диас затерялись в курительном салоне. В 11 часов Уэрта и Диас покинули посольство, а Вильсон закрылся у себя в кабинете, где стал редактировать очередную шифровку государственному секретарю Ноксу.

В час ночи зазвонил телефон. Посол поднял трубку.

— Говорит Сепеда. Господин посол, мой папа просит передать вам, что оба птенчика приказали долго жить. Я только что сам видел их трупы. Все произошло так, как было задумано.

— Сеньор Сепеда! Я прошу передать вашему отцу мое искреннее поздравление. Он действительно является мудрым государственным деятелем, в котором так нуждается Мексика.

Вильсон повесил трубку и быстро внес в шифровку дополнение: «Только что мне сообщили, что бывший президент Мадеро и вице-президент Пино Суарес убиты. Как удалось выяснить, они были убиты при попытке к бегству во время их перевозки из Национального дворца в тюрьму. Сегодня я рекомендовал президенту Уэрте перевезти их в более удобное помещение».

В действительности же произошло следующее.

Оставив в 11 часов вечера американское посольство, Уэрта и Диас направились в Национальный дворец. Там они вызвали преданного Уэрте майора Франсиско Карденеса и приказали ему немедленно прикончить узников.

О том, как это было сделано, рассказал впоследствии сам Карденес: «С группой офицеров мы ворвались в интендантский склад и силой вывели из него Мадеро и Пино Суареса. Генерала Анхелеса нам было приказано не трогать. На вопросы арестованных мы ответили, что перевозим их в тюрьму. Не доезжая до нее, мы остановили машины и приказали арестованным выйти. Когда Мадеро выходил из машины, я выстрелил в него несколько раз. Сержант Пимиента в то же время застрелил Пино Суареса. После этого мы из пулеметов обстреляли автомобили, симулируя нападение. Трупы убитых были доставлены нами в тюрьму».

На следующий день по приказу Уэрты Карденес был произведен в полковники, а сержант Пимиента — в офицеры.

Злодейское убийство Мадеро и Пино Суареса послужило сигналом для новых кровавых расправ. В эти дни погиб и Абраам Гонсалес, которого палачи бросили под колеса мчавшегося поезда...

За всеми этими преступлениями стояла тень американского посла Вильсона, о чем писал в своей листовке депутат парламента Луис Мануэль Рохас:

«Я обвиняю мистера Генри Лейн Вильсона, посла Соединенных Штатов в Мексике, перед американским народом в том, что он является морально ответственным за гибель Франсиско Мадеро и Хосе Мария Пино Суареса, которые были избраны в 1911 году президентом и вице-президентом Мексики.

Я обвиняю посла Вильсона в том, что он во время мятежа в столице угрожал правительству Мадеро военной интервенцией США.

Я обвиняю посла Вильсона в том, что он был организатором государственного переворота Уэрты, который был задуман и подготовлен в стенах американского посольства.

Я обвиняю посла Вильсона...

Я обвиняю...»

Глава четвертая. ВИВА, ВИЛЬЯ!

Генерал Франсиско Вилья

крикнул нам: «Назад ни шагу!

Торреон возьмем, ребята!

Мы ль не брали Охинагу?!»

Небо вспорото картечью,

пули рыскают со свистом,

но стремительных дорядос

не сдержать федералистам!

Мексиканцы не забудут

генерала Панчо Вильи.

На просторах мексиканских

Мы не раз тиранов били.

Так споем же напоследок:

«Вива ла Революсьон!»

Было трудно нам — и все же

мы ворвались в Торреон!

РОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ДИВИЗИИ

Я обвиняю, я обвиняю... Перестань читать мне эту чепуху. Нечего сказать, хорош сеньор лисенсиат. Выдает себя за сторонника Мадеро, а не нашел в себе храбрости шлепнуть Уэрту. Ах, мерзавцы, предатели!.. Убить такого человека, как Мадеро, прикончить дона Абраама!.. Ах, иуды!..

Панчо Вилья плакал. Он сидел на койке в хижине на окраине Эль-Пасо и кулаками тер себе глаза. Его мощная фигура, казалось, сгорбилась от горя, Рядом с ним примостились на корточках Томас Урбина

и Карлитос Хауреги, читавший ему воззвание депутата Рохаса. Оба молчали. Вид плачущего Вильи вызывал у них и удивление, и скорбь, и тревогу, еще большую, чем сообщения о трагических событиях в столице. «Неужели все потеряно? — думали они. — Неужели Викторiano Уэрта будет править страной десятки лет, подобно Порфирио Диасу?»

— Нет, сукины сыны, — воскликнул, точно очнувшись, Панчо Вилья, вскакивая с койки, — это вам так не пройдет! Пока жив Панчо Вилья, вам придется день и ночь дрожать за свою шкуру. Готовьтесь, мучачос, в поход. Завтра на рассвете мы перемахнем границу и начнем уничтожать предателей. Победа любит храбрых, и мы для этой сеньориты как раз достойные кавалеры.

Наутро чуть свет восемь всадников переплыли незамеченными пограничную реку Рио-Браво и галопом устремились в бескрайные просторы штата Чиуауа.

Весть о том, что бесстрашный и неуловимый Панчо Вилья вновь находится на родной земле, разнеслась с быстротой молнии по всем асиендам, по всем ранчо и селениям обширной мексиканской земли.

— Идет Панчо Вилья! — передавали крестьяне от хакаля к хакалю, от одной хижины к другой.

— Идет Панчо Вилья! — с радостью говорили друг другу пеоны, встречаясь в поле или у хозяйской лавки в асиенде.

— Идет Панчо Вилья! — с ужасом докладывали майордомы помещикам, и те спешили со своими семьями в города, в столицу, под защиту гарнизонов, которыми командовали преданные иуде Уэрте генералы.

Купцы и помещики с трепетом читали газеты.

«Банда Вильи напала на поезд, идущий в Чиуауа и захватила тонну серебра, предназначенную для оплаты жалованья местному гарнизону», «Вилья ворвался в асиенду помещика Родригеса», «Вилья разгромил отряд федералов, посланный за ним в погоню», «Вилья взял заложников... ограбил... поджег... зарезал... изнасиловал...» — кричали продажные газеты, передавали американские агентства печати, злобно выкрикивали с пеною у рта реакционные сенаторы в Вашингтоне.

Все эти поборники гуманности восхваляли в свое время преступления диктатора Диаса, а теперь превозносили до небес палача Уэрту и, захлебываясь от восторга, восхищались тем, что этот слуга американского посла вешал и расстреливал непокорных рабочих и пеонов.

Иначе они относились к Вилье и его бойцам, этим подлинным героям Мексики, объявившим войну врагам мексиканского народа.

Да, у Вильи и его бойцов не было образования, они были неотесанны и не разбирались в политических доктринах, многие из них были неграмотны, ожесточенны. Но кто был повинен в их бедах? Разве не те, кто теперь же и обвинял их в этих пороках?

Нет, Вилья и его бойцы не были разбойниками, жаждавшими крови и разрушений, за которых их выдавали продажные писаки. Вилья и его мучачос были мужественными патриотами, сражавшимися за счастье народа, за землю, за справедливость, за независимость Мексики, против ее врагов — Уэрты, помещиков, иностранных порабощателей.

Вилья на севере и Сапата на юге — два простых крестьянина в эту тяжелую годину не преклонили колен перед генералами-предателями, а объявили им беспощадную войну.

И народ поверил им, неподкупным и стойким борцам за его интересы. Народ пошел за ними, помогал им, укрывал их, заботился о них, сражался под их водительством.

Вилья неуловим. Командующий гарнизоном Чиуауа на запрос Уэрты о местопребывании Вильи телеграфировал:

«Судя по полученным сообщениям, Вилья находится сегодня на юге, (востоке, севере и западе этой провинции, одновременно всюду и нигде».

Не прошло и месяца после возвращения Вильи на мексиканскую землю, как к нему примкнуло свыше тысячи пеонов. К Вилье присоединились кадровый офицер полковник Медина, которого он назначил начальником своего штаба; железнодорожник Родольфо Фьерро с отрядом опытных бойцов; партизан Торибио Ортега со 120 бойцами и многие другие противники Уэрты. Все они верили в Вилью, в его природный талант партизанского вождя и были убеждены, что только под его знаменем можно одолеть новоявленного диктатора и его клику. Ведь на знамени Вильи были начертаны понятные каждому пеону, каждому труженику слова: «Земля и свобода!»

Пока Вилья кружил по степям Чиуауа, сводя с ума командующего войсками правительства Уэрты, в штате Синалоа восстал против узурпатора губернатор дон Венустиано Карранса, провозгласивший себя «первым вождем» революции.

Дону Венусу, как называли Каррансу его сторонники, исполнилось в то время 60 лет. Опытный политик, при Диасе он был сенатором, а при Мадеро — военным министром. В своей программе, так называемом «Плане Гуадалупе», дон Венус обещал низложить Уэрту и восстановить конституционное правительство. Поэтому возглавляемое им движение получило название конституционной революции, а его сторонников стали называть конституционалистами.

К Каррансе примкнул молодой генерал дон Альваро Обрегон, сын фермера; он работал одно время рабочим-механиком, потом сражался против диктатора Диаса. За храбрость и умение воевать Обрегон получил звание генерала.

Карранса был умеренным буржуазным демократом. Сам помещик, он с недоверием относился к крестьянским революционерам Вилье и Сапате, хотя понимал, что без их поддержки ему будет трудно одержать победу над Уэртой. Дон Венус был против раздела помещичьих земель. Он хотел объединить вокруг себя национальную буржуазию и связанных с нею помещиков, выступавших против иностранного засилья.

Политические взгляды Каррансы разделял Обрегон, ставший его главным военным советником.

И Карранса и Обрегон ненавидели предателя Уэрту, осуждали вмешательство США во внутренние дела Мексики. Но они были противниками социальной революции, совершить которую, правда инстинктивно и несознательно, стремились в процессе борьбы с Уэртой крестьянские массы, выступавшие под руководством Вильи и Сапаты.

Общая ненависть к режиму Уэрты вначале объединила буржуазных демократов и крестьянских революционеров. Однако по мере того как разгоралась гражданская война, противоречия между ними обострялись, и разрыв стал неминуем...

На первых порах перевес сил был на стороне Уэрты. Карранса и Обрегон не смогли устоять под натиском многочисленной армии, брошенной против них. Поэтому они вынуждены были обратиться

за помощью к Вилье. Его разыскал посланец Каррансы в одном из селений неподалеку от Сан-Адреса.

Выслушав посланца, Панчо попросил передать Каррансе, что признает его «первым вождем» и одобряет «План Гуадалупе». Вилья обещал выполнять приказы Каррансы, однако с условием, что они будут отвечать интересам революции и народа. Если дон Венус действительно подлинный революционер, то он всегда может рассчитывать на дружбу партизан. Но вместе с тем Вилья дал понять, что в военном деле он сам будет хозяином. Пусть не пытается дон Венус учить его воевать. Этому Вилья уже научен. Если в его войсках не хватит генералов, то среди бойцов найдется немало таких, которые давно уже заслужили это звание. Стало быть, если у дона Венуса окажется излишек генералов, то пусть он их держит у себя про запас и не посылает партизанам.

Посланец передал пожелание «первого вождя», чтобы солдаты Вильи уважали права гражданского населения и не присваивали себе чужую собственность.

Это пожелание Каррансы развеселило Вилью.

— Дон Венус желает взять меня в союзники, но, как и Уэрта, считает меня и моих солдат бандитами и грабителями. Уважаемый сеньор! В моем отряде теперь тысячи бойцов. Моя обязанность — обеспечить их всем необходимым. Если дон Венус будет присылать мне скот, деньги и боеприпасы, то клянусь — чужого добра не тронем. Если же нет, то я смогу обеспечить моих бойцов только за счет местных богатеев. Но я заверяю вас, мы ничего не берем без согласия на то самих владельцев. Вы сейчас убедитесь в этом. Приведи арестованных, — приказал Вилья своему помощнику Родольфо Фьерро.

— Слушаюсь, генерал!

Через минуту в комнату вошли пять перепуганных насмерть людей. Это были местные богатеи.

— Уважаемые сеньоры! — обратился к ним Вилья. — Ваша судьба в ваших руках. Если вы за иуду Уэрту, то молитесь богу в последний раз: я прикажу вас расстрелять. Если же вы за революцию, то вам опасаться нечего. Итак, сеньоры, кто же вы?

Сеньоры наперебой стали заверять «уважаемого генерала», что они сторонники революции и смертельные враги Уэрты.

— Прекрасно, сеньоры! Но как это вы можете доказать?

Сеньоры, точно лишившись дара речи, замолчали. Вилья тут же подсказал, как уважаемые сеньоры могут доказать свою верность делу революции: солдаты нуждаются в мясе, а у сеньоров есть скот; солдаты нуждаются в лошадях, а их у сеньоров — табуны; наконец, партизаны нуждаются в деньгах, на которые можно приобрести ружья, а деньги у сеньоров тоже есть.

«Почтенные кабальеро» стояли, понуря голову.

— Сеньоры, вы молчите. Неужели я ошибся и передо мной не друзья революции, а ее враги?

После этих слов сеньоры сразу обрели дар речи и заявили, что готовы предоставить в распоряжение Вильи свой скот и имущество.

— Вот видите, — сказал Вилья, обращаясь к посланцу Каррансы, — они добровольно жертвуют своим состоянием ради дела революции. Другого и нельзя было ожидать от столь преданных революции кабальеро...

Освободив в августе 1913 года Сан-Андреа, а затем Хименес, Панчо Вилья перебросил все свои отряды к важному железнодорожному центру — Торреону.

Прежде чем начать бой на подступах к городу 29 сентября, Панчо собрал командиров своих отрядов. На войне нельзя добиться победы, сказал своим командирам Вилья, если не научиться командовать и подчиняться. Когда собирается большое войско, начальники отрядов должны выбрать себе главного, следует избрать командующего, который повел бы крестьян к победе. Вилья предложил каждому назвать своего кандидата на этот пост.

Командиры согласились с тем, что нужно избрать командующего, но никто не называл кандидата. Командующим хотелось быть каждому из них. Каждый считал себя не хуже другого. Все они были храбрыми, с презрением относились к смерти. Все готовы были, если понадобится, отдать свою жизнь в борьбе против помещиков и других сильных мира сего.

Однако, когда полковник Медина предложил избрать командующим Панчо Вилью, присутствующие согласились: все командиры отрядов признавали, что Вилья был храбрейшим из храбрых и в военных делах опытнее всех.

Было решено: объединить все партизанские отряды в единую группировку. Ее назвали Северная дивизия. Командующим Северной дивизией стал Панчо Вилья.

Начался бой за Торреон. После ожесточенной схватки бойцы Вильи взяли укрепленный пункт Авилес на подступах к городу. Противник потерял в бою 500 человек. 19 офицеров, взятых в плен, были расстреляны на основе введенного в действие Каррансой декрета 1862 года. Согласно этому декрету, все виновные в предательстве родины осуждались на 8 лет каторжных работ или на смерть. Само собой разумеется, что в условиях партизанской войны не было никакой возможности содержать длительное время заключенных. Поэтому взятых в плен или отпускали на все четыре стороны, или принимали в ряды конституционалистов, или расстреливали. Как правило, последнему наказанию подвергались офицеры, за исключением артиллеристов; их Вилья миловал, если они соглашались служить в Северной дивизии.

Бой за Торреон продолжался двое суток. Город защищали 4 тысячи профессиональных солдат, которыми командовали опытные генералы. В 9 часов вечера 1 октября 1913 года Вилья приказал кавалеристам спешиться и пойти на штурм города. Враг не выдержал ночной атаки, одной из первых в военной истории Мексики, и побежал. Через час Вилья вступил в освобожденный Торреон, приветствуемый населением.

Заняв город, Вилья первым делом — таково было правило, которому он всегда следовал, — организовал снабжение населения продуктами питания. Особо нуждающимся была бесплатно роздана одежда, конфискованная с этой целью у местных богачей.

Вилья отдал распоряжение арестовать всех, кто был виновен в преследовании революционеров и участвовал в расправах над ними. Было арестовано несколько «отцов города».

За них ходатайствовать перед Вильей пришла делегация местной масонской ложи.

— Сеньор генерал! — обратился к Вилье от имени делегатов глава местной масонской ложи. — Считая всех людей своими братьями, мы пришли просить вас даровать жизнь арестованным.

Возможно, что они виновны, но их жизни грозит опасность, и теперь они нуждаются в милосердии. Великий строитель нашего мира[6] сделал всех людей добрыми. Людям не следует быть мстительными. Даруйте же жизнь вашим пленникам, и Великий строитель оценит по заслугам вашу доброту.

Вилья впоследствии вспоминал, что его поразило лицемерие этих людей. Выслушав их, он сразу же попросил объяснить, почему до освобождения Торреона масоны не попытались убедить «отцов города», за которых ходатайствовали, не преследовать революционеров и не чинить расправы над ними. Вилья спросил масонов, почему они поворачивались спиной к тем, кто борется за народную справедливость, и протягивали руку помощи тем, кто поддерживает тиранию.

Масоны, не ожидая дальнейших вопросов, ретировались и больше не показывались на глаза Вилье.

ХУАРЕС ВЗЯТ

Уэрта направил мощную армию к Торреону, чтобы выбить из города повстанцев.

Не надеясь удержать город, Вилья отдал приказ возвратиться в штат Чиуауа. Он намеревался освободить столицу штата, то есть сделать то, что ему не удалось в 1911 году, когда его отряды сражались на стороне Мадеро.

...Стучат колеса. Поезда медленно движутся один за другим по железнодорожному полотну, пересекающему выжженную, голую землю. Вдоль полотна дороги, насколько может охватить глаз, гигантским веером развернулась кавалерия, прочесывающая пустыню. Воздух содрогается от лязга и скрежета вагонов, пронзительных паровозных гудков, хриплых голосов всадников.

Составы точно облеплены мухами. Всюду — на подножках и буферах — обвешанные оружием и патронными лентами, в широких сомбреро бойцы славной Северной дивизии, а на крышах поездов — их жены — солдадерас, не теряющие даром времени: они толкут кукурузную муку. На остановке каждая из них должна будет кормить своего мужа горячими лепешками — тортильяс.

Уэртистские генералы не решаются дать бой Северной дивизии на открытой местности. Они предпочитают отсиживаться в больших городах за высокими каменными стенами, выстроенными еще во времена конкистадоров.

2 ноября 1913 года Вилья приказывает остановить поезда, не доезжая Чиуауа, выгрузить лошадей, артиллерию и начать осаду города. И в данном случае не обходится без послания командующему вражеским гарнизоном:

«Именем Человечества и Справедливости, воплощенными в духе моих войск, ибо они являются войсками народа, борющегося с узурпатором, я прошу вас сдать мне этот город в течение ближайших суток. Армии не должны нарушать покой городов громом своих сражений. Они не должны приносить вред или ущерб мирным жителям. Может быть, вы желаете сражаться, тогда выходите воевать за городскую черту, иначе мы будем вынуждены разить вас в городе. В таком случае на вас падет ответственность за ущерб, который понесет мирное население, и наш долг будет соответствующим образом покарать вас. Я призываю вас занять любую выгодную позицию за пределами города. Моя армия встретит вас, и пусть оружие решит, кому быть победителем».

Такие документы подписывались всеми командирами отрядов и зачитывались бойцам. Послания врагам пользовались у бойцов столь же шумным успехом, как и революционные баллады — корридо, в которых воспевались геройские подвиги и доблести Панчо Вильи, его прославленных командиров и бойцов, их верных солдадерас.

Иначе относились к этим посланиям генералы Уэрты. Они их встречали со страхом и проклятиями и конечно, вовсе не думали выходить из города и скрещивать в степи свои шпаги, подобно средневековым рыцарям, с «бандитом» Панчо Вильей.

Десять дней сражалась Северная дивизия у стен Чиуауа. Каждый день и каждую ночь цепи бойцов Вильи шли на приступ города, но ураганный пулеметный и артиллерийский огонь противника вынуждал их возвращаться на прежние позиции. Панчо и его командиры сражались в первых рядах. Сотни верных сынов революции сложили свои головы в этих боях. Правда, и враг был надломлен. Он задыхался в дыму пожарищ. Но стоило ли продолжать сражение с врагом только для того, чтобы вместе с ним истечь кровью? Не лучше ли ударить по нему в другом месте — там, где тебя не ждут, где противник беспечен и спит спокойно?

Поздно ночью Вилья созывает своих командиров.

— Десять дней мы проливаем свою и вражескую кровь у ворот Чиуауа, — говорит он им. — Мы не взяли город, но и враг нас не одолел. Вы знаете, что не все сражения приносят победу, и я собрал вас вовсе не для того, чтобы учить военной науке. Я хочу вам кое-что предложить. Есть места, где враг не ждет нас. Не воспользоваться ли нам этим?

Командиры с любопытством слушали своего командующего. Они знали, его вопрос не требует их ответа. Действительно, Панчо Вилья не замедлил сам ответить на свой вопрос.

— Я предлагаю оставить у стен Чиуауа две тысячи бойцов. Пусть они и впредь атакуют врага так, точно их здесь десять тысяч. Остальные две тысячи мы посадим на поезд и перебросим к Хуаресу. Ведь там враг не ждет нас. Расстояние между Чиуауа и Хуаресом — девятьсот километров. Генерал Фьерро уверяет меня, что наши железнодорожники помогут преодолеть нам это расстояние за сутки.

— Смогут ли, генерал, наши поезда подойти к Хуаресу незамеченными? — спросил Вилью всегда недоверчивый Макловио Эррера.

— А на что военная хитрость, генерал? — подмигнув, ответил командующий.

...В то время как сражение у Чиуауа нарастает с новой силой, в сторону Хуареса по выжженной степи, покрытой небесным шатром, усеянным яркими звездами, бегут два состава: один — груженный углем, другой — точно пустой, двери его вагонов наглухо закрыты, в окнах ни света, ни искры. Только время от времени доносится из вагонов приглушенное ржание лошади или жалобный голос кем-то нечаянно задетой гитары.

Товарный состав, груженный углем, был задержан бойцами Вильи в 10 километрах от Чиуауа.

По приказу Вильи телеграфист передал от имени машиниста в Хуарес, что якобы путь в Чиуауа перерезан и он вынужден возвратиться обратно. Из Хуареса ответили согласием, только просили машиниста с каждой станции запрашивать телеграфно подтверждения инструкций.

На каждой станции телеграфист сообщает в Хуарес, что во исполнение указаний состав с углем возвращается обратно и машинист испрашивает разрешение продолжать без промедления двигаться в указанном направлении.

Хуарес! Вилья и многие его бойцы хорошо помнят этот городок, лежащий на берегу реки Рио Браво, отделяющий Мексику от ее северного соседа. Ведь они уже освободили его в 1911 году. Тогда вслед за взятием Хуареса пала диктатура Диаса. И теперь, если валиентес — храбрецы Северной

дивизии — не посрамятся, Хуарес вновь будет принадлежать революции. Вилья верит, что это послужит началом конца диктатуры Уэрты.

Хуарес — важный торговый центр. В нем много магазинов и лавок, в которых продаются самые разнообразные товары, даже оружие. В городе много увеселительных заведений — притонов и игорных домов, где проводят свой досуг бизнесмены с северного берега Рио Браво. В Хуаресе Северная дивизия сможет обуться, одеться и вооружиться. Были бы деньги, а уж гринго продадут любое оружие даже своему самому заклятому врагу. Бизнес есть бизнес — таков уж закон, действующий на земле северного соседа. Вилья хорошо знает это. Ведь он жил два месяца в Эль-Пасо и даже выучил несколько слов по-английски.

В Хуаресе свил себе гнездо предатель Паскуаль Ороско, пошедший в услужение к Уэрте. Давно уже плачет по Ороско и его пистолерос виселица. Теперь-то они получают по заслугам.

Самалаюка — последняя станция перед Хуаресом. Пока телеграфист шлет от имени машиниста угольного состава очередной рапорт командующему гарнизоном в Хуаресе, Вилья отдает своим командирам последние распоряжения.

...Всего два часа длился бой за Хуарес. Офицеры гарнизона спохватились только тогда, когда все стратегические пункты в городе уже были заняты Северной дивизией. Ороско, однако, скрылся.

Стрельбой трудно удивить кого-либо в Хуаресе. Поэтому, пока бойцы Вильи брали укрепленные пункты врага, в игорных домах как ни в чем не бывало продолжали играть в рулетку и в карты гринго и их мексиканские друзья. Полковник Медина обошел все притоны и собрал богатый урожай — 300 тысяч песо, которые пополнили всегда пустовавшую казну Северной дивизии.

На следующий день Вилья назначил революционные власти города. Наконец Карлитос Хауреги стал Директором лотереи! Все эти месяцы он не расставался со своим бывшим узником.

Вилья приказал в городе не стрелять.

— Бегущему врагу — золотой мост, — сказал он на совещании командиров. — Мы на границе. Гринго внимательно следят за нами. Их газеты пишут, что мы грабители и убийцы. Покажем же им, что мы больше уважаем жизнь человека, чем наши враги.

И Вилья приказал объявить населению: всем тем, кто имеет основание опасаться репрессий, дается трехдневный срок для перехода границы, разумеется без капиталов и какого-либо имущества; им даруется жизнь, но награбленное ими богатство принадлежит народу.

20 ноября в Хуаресе состоялся парад победителей в честь годовщины революции, начавшейся два года назад. На улицы высыпал весь трудовой люд. Парад принимал командующий Северной дивизией генерал Франсиско Вилья.

В этот день сотни новых добровольцев записались в Северную дивизию.

До поздней ночи веселились жители Хуареса, а когда уставший, но счастливый город погрузился в сон, с вокзала отошел состав. Это возвращались к Чиуауа Панчо Вилья, его командиры и бойцы. Впереди их ждали новые жаркие схватки, новые бои и новые победы.

НАКОНЕЦ В ЧИУАУА

23 ноября 1913 года Северная дивизия под командованием Панчо Вилья дала при Тьерра-Бланка бой армии Уэрты, пытавшейся преградить путь в Чиуауа. Два дня длилось сражение, в котором участвовало свыше 10 тысяч солдат с той и другой стороны. Войска Уэрты, потеряв свыше тысячи солдат убитыми, ранеными и пленными, поспешно отступили, оставив три железнодорожных состава и 10 орудий.

В этом бою отличился Родольфо Фьерро. На лошади погнался он за одним из поездов отступавшего противника. Обстреливаемый, Фьерро догнал поезд, на полном ходу прыгнул на подножку вагона, добрался до тормозов и остановил поезд.

Путь на Чиуауа был открыт. Гарнизон в панике бежал к американской границе. 8 декабря 1913 года Вилья во главе своих войск вошел в столицу штата, приветствуемый населением. Теперь под его властью находилась территория, равная Пиренейскому полуострову. На ней командующий Северной дивизией собирался установить революционный порядок.

Однако Вилья не учитывал возможной реакции со стороны «первого вождя», который со смешанным чувством радости и тревоги наблюдал за успехами своего могучего союзника. Карранса видел в лице Вилья представителя слепой, обуянной примитивными страстями крестьянской массы, господство которой, по его мнению, могло вызвать только хаос в республике.

Революция в понимании Каррансы, буржуазного деятеля, могла победить лишь при условии, если эта стихийная сила будет своевременно обуздана и поставлена под контроль. А это означало в первую очередь подчинение ему тех, кто вел за собой эту силу, то есть революционных вождей крестьянства, в первую очередь Вилья и Сапаты.

Сапата в отличие от Вилья никогда не признавал власти «первого вождя». Недаром писал о нем Джон Рид: «Он радикал, логично мыслящий и идеально последовательный». Джон Рид считал Сапату «самым замечательным человеком» мексиканской революции. Знал силу Сапаты и Карранса. «Первый вождь» отдавал себе отчет в том, что Сапату он сможет обуздать, только применив оружие.

Если бы Карранса удовлетворил основное требование крестьян, дал им землю, освободил их от векового гнета помещиков, то ему нечего было бы опасаться Вилья и Сапаты. Но Карранса и его единомышленники считали раздел земли делом далекого будущего. Они боялись восстановить против себя помещиков и поэтому утверждали, что земельный вопрос можно будет решить только после свержения Уэрты.

Как же обуздать степного центавра, как называли они Вилью? Это больше всего беспокоило Каррансу, и в этом вскоре убедился Вилья.

Не успела Северная дивизия освободить Хуарес и Чиуауа, как Карранса, ничем не способствовавший одержанным победам, назначил местные власти, причем их представляли люди, которым Вилья меньше всего доверял.

Об истинном отношении Каррансы к Вилье ему выболтал лисенсиат Эскудеро, которого «первый вождь» прислал в Хуарес для переговоров с командующим Северной дивизией.

Вилья пригласил Эскудеро к столу. За обедом Вилья, как обычно, не пил. Эскудеро же быстро напился, охмелел и разболтался.

— Ты храбрый, Вилья, но твоя храбрость — это храбрость дикаря, а не цивилизованного человека. Ты считаешь себя великим полководцем, а читать карту не умеешь. В общем ты троглодит, ты должен во всем слушаться дона Венуса, иначе тебе крышка.

Вилья молча слушал лисенсиата, который все больше и больше распалялся.

— Знай, Вилья, что подлинная храбрость заключается не в умении стрелять по людям, а в умении людей бросаться под пули.

Тут Панчо не выдержал и выхватил пистолет.

— Ах ты, несчастный одеколонщик, кого ты учишь храбрости, сукин сын?

— Тебя, грязного пеона! — продолжал бушевать пьяный лисенсиат. — Если тебя не научить уму-разуму, то ты окажешься вторым Ороско.

Вне себя от ярости Вилья готов был застрелить на месте посланца Каррансы, но присутствовавшие стали ему доказывать, что стрелять в пьяного не подобает отважному человеку. Большого усилия стоило Вилье взять себя в руки. Он приказал выгнать все еще шумевшего лисенсиата и на следующий день сообщил по телеграфу Каррансе о поведении его представителя. И хотя Карранса принес свои извинения и отстранил лисенсиата от должности, этот эпизод позволил Вилье понять, как относится к нему окружение «первого вождя», да и он сам.

Вилья становился еще более недоверчивым к «шоколадникам» и «одеколонщикам», как презрительно называл он окопавшихся в тылу лисенсиатов и других людей из окружения Каррансы. Теперь враги Каррансы — его друзья.

Чудом спасая от расправы генерал Фелипе Анхелес, которого Уэрта арестовал вместе с Мадеро и Пино Суаресом. Высланный во Францию, Анхелес вскоре возвратился в Америку, пересек мексиканскую границу и явился в ставку Каррансы. «Первый вождь» назначил его временно исполняющим должность военного министра. Но к Анхелесу враждебно относится Обрегон, любимец Каррансы. Об этом узнал Вилья. Он попросил Каррансу направить Анхелеса в Северную дивизию командующим артиллерии. Карранса согласился, и Анхелес стал одним из ближайших соратников и советников Вильи. Знания Анхелеса, бывшего директора военной академии и опытного артиллериста, очень пригодились Северной дивизии.

Война продолжалась. Оставив Чиуауа, враг укрепился в городе Охинаге, неподалеку от американской границы.

И вот снова мчатся железнодорожные составы по степи, а рядом с ними летят на конях всадники. Армия Вильи идет на Охинагу.

Начало января 1914 года. В степи заморозки. Солдаты кутаются в сарапе, но вид у них бодрый. Они уверены в победе, ведь их ведет в бой сам Панчо Вилья, гроза помещиков и прочих паразитов.

Утром 11 января 1914 года Вилья обращается к своим бойцам.

— Командиры и солдаты! Мы пришли сюда, чтобы выполнить наш долг. Я здесь для того, чтобы взять Охинагу, и жду от вас, что вы будете послушны моим приказам. Как только наступит ночь, начнется штурм города всеми бригадами Северной Дивизии. Тот, кто отступит или струсит, будет расстрелян на месте. Вы знаете, мучачитос, что в бою выживают смелые и гибнут трусы.

В ответ раздалось громовое: «Вива Вилья!» Так бойцы Северной дивизии приветствовали своего командующего. С этими словами на устах шли они в бой, одерживали победы, умирали. Этот боевой клич вызывал панику и смятение в стане врагов.

Через час Охинага была взята.

Офицеры гарнизона, как только начался бой, перешли вброд Рио Браво и укрылись в США. Рядовые солдаты поспешили сдаться или разбежались.

На следующий день командующий американским гарнизоном по другую сторону границы полковник Джон Першинг выразил желание встретиться с «уважаемым» генералом Вильей, с тем, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Вилья согласился. Встреча произошла на границе.

К условленному пункту, где его уже ждал в окружении своих адъютантов американский полковник, Вилья прискакал в сопровождении своих командиров. Небритый, увешанный патронными лентами, Вилья представлял собой разительный контраст со щеголеватым американским полковником.

Секунду оба смотрели друг на друга, затем, не сходя с лошадей, поздоровались.

— Полковник Першинг, — сказал американский переводчик, — приветствует прославленного полководца Вилью и поздравляет его с блестящей победой.

— Передайте полковнику, что я благодарю его за поздравление, а также за то, что он пригрел Ороско и других предателей и избавил меня тем самым от смертоубийства.

Переводчик передал Першингу слова Вильи. Американский полковник оскалился и быстро заговорил по-английски.

— Полковник просит передать вам, — тараторил переводчик, — что он изучает вашу тактику и стратегию и считает вас мексиканским Наполеоном.

— Я слышал про такого французского генерала. Но мексиканцам нечего учиться у французов. Они их били во времена президента Хуареса.

— Полковник просит передать, что он может оказать медицинскую помощь раненым, если вы, генерал, в таковой нуждаетесь.

— О своих раненых мы привыкли заботиться сами.

Вилья махнул рукой американским офицерам, дернул поводья и поскакал по степи обратно, к Охинаге. За ним последовали его командиры.

Американские офицеры еще долго стояли на границе, следя за облаком пыли, которое постепенно удалялось, пока не растаяло на горизонте.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОРРЕОНА

В марте 1914 года Северная дивизия вновь погрузилась в вагоны и двинулась на юг, по направлению к Торреону, где на этот раз Уэрта сосредоточил свои главные силы. Ими командовал опытный генерал Веласко.

Северную дивизию сопровождал в этом походе молодой американский корреспондент Джон Рид, который сочувственно относился к борьбе мексиканского народа за свою свободу. Вилья любил и уважал этого вихрастого парня с ясными голубыми глазами не только за его сердечность, но и за

смелость, выносливость и скромность. Джон Рид неоднократно участвовал в походах, принимал участие в сражениях.

На подступах к Торреону Рид навестил Вилью в его штабном вагоне.

«Это был, — писал в одной из своих корреспонденции с фронта Рид, — небольшой красный вагон с ситцевыми занавесками на окнах... Он разделен перегородкой на две половины — кухню и спальню генерала. Эта комнатка была сердцем армии. Здесь происходили все военные совещания, и пятнадцать генералов, принимавших в них участие, с трудом умещались в ней. На этих совещаниях обсуждались важнейшие вопросы кампании, генералы решали, что надо делать, а затем Вилья отдавал приказы, какие считал нужными. Стены вагона были выкрашены в грязно-серую краску, к ним приколоты фотографии прекрасных дам в театральных позах, большой портрет Каррансы, фотография Фьерро и портрет самого Вильи. В стены были вделаны две широкие откидные полки, на одной спали Вилья и генерал Анхелес, на Другой — личный врач Вильи и его секретарь...»

Однажды утром Джон Рид явился в этот вагон.

— Что вам нужно, амиго? — спросил Рида Вилья, сидевший на краю полки в одном белье. Тут же стояли несколько солдат.

— Мне нужна лошадь, генерал!

— Черт возьми, нашему другу потребовалась лошадь! — саркастически улыбнулся Вилья, и все окружающие расхохотались. — Вы, корреспонденты, того гляди потребуете себе автомобиль! Послушайте, сеньор корреспондент, известно ли вам, что около тысячи солдат в моей армии не имеют коней? Возьмите поезд. Зачем вам еще лошадь!

— Затем, чтобы поехать с авангардом.

— Нет, — улыбнулся он. — Слишком много пуль летит навстречу авангарду...

Разговаривая, Вилья быстро одевался и время от времени потягивал кофе прямо из грязного жестяного кофейника. Кто-то подал ему саблю с золотым эфесом.

— Нет! — сказал командующий презрительно. — Мы идем в бой, а не на парад. Подайте мне мою винтовку!

Минуту он стоял у двери своего вагона, задумчиво глядя на длинные ряды всадников, вооруженных самым различным образом, но непременно с перекрещивавшимися патронными лентами на груди. Затем он быстро отдал несколько распоряжений и вскочил на своего огромного жеребца.

— Пошли! — крикнул Вилья.

Заиграли трубы, и отряды один за другим поворачивали к югу и скрывались в облаках пыли.

Наконец из виду исчезла вся Северная дивизия...

Во время остановки у станции Бермехильо на вокзале зазвонил телефон. Вилью попросили взять трубку.

— Кто у телефона?

— Франсиско Вилья, ваш покорный слуга.

— А я генерал Веласко. Рад с вами познакомиться, генерал Вилья. Вы уже захватили Бермехильо?

— Как видите, генерал.

— В таком случае, ждите нас.

— С удовольствием, вам будет оказана достойная встреча.

— Не забудьте приготовить нам ужин.

— Даже с салфеткой и какао на десерт.

— А много ли вас?

— Всего два полка артиллерии и 10 тысяч мучачитос, которым не терпится с вами позабавиться.

Веласко, разумеется, и не думал выходить из Торреона. Он надеялся, что наступление Северной дивизии захлебнется, встретив мощное сопротивление еще на подступах к городу.

Сакраменто, Санта Клара, Мапими, Лердо, Гомес Паласиос — каждый из этих сильно укрепленных населенных пунктов Северная дивизия брала с бою. Солдаты сражались с ожесточением, враг проявлял не меньшее упорство. Вилья и его командиры, как обычно, первыми бросались в бой, но пули, казалось, их не брали.

26 марта 1914 года Вилья передавал Каррансе по прямому проводу: «Сеньор, три дня и три ночи сражались наши войска, наконец они взяли Лердо и Гомес Паласиос. Враг отступает, неся большие потери. У нас 600 раненых, точное число убитых мне пока неизвестно. О них, согласно моему долгу, я сообщу позднее, и мы оба будем горевать по поводу гибели стольких преданных революции бойцов. В прошедших боях хорошо показала себя артиллерия, которой командует генерал Анхелес. Отличились бригады «Морелос» и «Вилья». Генерал Урбина был вместе со мною всю ночь в гуще сражения. Я поздравляю вас, сеньор, с этой победой народного дела, а также поздравляют генерал Анхелес и генерал Урбина, которые находятся здесь, рядом со мной».

В конце марта Веласко послал английского консула в Торреоне к Вилье с предложением заключить перемирие на 48 часов для того, чтобы собрать раненых с поля брани и захоронить убитых.

Вилья попросил консула передать генералу Веласко, что на его участке нет ни раненых, нуждающихся в помощи, ни убитых, которых следует захоронить. Его раненых быстро подбирают санитары. Если боец легко ранен, его перевязывают и он возвращается на передовую, если тяжело — его направляют в тыл. Что касается убитых, то их останки давно покоятся в земле. Не для этих целей предлагает генерал Веласко перемирие, а для того, чтобы выиграть время и дожидаться подкреплений. Нет, на перемирие, приносящее пользу врагу, Вилья не пойдет.

И сражение закипело с новой силой.

Не у всех хватило силы воли и выдержки продол-: жать эти нескончаемые, казалось, бои, которые длились уже две недели.

Бригада, которой командовал генерал Кастильо, занимавшая позиции у Калабасас, не выдержала контратаки противника и отступила.

С возмущением доложил Томас Урбина об этом позорном случае Панчо Вилье. Тот приказал немедленно отвести солдат Кастильо в тыл и обезоружить их, а Кастильо и офицеров арестовать и судить военно-полевым судом, как трусов и дезертиров.

Как и следовало ожидать, суд присудил Кастильо и его офицеров к расстрелу. Тогда Вилья обратился к осужденным:

— Войну выигрывают люди мужественные! Люди же без чести и без мужества не могут защищать народное дело. Вот почему в Северной дивизии нет места трусам. Я принял вас в свое войско, так как считал храбрецами. Я доверил вам важные позиции, а вы с них трусливо бежали. За эти позиции отдали жизнь многие бойцы. Теперь, чтобы ими овладеть вновь, придется вновь пролить потоки крови. Вот почему вас следует наказать. Вот почему вас присудили к расстрелу. Но было бы несправедливо, если бы вы отдали свою жизнь, не принеся пользы народному делу. Я возвращаю вам и вашим бойцам оружие и приказываю сегодня же ночью отвоевать сданные вами позиции. Если вы будете сражаться храбро, вы погибнете с честью, если останетесь в живых, то завоюете утраченную честь. Если же вы не только отвоеуете старые позиции, но погоните дальше врага, то я прощу вашего командира Кастильо. Командовать вами буду я сам.

В эту ночь бригада продвинулась далеко за Калабасас. Генерал Кастильо был помилован. Вскоре после этого он пал смертью храбрых на поле брани.

1 апреля армия Вильи подошла вплотную к Торреону. Начался штурм города. Вот как о нем впоследствии рассказал сам Панчо Вилья:

«Было 8 часов вечера, когда прибывшие к нам из Чиуауа подкрепления, которыми командовал полковник Мартиниано Сервин, вышли на передовые позиции и вступили в бой. Около 9 часов открыли огонь части, находившиеся в центре нашего фронта. Около половины десятого открыли огонь по врагу части с правого фланга. Около 10 часов бросились в бой части нашего левого фланга. Таким образом, мы под прикрытием нашей артиллерии, которая обстреливала Торреон из Санта Росы, начали наступать к центру города. По мере того как наступали мои части на левом фланге, бригады Луиса Эрреры и Мартиниано Сервина подходили к укреплениям и траншеям врага, расположенным в районе дамбы Койоте.

Бой разгорелся со страшной силой, и успех сопутствовал попеременно нам и врагам. Мы были полны решимости победить или погибнуть; враг же, по мере того как усиливался наш натиск, точно воодушевлялся этим и оказывал все более ожесточенное сопротивление.

Город был освещен заревом пожарища. В 10 часов вечера части нашего левого фланга штурмовали высоту Каньона Уараче и около половины двенадцатого закрепились на ее склонах. Перед дамбой Койоте бой бушевал с нарастающей силой, и в час ночи наши бойцы уже сражались там с врагом врукопашную. Это был самый кровавый бой из всех, которые мне приходилось дотоле видеть. Там погибли многие храбрецы. Погиб полковник Бенито Арталехо, хороший революционер, которого я любил и смерть которого оплакивал. Там же пал смертью храбрых подполковник Пабло Мендоса, майор Жакес и много других революционеров. За два часа боя у нас только на этом отрезке было более ста убитых и трехсот раненых. Не меньшие потери нес и противник. Командовавший на этом участке полковник был убит в эту ночь...»

Бой стих к утру. Вилья отдал приказ бойцам прекратить сражение и отдохнуть. Наступила тишина, город точно замер. Через несколько часов стали поступать сообщения, что войска Веласко эвакуируют город.

Не желая продолжать кровопролития в городе, где каждый дом был превращен в крепость, и понимая, что, очутись Веласко в окружении, он стал бы сражаться до последнего патрона, Вилья распорядился открыть ему дорогу к отступлению.

В 11 часов вечера бойцы Северной дивизии после двух недель непрерывных боев заняли Торреон, железнодорожное сердце Мексики. Тем самым весь север страны был очищен от войск Уэрты, но Вилья и его бойцы знали; впереди еще немало боев, прежде чем враг будет окончательно повержен.

— Генерал, — обратился к Вилье в ту же ночь с вопросом один американский журналист, — какие эмоции испытываете вы, одержав столь великолепную победу?

— Эмоции? Это еще что такое?

— Ну, чувства, например, радости и торжества или что-нибудь в этом роде.

— Я испытываю такие чувства, какие испытывает в таком случае революционер. Воспитанный в боях с врагами моего народа, я не радуюсь одержанным военным победам, так как они даются кровью и жизнью многих товарищей. Конечно, без побед над врагом мы никогда не избавимся от иуды Уэрты и революция не сможет восторжествовать. В этом значение и нашей сегодняшней победы.

Утром Вилья обошел место сражения. Он узнавал трупы многих знакомых ему бойцов и, прощаясь с ними, рыдал.

Десять лет спустя, вспоминая это утро, Вилья говорил:

— Я думал тогда, что если бы эти люди не пожертвовали своей жизнью, то и не было бы победы, и Торреон не был бы взят. Если бы многие люди, подобно им, не погибли бы в прошлом и не гибли бы теперь на всей территории республики в борьбе за правое дело, наша революция не двигалась бы вперед, даже если бы на ее стороне было много генералов и командиров, много лисенсиатов и ученых, способных доказать правоту нашего дела. Эти простые люди из народа, отдавшие свою жизнь за революцию, и те, кто был ранен и мучился в госпиталях, жертвуя своей кровью или своим здоровьем, и все те, кто не был ранен, потому что судьба охранила их от пуль, но находился на поле брани и рисковал своей жизнью за счастье бедных, за их свободу, — все они великие герои этой войны, а не генералы-хвастуны или ученые-лисенсиаты. Они, а не кто-либо другой, заслужили честь и благодарность наших сердец. Они, их семьи, их дети заслужили счастливое будущее, за которое мы воюем.

Глава пятая. РЕВОЛЮЦИЯ ДЕЛО ТРУДНОЕ

Панчо Вилья — друг народа,

понимает бедных он:

только тот поймет пеона,

у кого отец пеон.

Ценит он людей по делу,

а улыбкам — грош цена.

«Отвечай, Луис Террасас,

где припрятана казна!»

Все, что взяли у народа,

возвращал народу он.

Только тот поймет пеона,

у кого отец пеон.

У кукарачи,

у таракана,

сразу вся исчезла пруть:

до крошки вышла

марихуана -

и больше нечего курить.

МИСТЕР БЕНТОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ТОТ СВЕТ

Это случилось в Хуаресе, куда Вилья вернулся после победы у Охинаги.

Однажды в дом, где остановился Вилья, ворвался высокий англичанин.

Представ перед Вильей, он вызывающе спросил:

— Вы знаете, кто я такой?

— Мне думается, сеньор, что вы некий Бентон, о котором мне говорили.

— Он самый. Я — Уильям Бентон, хозяин поместья «Санта Гертрудис». Вы меня ограбили. Я пришел потребовать возврата своих земель.

Бентон был одним из крупнейших помещиков в Чиуауа, тесно связанным с семьей латифундистов Террасасов. Как и другие помещики, Бентон жестоко относился к пеонам, нещадно эксплуатировал их.

Когда Вилья освободил Хуарес, Бентон бежал через границу в Эль-Пасо. Узнав, что его земли заняты пеонами, Бентон стал призывать правительство США к интервенции против Мексики, но американское правительство тогда не считало возможным пойти на такой шаг.

Потеряв терпение, Бентон угрожал лично расправиться с Панчо Вильей.

— Я не побоюсь, — разглагольствовал он за бутылкой виски в барах Эль-Пасо, — встретить этого грязного мексиканского бандита и застрелить его, как бешеную собаку.

Бентону, убившему на своем веку немало непокорных пеонов, казалось обычным делом выполнить свою угрозу. Именно для этого возвратился он в Хуарес и явился теперь к Вилье.

Верные люди Вильи давно уже следили за Бентоном, поэтому его появление не было неожиданным для командующего Северной дивизией.

Спокойно выслушав Бентона, Вилья ответил ему:

— Почтеннейший, ваши земли принадлежат крестьянам, которые на них трудятся. Я знаю, что вы англичанин, и не желаю вступать в конфликт с вашей страной. Поэтому я готов уплатить за ваши земли столько, сколько вы за них уплатили при покупке, но при условии: вы оставите Мексику и никогда сюда не возвратитесь.

— Чтобы я продал мое поместье и уехал? Ну нет, сейчас я тебе заплачу за мои земли...

Бентон выхватил пистолет, но присутствовавший при разговоре Фьерро вовремя успел выбить оружие из его рук.

Вилья улыбнулся.

— Амиго Фьерро, отведите этого буяна в холодную. Пусть он там успокоится, а потом решим, что с ним делать.

— Тебе дорого это обойдется! Я подданный Британской империи!

Когда Фьерро возвратился, Вилья спросил его:

— Что же нам делать с этим нахалом?

— Генерал, он недостоин снисхождения. Бентон помогал деньгами и оружием Уэрте. Он пытался убить вас. За все эти преступления он должен заплатить жизнью.

— Ты прав, амиго Фьерро. Бентон — англичанин, но разве это спасает его от ответственности? Почему мы должны быть беспощадны к помещикам мексиканцам и прощать помещиков иностранцев?

Так возникло «дело Бентона», вокруг которого американская печать подняла неистовый вой. Газеты требовали, чтобы правительство США использовало его расстрел как повод для интервенции в Мексику.

Правительство США потребовало от Вильи объяснений. Оно пыталось доказать, что Бентон был расстрелян «без суда и следствия» и это якобы свидетельствует о господстве в Мексике беззакония, анархии, об отсутствии гарантий для жизни иностранцев. Такие рассуждения должны были служить оправданием для интервенции в Мексику.

— Кто осудил на смерть Бентона, генерал? — спросил Вилью американский консул в Хуаресе.

— Армия революции, выражающая интересы народа, мистер, — ответил Вилья.

Однажды Вилья позвал к себе Джона Рида.

— Скажи мне, Джонни, какого черта ваши газеты и правительство подняли такой вой по поводу этого Бентона? Когда Бентон и ему подобные убивали мексиканцев, ваши газеты молчали. Когда же Бентон получил по заслугам, они так рассердились. Ведь Бентон даже не американец, а англичанин. Чего же так волнуются твои соотечественники?

— Все это потому, генерал, что у нас газеты и правительство, власть находятся в руках таких же бентонов — капиталистов, помещиков, миллионеров. Они считают, что если вы сегодня наказали английского помещика Бентона, то завтра вы сможете наказать и американских бентонов. У них тоже имеются поместья в Мексике. Между прочим, генерал, что вы решили ответить на ноту американского правительства?

— Ничего, Джонни. Я договорился с Каррансой, что он будет отвечать на всякие там ноты. Я не дипломат и могу еще напутать. Так что ты поезжай к Каррансе и расспроси его, если это тебя интересует.

Джон Рид поехал в пограничный город Ногалес, где находилась тогда ставка «первого вождя». Вот что сказал Карранса Риду по «делу Бентона»:

— Соединенным Штатам я заявил, что дело Бентона их не касается, Бентон был британским подданным. Я дам ответ посланцам Великобритании, когда они явятся ко мне с представлением от их правительства. Почему их ко мне не присылают? Англия в настоящее время имеет своего посла в Мехико, который принимает приглашения Уэрты на обед, снимает перед ним шляпу и пожимает ему руку! Когда был убит Мадеро, представители иностранных держав сразу слетелись сюда, как коршуны на труп, и стали выслуживаться перед убийцей, потому что у них была здесь горсточка подданных, мелочных торгашей, занимавшихся грязной коммерцией. Убийство Бентона произошло из-за злобного нападения врага революционеров на Вилью... И вот что скажу я вам: если Соединенные Штаты решатся на интервенцию, воспользовавшись этим ничтожным поводом, их интервенция не даст им того, на что они рассчитывают. Она вызовет войну, которая, помимо других последствий, породит глубокую вражду между Соединенными Штатами и всей Латинской Америкой, вражду, которая подвергнет опасности все политическое будущее Соединенных Штатов!

Встретив решительный отпор со стороны Каррансы и Вильи, американские империалисты не решились вторгнуться в Мексику с севера. В Вашингтоне сочли более удобным начать интервенцию в районах, которые еще контролировал Уэрта.

Уэрта всячески выслуживался перед своими американскими хозяевами. «Соединенные Штаты, — писала в 1913 году в своем дневнике жена американского поверенного в делах в Мексике Шонесси, — могут сделать с Уэртой все, что им заблагорассудится. Всякого рода дела о концессиях, всевозможные требования возмещения убытков, накапливавшиеся десятилетиями, могут быть решены к полному нашему удовлетворению». Эта же дама не без удовлетворения отмечала, что «американская интервенция в Мексике — Это неоспоримый факт, хотя со стороны США и не было произведено ни одного выстрела».

И тем не менее Уэрта не оправдал надежд американских империалистов. Будучи «врожденным» предателем, Уэрта готов был служить не только Уоллстриту. Предательство стало для него своего рода спортом, Утром он клялся в верности американскому послу, в обед обнимался с японским представителем, а вечером за бутылкой коньяку в каком-нибудь притоне столицы принимал очередной куш от немецкого разведчика и заверял его в своей приверженности кайзеру Вильгельму.

Не прошло и года, как правящие круги США убедились, что Уэрта «ненадежен». Его «крестный отец» посол Вильсон к этому времени был отозван. Отношения между Вашингтоном и Уэртой стали портиться. Американское правительство рассчитывало, что вооруженная интервенция в районе,

контролируемом Уэртой, не только не встретит с его стороны серьезного сопротивления, но «образумит» его, поставит на место, заставит повиноваться хлысту дяди Сэма.

В качестве повода для интервенции Вашингтон спровоцировал новый инцидент. В нефтяную зону Мексики, в порт Тампико, осажденный сторонниками Каррансы, был направлен американский крейсер «Дельфин». 9 апреля с него высадился на берег, не испросив на то разрешения мексиканских властей, отряд военных моряков. Офицеры гарнизона задержали моряков, но тут же отпустили и извинились перед командиром «Дельфина». Сам Уэрта, узнав об этом, поспешил тоже принести свои извинения. Но американцы потребовали, чтобы мексиканцы произвели салют в 21 залп «оскорбленному» флагу США.

Пока Уэрта готовил ответ на очередное требование США, президент Вудро Вильсон заявил в конгрессе, что Мексика нанесла «непростительное оскорбление» американскому флагу, требующее возмездия. Конгресс разрешил президенту использовать вооруженные силы для того, чтобы добиться «признания прав и достоинств Соединенных Штатов» со стороны Мексики.

21 апреля 1914 года американцы высадили десант в мексиканском порту Веракрус. Верный Уэрте генерал Маас приказал эвакуировать город, однако многие офицеры и солдаты ослушались его и оказали сопротивление оккупантам. Курсанты местного военно-морского училища, забаррикадовавшись в здании училища, в течение суток отражали натиск американцев. Почти все они погибли в неравном бою.

До последнего патрона сражался курсант Хосе Асуэта, пока не упал, истекая кровью от многочисленных ран. Его взяли в плен. Храбростью этого молодого патриота были поражены даже интервенты.

Командующий американским флотом послал к нему своего личного врача. Но Асуэта гордо отказался принять помощь от врагов своей родины. «От захватчиков, — заявил он, — мне не надо даже жизни».

Оккупация Веракруса вызвала превеликий энтузиазм у банкиров и миллионеров США. Их печать требовала оккупации Мексики и присоединения ее к Соединенным Штатам. Чикагская газета, орган горнопромышленников «Майнинг энд энджиниринг уорлд» писала 25 апреля 1914 года: «Мексика должна стать территорией Соединенных Штатов, а жители — американскими гражданами. Отношения между США и Мексикой достигли критической точки. Война, которая освободит Мексику от ее прогнившей системы правления и огромных толп бандитов, потерявших всякое уважение к закону, уже приобрела значительный размах, и мы позволим себе надеяться, что и впредь она будет вестись с должной решительностью и закончится победой. Задачи, которые мы себе поставили и которые должны разрешить, огромны. Следует приветствовать наши заявления о том, что у нас нет никакой вражды к мексиканскому народу. Но поверит ли этому народ Мексики? Поверят ли так называемые мятежники? Без сомнения, нет, потому что это противоречит их природе... Считая нас своими врагами, вся нация сплотится для борьбы с нами. Мы не строим иллюзий на этот счет».

В этом отношении газета не ошиблась. Вторжение американцев в Веракрус вызвало повсеместное возмущение в Мексике. По всей стране прокатилась волна антиамериканских демонстраций. В ряде городов были совершены нападения на американские консульства. Такая же волна возмущения прокатилась и по другим странам Латинской Америки. Все это заставило правительство США пойти на попятную и ограничиться захватом Веракруса. Попытка оккупировать нефтяную зону Тампико тоже потерпела поражение. В то время этот район был занят войсками Каррансы. Их командир заявил, что подожжет нефтяные вышки в случае высадки американских войск. Угроза возымела действие.

При ставке Вильи находился неофициальный агент Вашингтона, опытный разведчик-дипломат Каротерс. Вилья вынужден был терпеть его — ведь оружие революционеры покупали в США.

Узнав о захвате Веракруса американскими интервентами, Вилья немедленно вызвал Каротерса и заявил ему протест. Вилья предупредил, что если США вздумают аннексировать хоть пядь мексиканской земли, то весь народ поднимется на защиту своей родины.

Карранса также выступил с осуждением действий американских империалистов. Он потребовал от США немедленной эвакуации Веракруса.

В это время вашингтонские агенты развили бурную деятельность с целью подорвать единство революционного лагеря. Они надеялись, что им удастся уговорить Вилью перейти на сторону их ставленника Феликса Диаса. Последний коротал свои дни в Нью-Йорке, ожидая, когда американские штыки или доллары откроют ему путь в Чапультепек.

Для переговоров к Вилье был послан лисенсиат Боналес Сандоваль. Он был одним из адвокатов Вильи в период, когда тот находился в тюрьме Сантьяго. Боналес Сандоваль написал Вилье письмо с просьбой разрешить ему приехать в Чиуауа. Вилья, ничего не подозревая, ответил согласием.

Лисенсиат появился в ставке Вильи в сопровождении группы советников. Их радушно приняли и пригласили к столу. После обеда лисенсиат передал Вилье письмо от Феликса Диаса. Вилья положил письмо в карман, обещая прочесть его ночью и утром дать ответ. Гостям отвели места для ночлега...

В ту же ночь один из адъютантов Вильи прочел ему послание Феликса Диаса, в котором этот предатель превозносил степного центавра до небес, называл его подлинным вождем революции и предлагал порвать с Каррансой. Диас обещал доллары, оружие и все, чего только Вилья пожелает. Он убеждал Вилью, что при его, Феликса Диаса, поддержке тот сможет быстрее расправиться как с Уэрттой, так и с Каррансой.

Вилья молча прослушал послание Диаса и, ничего не сказав, пошел спать.

На следующее утро командующий Северной дивизией вновь пригласил к столу посланцев.

За столом Вилья проявлял большое радушие, сыпал шутками и прибаутками. Его веселое настроение передалось и гостям. Поведение Вильи они истолковывали как согласие на предложения своего патрона.

Но вот завтрак подошел к концу. Вилья спросил одного из гостей:

— Вы кончили, амигито?

— Да, генерал, я насытился. Таких вкусных тамалес и энчиладас я давно уже не ел. Благодарю вас, генерал.

— Не за что, амигито. Ну что ж, если вы закончили трапезу, то, пожалуй, пора вам узнать и мой ответ на послание генерала Диаса.

— Просим вас, просим, генерал!

— Пожалуйста, амигос. Тот, кто закончил завтракать, тот и получит первым ответ. Прошу тебя, Фьерро, сообщи вот этому амигито, который уже поел, наш ответ, а остальным сообщай по мере того, как будут кончать завтракать.

Фьерро встал, схватил за шиворот наименее прожорливого посланца Диаса и вытолкнул его во двор. Там раздался выстрел. Фьерро возвратился.

— Кто следующий?

Сомнений быть не могло. Посланцев Феликса Диаса ожидала смерть. Таков был ответ.

Гости не знали, что делать: или продолжать есть — и продлить на какие-то мгновения свою жизнь, или молить Вилью о пощаде. Потеряв всякий контроль над собой, они делали и то и другое. Но неумолимый Фьерро вытаскивал гостей одного за другим из-за стола... Последним был расстрелян Сандоваль. Его вытащили во двор с креслом, в которое он судорожно вцепился. На прощанье Вилья сказал ему:

— Если бы моя мать просила меня предать революцию, перейти к врагу и стать реакционером, я бы приказал расстрелять ее.

КЛАД ТЕРРАСА

Когда Северная дивизия заняла Чиуауа, Вилья объявил себя военным губернатором штата и стал восстанавливать мирную жизнь.

Вилья, вспоминая Джон Рид, немедленно послал своих бойцов наладить работу электростанции, конки, телефона, водопровода и мельницы. Он назначил своих представителей для управления поместьями, хозяева которых бежали или были убиты восставшими пеолами. Бойни тоже были взяты под контроль армии. Солдаты по распоряжению Вильи резали там скот, некогда принадлежавший помещикам, и по твердым ценам продавали мясо населению. Твердые цены были установлены также на хлеб, молоко и другие продукты питания.

Вместо старой полиции, которая разбежалась или была перебита, в городе следили за порядком солдаты Северной дивизии. Смертью карались воровство и продажа спиртных напитков солдатам.

— В дни мира, — говорил Вилья Джону Риду, — солдаты должны работать. Когда солдату нечего делать, он думает о войне.

Вилья относился с большим уважением к просвещению. Он считал, что жизнь людей можно сделать счастливой, наделив их землей и дав им образование. Вилья неоднократно говорил своим приближенным:

— Сегодня я проходил по такой-то улице и видел там много детей. Давайте откроем там школу.

За время пребывания Северной дивизии в Чиуауа в городе было открыто свыше пятидесяти школ.

Но на все эти добрые дела были необходимы деньги, деньги и еще раз деньги. А откуда их взять? Богачи удирали, забирая все свое состояние, а у бедняков денег не водилось. Деньги почти исчезли из обращения. Люди прятали золото и серебро. Крестьяне перестали поставлять в город продукты, ибо горожанам нечем было платить. Обменивать продукты на готовые изделия тоже не представлялось возможным, так как Чиуауа не была промышленным городом. Торговля прекратилась. В городе начался голод.

Когда Вилье доложили о создавшемся положении, он сказал:

— Ну что ж, если денег нет, то их следует отпечатать. Наша власть, будут и наши деньги.

Вскоре на станке, установленном в подвале губернаторского дворца, было отпечатано два миллиона песо, на которых была воспроизведена подпись Вильи — единственная гарантия их стоимости. Новыми деньгами Вилья платил служащим, солдатам.

Новые деньги оживили торговлю. Крестьянин потянулся со своими продуктами в город.

На новые деньги, однако, нельзя было купить у американских контрабандистов оружие. Для этого требовались старые банкноты и серебро, а их население все еще держало в кубышке.

Вилья издал декрет, согласно которому все старые серебряные и бумажные деньги подлежали обмену по номиналу на новые в казначействе штата. Обмен должен был закончиться к 10 февраля 1914 года. После этой даты старые деньги объявлялись фальшивыми, а за их хранение и использование виновным грозило тюремное заключение.

Потребности Северной дивизии, которая росла точно на дрожжах, непрерывно увеличивались. Успех предстоящих сражений в значительной мере зависел от степени оснащения революционной армии оружием и боеприпасами, и за них приходилось расплачиваться старыми деньгами.

Но, как говорится, на ловца и зверь бежит.

В это время бойцы Вильи арестовали не успевшего удрать дон Луиса, сына помещика Террасаса. (Отец дон Луиса и другие его родные и близкие Давно уже бежали в Эль-Пасо.)

Весть о поимке дон Луиса обрадовала Вилью. Ведь Луис Террасас был, кроме всего прочего, директором Горного банка Чиуауа, золотой запас которого — свыше 500 тысяч долларов — точно в воду канул после освобождения города революционными войсками.

Вилья приказал немедленно доставить Луиса Террасаса к себе в губернаторский дворец и предложил бывшему директору Горного банка вернуть золотой запас и все ценности.

Террасас, однако, скорее согласился бы расстаться с жизнью, чем со своими капиталами. Он притворился нищим.

— Генерал, от бывшего богатства моей семьи осталось только одно воспоминание. Наши дома, поместья, скот, деньги — все давным-давно отобрано вашими солдатами. Я беден, как церковная мышь. Если вы у меня потребуете даже тысячу песо за мою жизнь, то и их у меня не найдется. Можете меня вешать, можете миловать — мне все равно.

Вилья приказал своему адъютанту, имевшему школьное образование и слывшему поэтому ученым человеком, побеседовать с Террасасом и уговорить его подобру-поздорову возвратить народу награбленные его семьей капиталы. Но потому ли, что адъютант не умел убеждать, или потому, что Террасас проявлял слишком сильное упрямство, их беседа не принесла результатов.

— Пусть с Террасасом поговорит Родольфо Фьерро, — приказал Вилья.

Вилья не ошибся. Правда, Террасас выдал свой секрет только тогда, когда Фьерро уже вздергивал его на сук, но такие люди, как дон Луис, других «доводов» не понимали.

— Генерал, — докладывал Вилье Фьерро, — Террасас говорит, что золото спрятано в одной из колонн большого зала Горного банка.

— Ну что же, мучачито, обследуй эти колонки. Может быть, дон Луис на этот раз сказал правду и ты там что-нибудь найдешь.

Фьерро выполнил приказ, и действительно оказалось, что одна из колонн была набита золотыми монетами. Стали их считать. Когда дошли до 600 тысяч песо, на полу еще высилась изрядная горка золотых монет.

— Вызовите всех командиров бригад, — приказал Вилья.

По мере того как являлись командиры, Вилья приводил их в зал и говорил им:

— Вот золото Террасаса, возьмите из этой кучи свою долю.

«Я поступил так, — рассказывал Вилья впоследствии, — не потому, — что мне золото было не нужно, а потому, что хотел ублажить моих командиров. Ведь они, узнав о кладе Террасаса, наверняка подумали бы, что я присвоил значительную его часть. И хотя это было неверно, я должен был дать им кусочек от этого золота, чтобы они мне не завидовали и не питали бы ко мне злобы. Ведь во время революционной войны иначе быть не может. Каждого человека, приносящего пользу, нужно по мере возможности удовлетворять в его страстях: тому, кто любит славу, оказывать почести, жадному на деньги — давать деньги, благородному — позволить проявлять благородство. Все должны быть довольны, тогда они будут дружно сражаться за победу революции».

Через зал, в котором лежал остаток клада Террасаса, прошли все командиры Северной дивизии. Одни брали много — набивали карманы золотом и насыпали монеты в сомбреро, другие брали по нескольку пригоршней монет. Были и такие, которые ничего не брали и говорили Вилье:

— Генерал, возьмите мою долю на нужды армии.

В этот день все были довольны. Доволен был даже дон Луис Террасас. Правда, он лишился своего золота, но зато Вилья даровал ему жизнь и распорядился выпустить на свободу.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СУЕВЕРИЕ В МИРЕ

Вилья терпеть не мог богатых испанцев и католических священников, большинство которых Мексике в то время поставляла Испания.

Гачупины, как презрительно называли испанцев в народе, были завоевателями Мексики. Но хотя независимость была давно завоевана, среди помещиков и других эксплуататоров все еще оставалось много испанцев. Эксплуататоров поддерживала и благословляла католическая церковь. Это хорошо понимал Вилья.

Став полноправным хозяином обширных областей севера Мексики, Вилья, как правило, высылал из пределов подвластной ему территории зажиточных испанцев и священников иностранцев.

Войдя в Чиуауа, Вилья вызвал английского консула, на попечении которого находилась местная испанская колония, и, как рассказывает Джон Рид, приказал:

— Передайте всем гачупинам, чтобы они немедленно собирали свои пожитки и убирались вон. Любой гачупин, пойманный в пределах штата по прошествии пяти суток, считая с сего дня, будет поставлен к ближайшей стенке и расстрелян.

Англичанин запротестовал. Его поддержал присутствовавший при этом американский консул. Вилья ответил им, что мексиканцы достаточно натерпелись от испанцев в течение трех столетий. Они остались такими же, как во времена конкистадоров. Они разрушили индейскую империю и поработили ее народ. Несколько раз мексиканцы изгоняли их из страны, но они вновь возвращались. Гачупины поддерживали Порфирио Диаса. Когда был убит Мадеро, сказал Вилья, богатые встретили это известие как праздник. Наконец, испанцы навязали коренному населению Мексики величайшее суеверие в мире — католическую религию. За все это они должны держать ответ.

Находясь в городе Салтильо, Панчо приказал собрать всех иезуитов и выслать в США. Иезуиты поддерживали Уэрту. Они были не добрыми пастырями, говорил Вилья, а врагами мексиканского народа, носившими маску слуг божьих.

К Вилье явились священники мексиканцы с просьбой отменить приказ.

— Сеньор генерал, — заявил один из них, — искусство служения богу так же сложно, как искусство войны. Тот, кто его не знает или не понимает, может ошибочно судить о нашем поведении, так же как мы, ничего не сведущие в военных делах, можем ошибочно судить о тех или других военных действиях, возможно вполне обоснованных и необходимых.

Вилья ответил священникам, что они не способны или не хотят защищать не только народные, но даже свои интересы. Ведь ими командуют церковники иностранцы, которых они защищают. Он, Вилья, не выступает против религии или лично против них. Революционеры борются за интересы бедных людей, и им больно видеть, как иностранные церковники отнимают у мексиканских тружеников кусок хлеба и как иезуиты иностранцы или мексиканцы проповедуют жизнь в бедности и в труде, а сами накапливают богатства. Необходимо избавить страну от этих паразитов.

Однажды Панчо Вилья поехал навестить пожилую даму — донью Анну Люс, женщину религиозную и строгую. К ней Вилья относился с большим уважением: она была родственницей покойного президента Мадеро.

Его Вилья не забыл. Более того, он считал своим долгом заботиться о родственниках покойного президента.

Донья Люс обрадовалась приезду. Воспользовавшись визитом, она тоже принялась «обрабатывать» Вилью.

— Генерал, — говорила старушка, — вы большой грешник, на вашей совести много жизней. Исповедуйтесь, иначе бог не простит ваши прегрешения.

Вилья засмеялся. Нет, он не считает себя грешником, он сражается за справедливость; он не обижает пеонов, крестьян, рабочих, тех, кто трудится, а защищает их. Убийцами являются помещики, сторонники Уэрты и другие враги мексиканского народа, которые тянут из него жилы, терзают его душу и тело. Революционеров их враги обвиняют в жестокости, но революционеры карают только эксплуататоров, предателей, изменников. Если бог существует и он, как думают верующие, справедлив, то, конечно, он поддержит революционеров.

Старушка, однако, не унималась.

— Вы пользовались чужим добром, генерал. А бог велит: «Не укради!»

Нет, сеньора донья Люс ошибалась. Вилья никогда ничего не крал. Он всего лишь отнимал лишнее у богатых и отдавал его тем, кто вообще ничего не имел. Себе он никогда не присваивал чужого добра, за исключением самых необходимых вещей и то в исключительных случаях. Но если человек голоден и берет пищу там, где ее находит, то разве он крадет? Крадет богатый, который, владея всем, что ему нужно, еще обирает бедных, доводя их до нищеты.

— Допустим, все это так, — продолжала убеждать старушка, — но почему вы, генерал, преследуете церковь и ее служителей? Не забывайте, что когда-нибудь они вам понадобятся для спасения души. Измените свое отношение к ним, иначе вас ждут после смерти ужасные муки в аду.

— Я не сомневаюсь, сеньора, что черти, как и сторонники Уэрты, — враги революционеров. Поэтому мы надеемся, что, победив чертей на земле, избавимся от них и на том свете. И если я все-таки попаду в ад, то я там встречу многих священников. Встречу я там и настоятеля церкви в селении Сатэво. Я вам сейчас расскажу, что натворил этот разбойник.

И Вилья рассказал следующую историю.

Сатэво — небольшое селение, расположенное на северо-востоке от «Санта Гертрудис», того самого поместья, которое некогда принадлежало англичанину Бентону. Бывая в этом селении, Вилья останавливался в доме сеньоры Гарсия, вдовы одного из его боевых товарищей, у которой была молоденькая дочка Луисита.

Как-то заехав к сеньоре Гарсия, Вилья узнал, что Луисита ждала ребенка. Он позвал своего адъютанта и приказал справиться, кто отец будущего ребенка. Каково же было его удивление, когда адъютант сообщил ему, что, как говорят в селений, этот человек не кто иной, как сам Панчо Вилья.

Позвали Луиситу, стали ее расспрашивать. Она расплакалась и рассказала, что местный священник — отец будущего ребенка — научил ее свалить вину на Вилью; дескать, с него побоятся спросить.

Дело было под воскресенье. На следующий день Вилья с сеньорой Гарсия и ее дочкой Луиситой явился в церковь. Он прервал службу, взошел на амвон и обратился к прихожанам:

— Братья по расе! Вам, наверное, рассказывали, будто я согрешил с прекрасной сеньориной Луиситой, дочерью уважаемой сеньоры Гарсия. Но это клевета. Настоящий виновник — ваш уважаемый священник. Правду ли я говорю? — спросил Вилья, обратившись к священнику.

Полумертвый от страха «святой отец» пролепетал:

— Да, я виновен и прошу прощения.

— В таком случае, — продолжал Вилья, — вы должны жениться на этой девушке.

— Но я ведь священник, сеньор генерал, церковь запрещает мне жениться.[7]

— Об этом следовало думать раньше. А теперь выбирайте: или вы немедленно женитесь на Луисите, или я прикажу вас расстрелять здесь же, у алтаря.

Доводы Вильи оказались неотразимы, и священнику пришлось вступить в брак с сеньоритой Луиситой.

Прошло некоторое время, и Сатэво было вновь занято войсками Уэрты. Священник созвал прихожан в церковь и сказал им, что Вилья его ложно обвинил и насильно заставил жениться.

— Самое обидное, — закончил свой рассказ Панчо, — что прихожане поверили ему, а не мне. Как вы думаете, священник из Сатэво попадет в рай или ад?

Старушка не знала, что ответить. Она только удрученно качала головой и что-то бормотала.

Несколько дней спустя Панчо и его друзья приехали в селение, где жила сестра Вильи. Она пригласила Панчо на свою свадьбу. Гостей встречали с музыкой. Весело звучала маримба, звонко пели народные певцы — марьячас, прославляя подвиги борцов за свободу и их храброго генерала.

В этом селении, как и всюду, куда простиралась власть Северной дивизии, крестьяне владели помещичьими землями. Теперь и пеоны, хотя их не наделили землей, по крайней мере не голодали и были свободными.

Шумно было за столом новобрачных, на котором высились горы свежее испеченных маисовых лепешек, чернели миски с чипотле — вяленным перцем, дымились куски жареной свинины и красовались румяные гуахолоте — индейки вперемежку с агуакатэ и другими тропическими овощами. Когда-то все эти яства попадали на стол только к помещику или майордому; теперь ими могли полакомиться и те, кому они принадлежали по праву, те, кто их выращивал.

Потом гости и их друзья танцевали на площади под звуки маримбы любимый танец Вильи — харабэ тапатио.

Бросил Вилья свой сомбреро в круг и начала плясать новобрачная. Заложив руки за спину, стал Вилья догонять ее, выстукивая каблуками и шпорами причудливую дробь. Прошлась его партнерша по гигантским полям сомбреро. Стал перед ней Панчо Вилья на колено. Подняла новобрачная сомбреро и надела его на голову Панчо Вильи.

А потом гостей пригласили посмотреть петушиный бой.

На небольшой площадке, обнесенной невысоким барьером, за которым разместились зрители, на корточках сидели два петушника, держа в руках по мешку. Староста селения подал знак, и петушники опрокинули свои мешки, из которых вылетели два пернатых гладиатора. Вцепившись в грунт цепкими лапами, они налившимися кровью глазами с беспредельной ненавистью и презрением оглядывали друг друга. Общипанные шея и чуб придавали им ястребиный вид. Бойцы были готовы к схватке.

Почти одновременно они налетели друг на друга и, точно обнявшись, закружились по арене в каком-то диком танце. Каждый норовил рассечь клювом своему противнику голову или по крайней мере продырявить ему шею. С остервенением впивались петухи друг в друга своими когтистыми лапами. Зрители кричали, хохотали, топали ногами, выражая свое восхищение происходящим.

Наконец бойцы, израненные и усталые, отскочили в стороны, чтобы передохнуть перед новой кровавой схваткой...

Три дня длилась свадебная фиеста. Народ веселился, а с народом веселился и Панчо Вилья...

ДОН ВЕНУС — ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

По мере того как успехи Северной дивизии росли, Панчо Вилья все чаще думал о своих отношениях с Каррансой.

Кто же дон Венус — друг или скрытый враг, которого следует остерегаться? Вот над чем все чаще ломал себе голову Вилья.

Недоверие Вильи к «первому вождю» с каждым днем возрастало. Карранса окружал себя выходцами из богатых семейств, покровительствовал помещикам, о возврате крестьянам земель даже не думал. В его ставке не было генералов-пеонов, подобно тем, которые были в Северной дивизии.

Хотя Вилья и его единомышленники не имели ясной программы и в политике разбирались меньше, чем «первый вождь», тем не менее они ясно представляли, что основная задача революции состояла не только в свержении режима Уэрты, но и в разрешении крестьянского вопроса. Пеоны хотели получить землю и избавиться от гнета помещиков. Вот почему они сражались против Уэрты, вот почему они стекались со всей страны под знамена Северной дивизии.

Панчо рассуждал просто: Карранса и его советники не желают обижать помещиков, отнимать у них землю. Значит, они скверные, коварные люди, от которых он, Вилья, и его Северная дивизия ничего хорошего ожидать не могут. Нужно быть начеку и следить за действиями дона Венуса.

В отношении Вильи к Каррансе сказалась ограниченность крестьянского вождя: с одной стороны, Панчо не доверял «первому вождю», с другой стороны, он не решался взять в свои руки руководство революцией, считая себя неподготовленным, не достойным такой роли.

Когда Вилью спрашивали, как, по его мнению, народ сможет обеспечить себе будущее, он отвечал: «Только сражаясь! Мы будем сражаться до тех пор, пока правители Мексики не станут проводить политику в интересах народа». Вилья не понимал, что революция может победить, если на сторону крестьян станут рабочие. Да он и не мог этого понять тогда, ибо рабочее движение в Мексике делало первые шаги и его тогдашние вожди — анархисты и синдикалисты — были столь же далеки от понимания законов революции, как и руководители крестьянских масс.

Все это играло на руку национальной буржуазии и связанным с нею помещикам, выразителем интересов которых был Венустиано Карранса.

После взятия Торреона город посетил Карранса. Вилья встретил «первого вождя» со всеми подобающими ему почестями. В честь Каррансы был устроен парад.

На состоявшемся после парада совещании Карранса предложил Вилье повернуть армию на восток и освободить Сальтильо, столицу его родного штата Коауила.

Это предложение возмутило Вилью. Из Сальтильо враги не в состоянии угрожать кому-либо, они могут только бежать через границу в США, к чему и готовятся. Командующий Северной дивизией предложил безотлагательно наступать на юг, по направлению к столице. Враг укрепился в городе Сакатекасе, на полпути от Торреона до Мехико. Сломав ему хребет в Сакатекасе, Северная дивизия могла бы открыть путь в столицу. Это означало бы разгром войск Уэрты и победу революции.

— Поворачивая на восток, — убеждал Вилья Каррансу, — мы только дадим время Уэрте собрать силы и укрепиться в Сакатекасе. А его нам все равно потом придется брать.

Но Карранса был непреклонен. Он явно не хотел, чтобы Северная дивизия проложила себе дорогу к столице. Было очевидным, что дон Венус пытался выиграть время, с тем, чтобы его правая рука — генерал Обрегон, Северо-Западная дивизия которого наступала вдоль тихоокеанского побережья в южном направлении, открыл ему доступ в заветное Мехико.

Сдерживая себя, Вилья согласился выполнить приказ Каррансы. 11 мая Северная дивизия вышла из Торреона и двинулась на восток. Неделю спустя ею были разбиты войска Уэрты, укрепившиеся в Паредоне.

В этом городе произошел следующий эпизод. Отдав приказ очистить улицы города от убитых и раненых, Вилья решил позавтракать. Под сенью дерева был поставлен походный столик, к которому командующий пригласил своих адъютантов и сопровождавшего его личного представителя Каррансы лисенсиата Акунюю.

Во время завтрака патруль привел к Вилье двух пленных офицеров. Командир патруля спросил Вилью, что делать с ними.

— Вам известен приказ «первого вождя», сеньора Каррансы: всех уэртистских офицеров, взятых с оружием в руках, казнить. Так что немедленно их расстреляйте.

Услышав это, лисенсиат Акунья брезгливо сказал:

— Если можно, генерал, пусть их расстреляют подальше от нас.

Вилья строго посмотрел на Акунюю.

— Победы, сеньор генерал, всегда обагрены кровью многих наших братьев, друзей и врагов. Ваш начальник, сеньор Карранса издал приказ: предавать смерти всех уэртистских офицеров. Это жестокая мера, но справедливая, и все революционеры обязаны выполнять этот приказ. Вы ведь революционер? Почему же вам неприятно смотреть, как осуществляются законы нашей революции? Вы, шоколадные политики, хотите одержать победу, не марая своих рук. Вы хотите, чтобы эту работу делали только мы. Не выйдет! Вам придется сейчас увидеть своими глазами, как приводят в исполнение диктуемые вами же законы.

И Вилья отдал приказ расстрелять уэртистов тут же, у столика.

Как и предвидел Вилья, войска Уэрты не стали ожидать его в столице штата Коауила. Узнав о взятии Паредона, они оставили Сальтильо и бежали в сторону американской границы.

Выполнив задание Каррансы, Вилья возвращается в Торреон. Он узнает там, что по приказу «первого вождя» наступление на Сакатекас поведет бригада генерала Панфило Натеры, в распоряжении которого было всего 6 тысяч солдат. В Сакатекасе противник располагал силами, в несколько раз превосходившими бригаду Натеры. Вилья, возмущенный, телеграфирует дону Венусу и требует отдать приказ наступать силами всей Северной дивизии. Однако «первый вождь» стоит на своем. Он не желает открыть путь войскам Вильи к столице.

Как и предвидел Панчо, бригада Натеры не смогла взять Сакатекас. Натера вынужден был отступить. Казалось бы, теперь Вилья получит приказ наступать на юг. Вместо этого Карранса приказывает ему выделить в помощь Натере еще 5 тысяч солдат. «Первый вождь», судя по всему, был заинтересован не столько в том, чтобы выбить врага из Сакатекаса, сколько в том, чтобы обескровить Северную дивизию, посылая ее части на верную гибель.

Коварство Каррансы было столь очевидным, что Вилья отказался выполнить его новый приказ. Для отказа он нашел предлог: дожди размыли железнодорожные пути, и нет возможности перебросить требуемое подкрепление Натере.

13 июня 1914 года Вилья, находясь в Торреоне, вызвал по прямому проводу Каррансу и вновь стал убеждать его в необходимости наступать на Сакатекас всеми силами Северной дивизии. Но дон Венус был неумолим. Он продолжал настаивать на том, чтобы Вилья бросил только часть сил в помощь Натере, оставаясь сам в Торреоне с главными силами.

— Так враг разобьет нас по частям, и силы Северной дивизии растают, сеньор Карранса, — ответил Вилья. — Если вы настаиваете на своем приказе, то мне не остается ничего другого, как сложить с себя командование дивизией.

Карранса тут же принял отставку Вильи и попросил его вызвать к прямому проводу всех командиров бригад, которые, впрочем, находились тут же. Вилья вел разговор в их присутствии. Карранса сообщил им, что принял отставку Вильи и просил предложить кандидата на пост командующего Северной дивизией.

Командиры были крайне возмущены действиями «первого вождя». Некоторые сгоряча выхватили пистолеты, намереваясь стрелять в телеграфный аппарат. Но их остановил генерал Макловио Эррера. Он приказал телеграфисту передать «первому вождю»: «Сеньор Карранса, ваше отношение, к генералу Франсиско Вилье показывает, что вы сукин сын».

Затем «первому вождю» было передано, что находившиеся у прямого провода генералы «отбыли на обед» и что их официальный ответ будет сообщен на следующий день в 10 часов утра.

На состоявшемся в тот же день военном совете было решено просить Каррансу не принимать отставки Вильи. «Это может вызвать неисчислимы бедствия как внутри страны, так и за ее пределами», — предупреждали «первого вождя» командиры Северной дивизии.

Карранса ответил, что взвесил все обстоятельства и поэтому принял отставку Вильи. Тогда ему передали, что военный совет Северной дивизии обращается к Вилье с просьбой продолжать оставаться командующим, а к нему, Каррансе, с новым призывом отменить свое решение.

Карранса, однако, все еще надеялся изолировать Вилью. «Первый вождь» пригласил делегацию военного совета в Сальтильо для переговоров. В ответ полетела телеграмма: «Мы подтверждаем генерала Вилью командующим Северной дивизией. У нас нет времени являться к вам, так как дивизия немедленно выступает по направлению к Сакатекасу».

Разрыв Вильи с Каррансой стал фактом.

15 июля по приказу Вильи Северная дивизия в составе 23 тысяч бойцов двинулась на Сакатекас.

Слух о том, что Вилья идет на выручку Натере, вызвал панику в стане врага. Среди солдат войск Уэрты было много насильно мобилизованных, которые только и ждали удобного случая, чтобы дезертировать. Рассказывают, что так в войска Уэрты попал и известный столичный музыкант Анкета. Когда Северная дивизия подошла к Сакатекасу, Анкета переделся крестьянином и бежал. Он был задержан солдатами Вильи.

— Стой, амигито! Кто ты такой?

— Я — бедный крестьянин, покупаю здесь кукурузу и фрихоль.

— Что-то не похож ты на крестьянина. Идем к генералу.

Панчо Вилья выслушал Анкету и сказал:

— Итак, амигито, ты крестьянин. Покажи-ка свои руки. Говоришь, приехал сюда за кукурузой. Ну-ка, посмотри сюда, — и он показал Анкете на грудку початков кукурузы, сложенных у одной крестьянской хижины. — Какого сорта эта кукуруза?

Музыкант взмолился:

— Пощадите меня! Я — артист.

— Артист? — с удивлением спросил Вилья.

Музыкант был одет в крестьянские белые портки, рубашку и обут в военные сапоги, заменить которые не успел.

— Артист в сапогах?

— Да, генерал. Я скрипач и играю также на пианино. Меня мобилизовали силой и послали в Сакатекас. Но как только я узнал о приближении вашей дивизии, я сбежал.

— Ну, артист ты или нет, это легко проверить. — И Панчо повел Анкету в свой вагон, в который было втиснуто пианино. О нем, казалось, забыли, ибо никто из окружения командующего играть не умел.

— Сыграй-ка что-нибудь веселое, артист! Анкета заиграл бравурный марш. Вагон сразу наполнился бойцами.

— Продолжай играть, артист, а я пойду. Когда Вилья появился в вагоне 24 часа спустя, артист все еще играл...

Начавшееся 22 июля сражение за Сакатекас длилось сутки. Из 12 тысяч солдат, оборонявших город, только 200 человек спаслись бегством. Остальные были или убиты, или ранены, или попали в плен.

Разгром вражеской армии был полный. 23 июля Северная дивизия вступила в Сакатекас.

Дни диктатуры Уэрты были сочтены.

Глава шестая. В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДВОРЦЕ ТЕСНО И ДУШНО

В мексиканскую столицу,

словно два родные брата,

нынче въехали бок о бок

Панчо Вилья и Сапата.

В мексиканскую столицу

нынче въехали два друга.

Вилья с Севера приехал,

А Сапата прибыл с Юга.

В мексиканскую столицу

нынче два бойца вступили.

На Сапате — шляпа «чарро»,

а техасская — на Вилье.

УЭРТА РАЗГРОМЛЕН, НО ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Узурпатор готовился к бегству. Два года пробыл он в Чапультепекском дворце. За это время он успел ожесточить против себя все слои мексиканского общества. Вначале его приход к власти восторженно приветствовали крупная буржуазия, церковная верхушка, помещики, иностранные дельцы. Для них Уэрта был «спасителем общества» от анархии, от социальной революции, которой якобы способствовал Мадеро.

Пьяный диктатор, как многие называли Уэрту из-за его неумеренного пристрастия к спиртному, не только не сумел установить заветный для эксплуататоров «порядок» в стране, но своими действиями способствовал еще большему подъему революционного движения.

Вооруженная до зубов профессиональная армия Уэрты — 200 тысяч солдат — оказалась не в состоянии совладать с крестьянскими вождями Вильей и Сапато.

Сапата продолжал по-прежнему оставаться хозяином положения в штате Морелос. Земля в штате была отнята у помещиков и возвращена крестьянам. Последние, когда им угрожала опасность, объединялись в вооруженные отряды и нападали на карателей или защищались от них. Сапата оказался не в состоянии, да и не стремился создать свое правительство и развить деятельность в общенациональном масштабе. Тем не менее его влияние и авторитет в крестьянских массах неуклонно росли. Росли и силы Вильи. Всего два года назад он вступил на землю Мексики с горсткой бойцов, а теперь командовал уже пятидесятитысячной армией, которая двигалась, постепенно увеличиваясь, по направлению к столице.

Вместе с тем новые могучие силы пробуждались в Мексике. В 1913 году трудящиеся страны впервые отпраздновали 1 Мая как свой боевой праздник.

Напрасно Уэрта, силясь пополнить свои войска, прибегал к принудительной мобилизации, силой угонял на фронт рабочих и крестьян. Напрасно засылал он наемных убийц к Сапате и Вилье. Напрасно бросал в тюрьмы, подвергал истязаниям и убивал при «попытке к бегству» своих подлинных и мнимых противников. Силы его таяли изо дня в день.

Уэрта разогнал палату представителей и сенат, провел выборы, на которых, следуя примеру Порфирио Диаса, самоизбрал себя президентом, а заплечных дел мастера генерала Бланкета — вице-президентом республики. Но как ни метался Уэрта, его положение быстро ухудшалось. В июле 1914 года почти две трети территории республики было уже освобождено революционными войсками.

15 июля, сложив с себя полномочия президента, Уэрта бежал в один из портов атлантического побережья. Там он сел на пароход, который увез его в Европу, где коротал свои дни его прежний хозяин, диктатор в отставке Порфирио Диас.

Наступил решительный момент революции. Кто будет теперь править Мексикой, кто окажется победителем? Национальная буржуазия и либеральные помещики в лице Каррансы или революционное — крестьянство и радикальная мелкая буржуазия, которых представляли Вилья, Сапата и их союзники? И те и другие были готовы силой проложить себе дорогу к власти. Правда, деятели революции не были не способны по-настоящему выявить ее движущие силы. Классовые противоречия у них преломлялись через призму личных отношений, симпатий и антипатий, личных качеств тех или других деятелей революции.

Таким образом, классовая неприязнь превращалась в личную ненависть, а борьба развивалась не вокруг программ или идей, а вокруг вождей, которые не столько сознательно представляли, сколь символизировали интересы тех или других групп классов.

Полтора месяца оставались еще в столице Приближенные Уэрты. Они надеялись, что им удастся договориться с Каррансой, как в свое время наследникам Диаса удалось договориться с Мадерой. Но их надежды не оправдались. В начале августа армия Обрегона подошла к столице и вынудила приближенных Уэрты безоговорочно капитулировать.

13 августа 1914 года в столицу вошли части Северо-Западной дивизии во главе с Обрегоном и Каррансой. Дон Венус добился своего: Северную дивизию Вильи, сыгравшую первостепенную роль в разгроме диктатуры Уэрты, опередил Обрегон. Теперь столица с ее ресурсами, фабриками, арсеналами, банками находилась в руках Каррансы. Вилья так и не смог осуществить свою мечту — первым войти в Мехико.

Как же это произошло? После взятия Сакатекаса Вилья собирался продолжать наступление на юг, по направлению к столице. Формально он все еще признавал главенство Каррансы, которому даже рапортовал о победе у Сакатекаса. Но продвинуться дальше на юг Вилья не смог. Войска Карранса задерживали шедшие с севера поезда, груженные углем, а без него эшелоны Северной дивизии двигаться не могли. Опасаясь, как бы Каррансе не удалось отрезать его от постоянных баз, Вилья прервал свой поход на юг и возвратился с основными силами Северной дивизии в Чиуауа.

Здесь Вилья чувствовал себя неуязвимым и непобедимым. Отсюда он двинулся в поход против Порфирио Диаса и нанес ему поражение. Здесь были заложены основы победы над Уэртой. Отсюда он начнет, если потребуется, поход против Каррансы.

В начале июля в Торреон прибыли полномочные представители поддерживавшей Каррансу Северо-Восточной дивизии. Они решили встретиться с представителями Северной дивизии, чтобы разрешить конфликт между Вильей и Каррансой.

8 июля 1914 года обе стороны подписали соглашение, известное под названием Торреонского пакта. Согласно ему Карранса вновь подтверждался вождем конституционалистского движения, а Вилья — командующим Северной дивизией, которая преобразовывалась в корпус, причем Вилье присваивалось звание дивизионного генерала, Карранса назначался временным президентом. Ему вменялось в обязанность провести выборы, однако он и другие революционные вожди лишались права выдвигать свои кандидатуры на пост президента. Соглашение предусматривало созыв Конвента для выработки программы будущего правительства. Особое значение имел пункт 8-й соглашения, который гласил: «Нынешняя война — борьба обездоленных против притеснений сильных мира сего. Понимая, что главные причины бедствий, которые переживает страна — засилье продажных генералов, плутократии и духовенства, — Северная и Северо-Восточная дивизии торжественно обещают продолжать вооруженную борьбу за полное уничтожение бывшей федеральной армии и ее замену конституционалистской, за учреждение в нашей нации демократического порядка, за благополучие рабочих, за экономическое раскрепощение крестьян путем справедливого раздела земли или путем других мер, должных разрешить аграрную проблему,

за наказание представителей римско-католического духовенства, оказывавших материальную и духовную помощь узурпатору Викторiano Уэрте».

Карранса, одобряя в общем Торреонский пакт, высказался против созыва Конвента. Вместо него он предложил созвать совет — хунту — генералов и губернаторов. Отказался «первый вождь» признать и пункт 8-й соглашения, а также преобразовать Северную дивизию в корпус и присвоить Вилье звание генерала дивизии.

Несмотря на сопротивление Каррансы, соглашение способствовало некоторому ослаблению напряженности. «Первый вождь» разрешил поставку угля для нужд Северной дивизии, а Вилье возвратил ему захваченное ранее казначейство.

Между тем Карранса вошел в столицу и объявил себя не временным президентом, как предусматривал Торреонский пакт, а «первым командующим конституционалистской армией, носителем исполнительной власти». Однако положение его было не из прочных. Ведь весь север страны находился под контролем Вильи, а вокруг столицы действовали неуловимые отряды другого крестьянского вождя — Сапаты.

Надеясь выиграть время, Карранса вступил в переговоры и с тем и с другим. К Вилье был направлен Обрегон.

Вилье хорошо встретил посланца дона Венуса. Почти 20 дней совещались командующие Северной и Северо-Западной дивизий. Наконец они пришли к соглашению: Карранса сохраняет власть до президентских выборов, но его кандидатура, как и любого другого военного командира революционной армии, не должна выдвигаться ни на президентский, ни на какой-либо другой избираемый пост, иначе Карранса или любой другой вождь революции сможет превратиться во второго Порфирио Диаса.

Дон Венус отказался утвердить и это соглашение. Карранса заявил, что такие важные вопросы могут быть решены только органом, представляющим всю страну, и объявил о созыве в столице 1 октября совещания командиров революционной армии. Одновременно Карранса присвоил, наконец, Вилье звание генерала дивизии.

Но если Каррансе удалось в какой-то степени временно нейтрализовать Вилью, то с Сапато отношения все время продолжали оставаться враждебными. Сапата потребовал от «первого вождя» осуществления революционной программы «Плана де Айала», то есть немедленного раздела помещичьих земель, а также передачи под контроль Освободительной армии юга пригорода столицы Хочимилько.

Карранса отклонил требования Сапаты.

Опасаясь, что Сапату поддержит Вилья, дон Венус вновь послал Обрегона уговорить командующего Северной дивизией принять участие в совещании. Одновременно Обрегону было поручено установить связи с наименее стойкими командирами бригад Северной дивизии и, обещая им деньги и чины, попытаться перетянуть их на сторону Каррансы.

Вилья и на этот раз радушно принял Обрегона. Он, в свою очередь, надеялся уговорить этого молодого генерала оставить Каррансу и присоединиться к нему. Но Обрегон, заверяя Вилью в своей дружбе, настойчиво уговаривал его подчиниться Каррансе в интересах сохранения единства сил революции.

Выведенный из терпения упорством посланца Каррансы и узнав, что Обрегон устанавливает связи с командирами Северной дивизии за его спиной, Вилья рассвирепел.

— Генерал, — заявил он Обрегону, — или вы измените свою точку зрения, или я прикажу расстрелять вас.

— Что же, генерал, — спокойно ответил Обрегон, — этим вы только себя обесчестите.

Вилья долго совещался со своими командирами.

Обрегон же теперь думал только об одном: как бы выбраться живым из этой клетки со львом. Посоветовавшись со своими командирами, Панчо решил отпустить Обрегона и передать через него дону Венусу, что готов участвовать в созываемом им совещании при условии, если оно будет полномочным утвердить Каррансу в должности временного президента или снять его с этого поста, установить дату новых президентских выборов, принять закон о разделе земель.

Когда Обрегон выехал из зоны, контролируемой Вильей, Карранса отдал приказ разобрать железнодорожные пути. Дон Венус понял, что на этот раз лев вышел из клетки и бросится прямо на него.

22 сентября Вилья опубликовал манифест, в котором объявил Каррансу предателем революции, призвал народ устранить его, создать гражданское правительство и провести социальные и экономические реформы.

«Братья-соотечественники, — писал Вилья в своем манифесте, — мне очень больно требовать от мексиканского народа новых жертв, но я уверен, что каждый честный гражданин увидит, что без этого последнего усилия народа все дело революции пойдет на нет».

И Вилья приказал двинуть свои войска на юг...

По дороге из Чиуауа в Сакатекас на одной из станций к командующему явился высокий и плотный мужчина.

— Генерал, — сказал он Вилье, — моя фамилия Мухика. Я аргентинский гаучо. В Мехико я убил аргентинского консула — врага трудового народа. За это меня посадили в тюрьму. Из тюрьмы я бежал, сражался в рядах Северо-Восточной дивизии за революцию. Читал ваш манифест. Согласен с вами. Примите меня в свою армию.

Вилье понравился смелый аргентинец, которого он тут же определил офицером в бригаду Урбины. Но не прошло и нескольких дней, как Вилье сообщили из столицы, что Мухика завербован генералом Пабло Гонсалесом, военным комендантом города, и получил от последнего поручение убить его, Вилью. Возможно, это поручение дано с согласия Каррансы. Сведения эти исходили из самой полиции, где у друзей Вильи имелись надежные люди.

Вилья велел немедленно доставить к себе Мухику.

— Вот что, гаучо Мухика, ты — предатель. Тебе Пабло Гонсалес поручил убить меня. Если ты храбрый, то выполняй свое поручение. Вот тебе револьвер, стреляй в меня.

Мухика растерялся. Он тут же признался, что действительно получил задание убить Вилью, но вовсе не собирался его выполнить.

— Сохраните мне жизнь, и я убью Каррансу — сказал Мухика.

Это предложение вывело из себя Вилью.

— Я не пользуюсь предателями в борьбе против врагов.

Мухика был расстрелян на перроне, рядом со штабным вагоном Вильи.

КОНВЕНТ В АГУАСКАЛИЕНТЕСЕ

В начале октября в столице открылся Конвент командиров революционной армии, созданный Каррансой. На нем, однако, не было представителей Вильи и Сапаты. Собравшиеся, среди которых было немало сторонников полюбовного соглашения с крестьянскими вождями, постановили перенести свои заседания в город Агуаскалиентес, который находился в нейтральной зоне. Это позволило Вилье направить в Конвент своих представителей.

Агуаскалиентес — небольшой провинциальный городок, затерявшийся в горах Центральной Мексики. 10 октября 1914 года здесь, в местном театре «Морелос», собрались подлинные представители мексиканского народа — командиры революционной армии, свергнувшей ненавистный режим узурпатора Уэрты. Председателем Конвента был избран Антонио Вильяреаль. Он, как и большинство делегатов, не был профессиональным военным (генеральское звание он получил за заслуги в революционной войне). Вильяреаль настаивал на примирении Каррансы и Вильи.

Конвент объявил себя верховным органом исполнительной и законодательной власти республики. Все делегаты поклялись «честью вооруженного гражданина» повиноваться принятым Конвентом решениям. В подтверждение этого они расписались на национальном знамени Мексики.

Вилья послал в Конвент делегацию во главе с генералами Гонсалесом Гарсой и Фелипе Анхелесом, которые первым делом потребовали просить Сапату направить в Агуаскалиентес своих представители. Это предложение было единодушно одобрено присутствующими.

Конвент послал к Сапате делегацию во главе с генералом Анхелесом.

Сапата сердечно принял делегатов Конвента. — Забудем прошлое, — сказал он, обращаясь к Анхелесу, который в свое время по приказу Мадеро руководил военными действиями против него. — Вы — единственный федеральный генерал, который не жег наших селений, не убивал наших женщин и детей. К вам мы не питаем вражды.

Между тем 16 октября во второй половине дня в Агуаскалиентес специальным поездом прибыл Вилья. Конвент прервал заседание. Делегаты вместе с жителями города пришли на вокзал приветствовать прославленного командующего Северной дивизией.

На следующий день Вилья появился в зале заседаний Конвента. Делегаты встретили его овацией. Вилья сел в партере. Председательствующий Вильяреаль пригласил его занять почетное место в президиуме Конвента. Вилья отказался. Только после повторного приглашения Вильяреалья и настоятельных просьб делегатов командующий Северной дивизией занял место в президиуме.

И вот Вилья сидит на сцене театра «Морелос». Он взволнован. Перед ним все командиры революционной армии. Многие из них в прошлом такие же пеоны, как и он сам. Большинство из них сочувствуют ему. Но есть и враги. Насупившись, сидит в партере, демонстративно скрестив руки, Обрегон. Председательствующий объявляет:

— Слово предоставляется генералу Вилье, командующему прославленной Северной дивизией.

Делегаты поднимаются со своих мест. Зал сотрясается от приветствий: «Вива Вилья!», «Да здравствует Северная дивизия!»

Медленно подходит Вилья к трибуне. Тихо начинает он говорить.

— Друзья, сеньоры генералы и командиры, выполнившие свой долг в борьбе за свержение тирании так называемого правительства Викторiano Уэрты! Я не могу чему-либо учить вас. Вы услышите слова простого человека, который со дня своего рождения был далек от культуры. Но если имеются здесь люди, которые понимают свои обязанности по отношению к родине и свои чувства по отношению к человечеству, то Франсиско Вилья не заставит их стыдиться его. Да, сеньоры, я ничего не прошу для себя. Я начал борьбу с несправедливостью, выполняя свой долг, и не хочу получить за это какую-либо выгоду для себя лично. Я ничего не прошу за мою службу, а хочу только, чтобы все то, что мы завоевали, пошло на пользу народу, послужило бы подспорьем для бедных. Только одно скажу: хочу ясно видеть будущее моей страны. За нее я много страдал и не желаю, чтобы другие мексиканцы, мои братья, страдали столько, сколько мне пришлось страдать, чтобы женщины и дети вновь мучались, изнывая от непосильного труда в поместьях. В ваших руках будущее родины и судьба всех мексиканцев, и, если наше дело погибнет, на вашу совесть, на вас, представляющих здесь закон и мудрость, падет вся ответственность.

Последние фразы было трудно разобрать, так как Вилья рыдал. Слезы лились по его загорелым, точно из дубленой кожи, щекам. В зале царило глубокое молчание. Даже противники Вильи были взволнованы, ведь оратор говорил от всего сердца.

19 сентября Вилья встретился с делегатами Сапаты, прибывшими в Агуаскалиентес. Они договорились действовать в Конвенте единым фронтом.

С прибытием представителей Сапаты сторонники Каррансы в Конвенте оказались в меньшинстве. Они стали выискивать предлог, чтобы покинуть заседание.

Их ораторы обвинили Вилью в том, что он якобы оказывает давление на участников Конвента. Они утверждали, будто войска Вильи окружают Агуаскалиентес.

Карранса направил Конвенту послание, в котором отказывался явиться лично и доложить о деятельности своего правительства. «Первый вождь» соглашался подать в отставку при условии, если Вилья оставит командование Северной дивизией, а Сапата — Освободительной армией юга и если оба они согласятся, как и сам дон Венус, покинуть страну и уехать за границу.

— Вилья и Сапата, — заявлял Карранса, — действуют в интересах реакции. Эти люди неграмотны. Их заявления и обращения пишутся другими. Они же их только подписывают.

Последнее больше всего возмутило Вилью.

— Разве я виноват в том, что неграмотен? — говорил он, отвечая дону Венусу. — Разве я виноват в том, что меня в детстве не учили? Но, несмотря на мою неграмотность, я все-таки принес пользу народу. А этого нельзя сказать о многих образованных людях.

Сгоряча Вилья просит Конвент: пусть расстреляют одновременно его и Каррансу, покончив, таким образом, навсегда спор между ними. Но Конвент, которому доложили об этом предложении Вильи, принял иное решение: отстранить Каррансу от власти, выразив ему благодарность за оказанные

стране услуги, снять с поста командующего Северной дивизией Вилью, избрать временным президентом генерала Эулалио Гутьерреса, выступавшего в то время в поддержку Вильи. О Сапате не было принято никакого решения, так как полномочия его представителей в Конвенте еще не были подтверждены.

Вилья одобрил решение Конвента. Он заявил, что согласен уйти с поста командующего Северной дивизией. Однако Карранса отказался передать власть избранному Конвентом новому президенту Эулалио Гутьерресу. «Первый вождь» тут же покинул Мехико и выехал в Веракрус, который американские оккупанты услужливо эвакуировали. За доном Венусом последовала Северо-Восточная дивизия, командующий которой Пабло Гонсалес поддерживал Каррансу. «Первый вождь» заявил, что он не признает решения Конвента и намерен сражаться против правительства Эулалио Гутьерреса и всех, кто его поддерживает, т.е. против Вильи и Салаты.

В числе сторонников Каррансы, покинувших Конвент, был Обрегон. В столице, все еще занятой солдатами, он опубликовал манифест, в котором стремился всячески очернить Вилью и призывал население выступить против него.

«Знайте, о добрые сыны Мексики, — возвещал Обрегон, — что с Панчо Вильей объединились все те, кто любит деньги, оргии, разврат, а с Венустиано Каррансой — все, кто любит страдания и готов идти на жертвы, все, кто, умерев, оставит своим детям в наследство свое честное имя... Мексиканские матери, мексиканские жены, мексиканские дочери! Станьте на колени перед алтарем родины в знак проклятья Франсиско Вильи, этого чудовища реакции, и взывайте к долгу ваших сыновей, мужей, отцов. Пусть они не допустят, чтобы предатели из Северной дивизии ворочали кинжалом во внутренностях родины».

Другой «одеколонщик», генерал Альварадо, писал: «Франсиско Вилья — это прототип примитивного животного, нервного, ловкого, челюсти которого перемалывают сырое мясо, грызут кости, проглатывают корни деревьев, раскалывают орехи и все то, что представляет собой обычную пищу африканских орангутангов... И если Франсиско Вилья физически выглядит крайне отвратительным — обезьяний взгляд, огромный слюнявый рот, лоб, испещренный морщинами, череп преступника, волосы, торчащие во все стороны, огромные ручищи, плоские ноги орангутанга, — то, с точки зрения морали, Франсиско Вилья не дошел еще до такого состояния, чтобы уразуметь элементарные понятия сознательного человека».

Мелодраматические манифесты, рассчитанные на пугливого обывателя, в которых Вилья представлялся кровожадным чудовищем, публиковали и другие генералы — сторонники Каррансы. Но их красноречие не производило впечатления на крестьянские массы. Пеоны, ранчерос знали, что Вилья, как и Сапата (его также чернили противники, называя Аттилой юга), в Действительности являются скромными и мужественными вождями тружеников. Что касается жестокостей, то в них были повинны еще в большей степени противники крестьянских вождей. Это они приказывали жечь крестьянские селения в Морелосе, вешали пеонов, совершали насилия над их женами и дочерьми, это они расстреливали любого, заподозренного в симпатиях к Вилье. Народную кровь проливали врага Вильи и Сапаты, и они же обвиняли их в том, в чем были повинны сами.

Лишенные поддержки народа, верные Каррансе генералы спешили покинуть столицу и отвести из нее свои войсковые части. По мере их отхода в пригородах появлялось все больше и больше крестьян в белых хлопчатобумажных штанах и рубашках, в больших остроконечных сомбреро. Это были люди Сапаты. Освободительная армия юга готовилась войти в Мехико.

Тем временем Конвент, учитывая поведение Каррансы, отменил свое прежнее решение об отстранении Вильи от командования Северной дивизией и назначил его главнокомандующим всех революционных вооруженных сил, оставшихся верными новому президенту Эулалио Гутьерресу.

Вилья отдал приказ армии Конвента занять столицу.

ВСТРЕЧА ДВУХ ВОЖДЕЙ

24 декабря 1914 года последние части, поддерживавшие Каррансу, оставили Мехико, и ночью в город вступили отряды Освободительной армии юга под командованием Эмилиано Сапаты.

Огромный город казался пустынным, вымершим. Его жители в страхе притаились в своих домах. Накануне газеты вышли в траурных рамках, предвещая с приходом Сапаты и Вильи наступление царства насилия, грабежа и голода.

Нежданно появившись в столице, Сапата направился в Национальный дворец. Он осмотрел кабинет президента, парадные залы, большие приемные. Осторожно ступал крестьянский вождь своими кривыми ногами прирожденного наездника по мягким коврам. Молча смотрел он на картины и фрески, повествующие о былом величии Мексики. Воздух этого дворца казался ему спертым, могильным. Назначив комендантом дворца своего брата Эуфемиио, Сапата поспешил на улицу. Там он пришпорил коня и помчался обратно в Морелос. Столица явно пришлась ему не по душе.

Станным и чуждым показался этот город и людям Сапаты, спустившимся с гор. Огромные здания, мощные улицы, электрический свет, витрины магазинов — все здесь ошеломляло и удивляло.

У бойцов Сапаты не было денег. О них не заботилась интендантская служба. Выйдя на улицу, они быстро терялись в этом городе, подобном гигантскому лабиринту. Попасты обратно в казармы казалось неосуществимым подвигом. Растерянные и голодные, солдаты блуждали по улицам столицы. Они твердо помнили, что генерал Саиата под страхом смертной казни запретил что-либо отбирать у жителей. Но как же утолить голод и жажду?

И вот эти «грабители» и «мародеры», как называла их реакционная печать, смиренно подходили к дверям домов и, сняв свои огромные остроконечные сомбреро, вежливо обращались к хозяйкам с просьбой не отказать им в паре лепешек. Жители столицы не верили своим глазам. Они ожидали встретить головорезов, бандитов. Перед ними же были скромные пеоны, мечтавшие только о том, как бы утолить свой голод. Обрадованные жители проявили подлинное хлебосольство. Они приглашали солдат во дворы (в дома бойцы Сапаты наотрез отказывались входить), разводили там костры, пекли на жаровнях лепешки и угощали ими своих благодарных гостей.

Утром 2 декабря 1914 года в столицу стали прибывать первые эшелоны с бойцами Северной дивизии во главе с дорадос. А вечером прибыл и сам Панчо Вилья, остановившийся в пригороде Такубайе. Своему заместителю генералу Анхелесу Вилья приказал:

— Следите, генерал, чтобы наши бойцы с уважением относились к жителям столицы. Враги выдают нас за бандитов и грабителей, а мы им покажем, что наши бойцы более дисциплинированы, чем солдаты Диаса или Каррансы. Скажите бойцам, что тот, кто позволит себе самоуправство, опозорит не только себя, но и меня и всю Северную дивизию. Установите связь с Сапатой и действуйте с ним согласованно.

Четыре дня спустя, 6 декабря, в Хочимилько пригороде столицы, Вилья встретил Сапату.

10 часов утра. По улицам выстроился почетный караул. Вилье преподносят цветы. Он плачет. С цветами в руках, сопровождаемый дорадос, командующий Северной дивизией скачет по дороге в Куэрнаваку где вскоре встречает легендарного вождя революционных крестьян штата Морелос.

Сапата был индейцем небольшого роста, худощавым с черными глазами и большими усами. Он был одет так же, как и все пеоны, в белые хлопчатобумажные штаны и рубашку. Его голову украшало огромное остроконечное сомбреро.

Поравнявшись, крестьянские вожди соскочили с лошадей и обнялись.

Вилья заговорил первым:

— Сеньор генерал Сапата, наконец-то сбывается мой сон: я увидел вождя революционных сил юга.

— Сеньор генерал Вилья, моя мечта тоже сбывалась, я вижу командующего Северной дивизией.

Вилья и Сапата, сопровождаемые своими помощниками и приветствуемые населением и бойцами, въехали в Хочимилько, где в муниципалитете был дан в их честь обед.

После обеда оба вождя ушли в отдельную комнату и долго беседовали о судьбах Мексики. Хотя это была их первая встреча и они привыкли никому не доверять, Вилья и Сапата вели себя, как два старых боевых товарища.

Они обещали оказывать друг другу всевозможную помощь. Сапата взялся руководить наступлением против войск Каррансы, засевших в Веракрусе; Вилья взялся очистить от каранкланов, как презрительно стали называть сторонников Каррансы, север страны. Оба согласились оказывать поддержку президенту Эулалио Гутьерресу, который должен будет осуществить реформы по «Плану де Айала».

Беда наша, — сказал Вилья, — что мы не можем обойтись без грамотеев. Мы неучи и умеем только храбро сражаться. А народное благо требует хороших законов, для этого нужно знать грамоту.

— Да, компаньеро, — отвечал Сапата. — Грамотеи любят усложнять простые вещи. Они могут запутать ясные для всех дела. К тому же они привыкли служить богатым. Но, как вы верно отметили, нам без них не обойтись.

— Эулалио Гутьеррес кажется надежным человеком, но если и он нас предаст, мы заменим его другим. Жалко, что мы необразованны и не годимся в президенты. Зато мы будем сражаться до тех пор, пока народ не победит окончательно.

8 декабря более 200 тысяч жителей столицы вышли на улицы встречать Вилью и Сапату с их легендарными солдатами.

Впереди на конях ехали дорадос. Они были одеты в форму цвета хаки, широкополые техасские шляпы и желтые кожаные краги. Каждый из них был вооружен двумя пистолетами и саблей, опоясан патронными лентами. У многих на лицах были рубцы, следы прошедших сражений и битв. Дорадос всегда первыми бросались в бой, готовые победить или умереть.

На площади Соколо против Национального дворца состоялся парад революционных войск. С балкона дворца парад принимали Вилья, Сапата и президент Гутьеррес.

С удивлением взирали жители столицы на стройные ряды всадников. Это были те самые «бандиты», которыми их пугали и Мадеро, и Уэрта, и Карранса. Да, вели они себя, как подлинных кабальеро, и тем не менее внушали страх и недоверие столичному населению. Эти революционные солдаты казались жителям столицы обитателями какой-то другой планеты: их одежда, речь, привычки — все было чуждым, диковинным, необычным.

Даже многим рабочим бойцы Вилья и Сапаты предоставлялись какой-то темной силой. Руководители «Дома рабочих мира», вокруг которого сгруппировались наиболее сознательные трудящиеся столицы, были проповедниками анархо-синдикализма. Они выступали за политику нейтралитета в отношении крестьян, которые боролись под руководством Вилья и Сапаты против помещичье-буржуазного блока, возглавляемого Каррансой.

Занятие столицы войсками Вилья и Сапаты — высшая точка в развитии мексиканской революции. Однако крестьянские вожди не сумели воспользоваться завоеванной властью для того, чтобы довести революцию до победного конца.

Вилья, Сапата и их советники не представляли себе вполне ясно, каковы движущие силы революции, вождями которой они стали, какими путями трудящиеся могут одержать победу. И Вилья и Сапата ненавидели помещиков, считали необходимым ликвидировать латифундии и разделить землю среди крестьян. Но они не понимали, что добиться этого могут только в союзе с рабочими.

Оба крестьянских вождя не придавали значения участию рабочего класса в революции, они не делали ничего, чтобы укрепить союз рабочих и крестьян.

Сапата — вождь крестьян штата Морелос, Вилья — крестьян севера. В своих районах они были непобедимы, но, выходя за их пределы, как правило, терпели поражения.

Наконец, ни Вилья, ни Сапата не понимали значения для судеб революции контроля над столицей, этим важнейшим административным и хозяйственным центром страны. Они, как и их бойцы, чувствовали себя в огромном городе, точно в мышеловке. Здесь им казалось тесно, душно, неудобно и тоскливо. Сапата не мог заставить себя остаться в столице даже на один день. Вилья, хотя и жил здесь некоторое время, но душой, мыслями находился в родной его сердцу Чиуауа.

Мелкобуржуазные революционеры, типичным представителем которых был избранный Конвентом «резидент Эулалио Гутьеррес, придя к власти благодаря поддержке Вилья и Сапаты, помышляли только о том, как бы от них избавиться.

Мартин Луис Гусман, один из сотрудников Гутьерреса, писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Самим течением жизни, тем, что в ней есть доброго, нас принесло к Панчо Вилье, чья душа скорее была душой ягуара, прирученного в интересах нашего дела или того, что считали мы своим делом, ягуара, которого мы ласково поглаживали по спине, дрожа от страха, как бы он не хватил нас своей когтистой лапой».

Склонные к предательству члены правительства Гутьерреса вскоре вступили в тайные переговоры с Каррансой. Не было случайным то, что Сапата, поведя наступление на Веракрус, потерпел поражение и вынужден был вернуться в Морелос. Вскоре и Вилья почувствовал, что среди командиров Северной дивизии кто-то сеет раздоры.

Панчо Вилья считал, что самое эффективное средство решения политических вопросов — насилие. И он решил применить его. 27 декабря отряд дорадос окружил резиденцию Гутьерреса и обезоружил его охрану. Затем Вилья явился к президенту в сопровождении Урбины и Фьерро. Вилья предъявил Гутьерресу ряд серьезных обвинений.

— Какой из меня президент, — жаловался в ответ Гутьеррес, — если вы и Сапата действуете, как вам заблагорассудится! Вы, генерал Вилья, держите под своим контролем железные дороги и телеграф, печатаете деньги. Сапата в Морелосе ведет себя точно бог. Ваши командиры арестовывают людей и расстреливают их без суда и следствия.

— Мы живем в военное время, — возразил Вилья, — железные дороги, телеграф, деньги нужны, чтобы вести войну с каранкланами. Что касается расправ с предателями, то мы охотно передадим это Дело правительству. Однако правительство бездействует. Бездействует и Конвент; он перебрался в столицу и занимается пустословием. Стране нужны революционные законы, а их нет. Пока их не будет, мои солдаты, представляющие революцию, будут действовать так, как это необходимо для блага народа.

После бурного объяснения Гутьеррес обещал повиноваться, Вилья вовсе не хотел разрыва с президентом. Он надеялся, что этот «крепкий разговор» окажет на Гутьерреса должное воздействие. Оставив со своими дорадос столицу, Вилья решил вернуться в Чиуауа и готовить наступление против войск Каррансы, занимавших ряд укрепленных пунктов на севере страны.

Но Вилья ошибался, полагая что президент останется верным делу революции. Гутьеррес и его друзья предпочли перейти на сторону Каррансы, но не подчиняться Вилье и Сапате.

В начале января 1915 года Обрегон, главная база которого находилась в Веракруссе, перешел в наступление, сломил сопротивление войск Сапаты и стал приближаться к столице. Гутьеррес и его приближенные вступили в тайные переговоры с Обрегоном. Узнав об этом, Вилья поспешил в Мехико. Зная, что на этот раз степной центавр не ограничится одним «крепким разговором», Гутьеррес вместе со своими министрами бежал из Мехико, захватив из правительственной казны 10 миллионов песо. За ним последовала часть столичного гарнизона. Перед бегством Гутьеррес опубликовал декрет, отстранявший от командования Вилью и Сапату.

В столице власть перешла в руки представителя Вильи в Конвенте генерала Гонсалеса Гарсы. Он объявил военное положение. Конвент, в котором не оставалось теперь и половины его членов, так как большинство командующих или бежало, или находилось со своими войсками, объявил Гонсалеса Гарсу временным президентом.

Тем временем верные Конвенту войска настигли беглецов и разбили их. Сам Гутьеррес был ранен в бою. Решив, что его карта бита, он бежал к Каррансе. Дон Венус принял перебежчика с распростертыми объятиями. Карранса понимал, что падение правительства Гутьерреса открывает ему дорогу в столицу.

Переход на сторону Каррансы Гутьерреса и его сторонников означал, что вожди радикально настроенной мелкой буржуазии порвали с революционным крестьянством. Мелкобуржуазные радикалы, испугавшись трудностей революционной борьбы и не веря в возможность успешной социальной революции в Мексике, предпочли союзу с революционным крестьянством компромисс с Каррансой. Их предательство лишило крестьянские массы политического руководства. Это прекрасно поняли враги Вильи и Сапаты. По всей стране они перешли в наступление. В этих условиях Вилья принял решение 19 января эвакуировать столицу, с тем, чтобы в районе Торреон — Сакатекас, вблизи своих основных баз, подготовиться к решительному сражению.

28 марта войска Обрегона вступили в столицу, в южных пригородах которой продолжала оставаться часть войск Сапаты. Сам Сапата удалился в неприступные горы Морелоса. А дон Венус все еще не покидал Веракрусса. Пока Северная дивизия находилась на марше, «первый вождь» не решался возвратиться в Мехико.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Многое из того, чего не понимали Вилья и Сапата, ясно представляли себе Карранса и его сторонники. Еще в 1913 году в одном из своих выступлений дон Венус предсказал, что после

свержения диктатуры Уэрты в стране начнется жестокая внутренняя борьба. Теперь эта борьба разгоралась. В отличие от Вилья Карранса отдавал себе отчет в том, что победить в этой борьбе только силой оружия нельзя. Он решил путем широкообещательных обещаний и мелких реформ привлечь на свою сторону наименее устойчивые слои трудящихся города и деревни.

Так появился на свет 12 декабря 1914 года декрет Каррансы, в котором правительство обещало разделить латифундии и укрепить мелкую земельную собственность, улучшить положение рабочих и пеонов, демократизировать избирательную систему, обеспечить независимость судебной власти. Наконец, Карранса обещал после возвращения в столицу провести президентские выборы и передать вновь избранному резиденту исполнительную власть.

Вслед за этим правительство Каррансы отменило институт хефе политико, который заменялся выборным муниципалитетом. Был сокращен срок пребывания у власти президента с шести лет до четырех. Законом от 6 января 1915 года предусматривалось возвращение крестьянам отобранных у них земель, вод и пастбищ. Деревни должны были получить общинные земли за счет экспроприации крупных латифундистов. Не забыл дон Венус сделать уступку и рабочим. Была повышена заработная плата рабочим некоторых профессий.

Разумеется, все эти прогрессивные по своей сути мероприятия Каррансы были вызваны бурным ростом и успехами революционного крестьянского движения. Буржуазия шла на уступки трудящимся, с тем, чтобы обезоружить их политически, расколоть их ряды. И это ей в значительной мере удалось. Народные массы Мексики не обладали достаточным политическим опытом и не всегда различали подлинных и мнимых друзей, крестьянские же вожди не обладали политической гибкостью.

Узнав о реформах Каррансы, Вилья заметил:

— Карранса пытается побить меня моим собственным оружием.

Заняв снова столицу, Обрегон установил связь с анархо-синдикалистскими лидерами «Дома рабочих мира». Он отдал им здания монастыря Святой Бригиты и типографию клерикальной газеты «Ла Трибуна». Кроме того, руководителям профсоюзов была передана крупная сумма денег.

Благодаря этим подачкам Обрегону удалось уговорить рабочих лидеров заключить соглашение с правительством Каррансы. По этому соглашению дон Венус обещал выполнить программу, предусмотренную декретом от 12 декабря 1914 года, а «Дом рабочих мира» обязался мобилизовать рабочих «для борьбы с реакцией». Так как пропаганда каррансистов изображала Вилью и Сапату агентами реакции, такое обязательство было равносильно участию рабочих в вооруженной борьбе против крестьянских вождей. И действительно, вслед за этим соглашением был сформировано 6 рабочих «красных» батальонов. Они были включены в армию Каррансы и участвовали в подавлении революционного крестьянского движения.

Участие рабочих в борьбе на стороне Каррансы было трагедией мексиканской революции. Антагонизм между рабочими и крестьянами был на руку капиталистам и помещикам, которые вовсе не были заинтересованы в коренном изменении социального порядка в стране.

Обрегон, находясь в столице, наложил большую контрибуцию на духовенство и испанцев. И те и другие наотрез отказались платить. Тогда все священники были арестованы и в товарных вагонах вывезены в Веракрус. Подверглись аресту и торговцы. Многие из них раскошелились и были освобождены. Тех же, кто упорствовал, заставили подметать улицы и выполнять другие работы.

Народ столицы голодал. Деньги, выпущенные Вильей, были объявлены недействительными, а других денег у рабочего люда не было. К тому же город не получал из сельских местностей продовольствия.

Выжав из столицы все, что можно было, Обрегон 10 марта 1915 года двинул свои части, в которые вошли и рабочие «красные» батальоны, на север, где надеялся разгромить своего главного врага — Панчо Вилью. Столицу же он сдал без боя войскам Сапаты, которые вновь стали ее хозяевами.

В Мехико возвратился из Куэрнаваки временный президент Гонсалес Гарса. Конвент возобновил свои заседания в здании парламента. Но ни Сапата, занятый борьбой с наседавшими на него войсками Каррансы, ни Панчо Вилья, готовившийся к сражениям с Обрегоном, уже не придавали значения правительству Гонсалеса Гарсы и Конвенту, которые точно затерялись в огромной мексиканской столице и не проявляли сколько-нибудь заметной активности. Ими не было сделано даже попытки мобилизовать трудящихся страны против блока капиталистов и помещиков, возглавляемого Каррансой.

В Вашингтоне внимательно следили за событиями в Мексике. Президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон и его советники рассчитывали, что гражданская война ослабит Мексику и эта страна, как спелое яблоко, упадет в корзину империалистов США. Американские агенты наводняли Мексику и развивали лихорадочную деятельность. Они обещали различным генералам помощь и поддержку Вашингтона, разжигали страсти, возбуждали взаимную ненависть и подозрения.

Каждый генерал нуждался в оружии, в деньгах, а их можно было получить в США. Правда, и немцы, и англичане, и японцы продолжали ловить рыбу в мутных водах мексиканских событий. Немецкие агенты пытались подбить Каррансу объявить войну США, обещая после победы Германии вернуть Мексике Техас, Калифорнию и другие ее территории, захваченные Соединенными Штатами в прошлом веке. Японские агенты посещали Вилью, заверяя, что его лучший друг — микадо. Доверенные люди английского нефтяного короля Детердинга не скупались на подкуп генералов, обосновавшихся в Тампико, этом нефтяном Эльдorado.

Но никто из них не располагал такими средствами, какие имели американские агенты, за спиной которых стояли магнаты Уолл-стрита. Те без особого труда убирали с пути своих европейских и азиатских конкурентов.

После разгрома Уэрты в Вашингтоне лихорадочно искали нового «сильного» человека в Мексике, который мог бы обуздать народ и обеспечить интересы американских банкиров и дельцов. Однако поступавшие из Мексики донесения были столь противоречивы, что трудно было сделать подходящий выбор. Каждый американский агент пытался убедить свое начальство в том, что именно «обрабатываемый» им генерал может оказаться «избавителем».

Личный представитель Вильсона в ставке Вильи настойчиво убеждал Вашингтон, что неграмотный Вилья, не разбирающийся в международных делах, при умелом руководстве со стороны его, Каротерса, может превратиться из «дикого зверя» в ручного ягненка. Агент госдепартамента Канова, прикомандированный к Каррансе, предостерегал против Вильи и всемерно рекомендовал вниманию своих хозяев дону Венуса, как человека, искушенного в политике, зрелого, понимающего. При этом Канова добавлял, что без поддержки США Каррансе не укрепиться в кресле президента Мексики.

Нашлись и такие, которые все еще делали ставку на Уэрту.

Около года провел Уэрта в Испании, пропивая награбленное в Мексике состояние. Когда деньги кончились, Уэрта превратился в мемуариста. Свои «воспоминания» он выгодно запродавал одной

желтой газетенке, которая специализировалась на описании всевозможных убийств и различных преступлений.

«Сочинение» свергнутого диктатора как нельзя больше подходило для бульварной прессы. С отвратительным цинизмом хвастался Уэрта своими преступлениями. «Смерть людей столь же мало меня волнует, как падающие осенние листья, — писал этот выродок, которого в свое время американская печать называла «справедливым и благородным миротворцем». — К сожалению, кадровые военные являются плохими убийцами. Они просто не умеют убивать, не оставляя следов. Лучший тому пример — убийство Мадеро. Надеюсь, что это мое замечание принесет пользу криминалистам...»

Все «воспоминания» Уэрты написаны в таком же духе.

Однако вскоре и деньги, полученные за «литературный труд», улетучились. Нужно было искать новые источники доходов.

И вот в 1915 году Уэрта появляется в США и обосновывается в городе Эль-Пасо. Там, в одном из кабаков, он встречается с давно потерявшим человеческий облик Ороско, живущим разбойничьими налетами на мексиканскую территорию. Оба «деятели», подкармливаемые американцами, не теряют надежды вновь стать хозяевами Мексики. А пока они ежедневно пьянствуют и дебоширят в притонах Эль-Пасо.

По поручению Вильи надежные люди следили за каждым их шагом.

Однажды ночью Уэрта, проживавший в особняке на окраине Эль-Пасо, чувствует резкие боли в желудке. Человек из его охраны выскакивает на улицу и, столкнувшись с каким-то незнакомцем, спрашивает, где можно найти врача.

— Я — врач, могу осмотреть больного.

— Пожалуйста, только поскорей.

Телохранитель Уэрты приводит незнакомца к больному. После беглого осмотра незнакомец ставит диагноз: острый приступ аппендицита, требующий немедленной операции, иначе смерть неминуема. Но как оперировать без инструментов, без наркоза?

— Нельзя терять ни минуты. Дайте мне острую наваху, горячую воду, и ваш больной будет спасен.

Спрашивают мнение Уэрты.

— Я готов, пусть режет, — говорит бывший диктатор.

Незнакомец вспарывает Уэрте живот и долго ворочает бритвой во внутренностях. Уэрта давно потерял сознание, а хирург все еще продолжает потрошить его.

— Одну минутку, — говорит незнакомец и, прежде чем присутствующие успевают опомниться, исчезает из комнаты.

За ним бросаются вдогонку, но его и след простыл. Когда люди Уэрты, наконец, находят настоящего врача, тому остается только констатировать клиническую смерть больного.

Кто был этот таинственный «хирург» — сообщник Вильи или кто-либо другой, выяснить так и не удалось.

Пораженный смертью Уэрты, Ороско бежит из Эль-Пасо. Несколько дней спустя его труп вылавливают в мутных водах Рио Браво.

Смерть Уэрты и Ороско проходит незамеченной в Мексике, где накал страстей продолжает нарастать.

Вилья готовится к важнейшему в его жизни сражению с Обрегоном — тем самым Обрегоном, которого он несколько месяцев назад чуть не расстрелял и который теперь, оставив позади себя столицу, наступал на север, полный решимости сразиться с непобедимой до сих пор Северной дивизией.

День и ночь работали мастерские в Сакатекасе, Торреоне, Чиуауа, изготавливая амуницию и боеприпасы для Северной дивизии.

День и ночь тренировались бойцы Вильи в стрельбе, штыковых атаках, метании гранат.

День и ночь совещались Вилья, Анхелес, Урбина, Фьерро, склонившись над картами, испещренными разноцветными кружками и стрелками.

Час решительной битвы приближался...

Глава седьмая. ЭТИ ПРОКЛЯТЫЕ ГРИНГО...

Жизнь я отдам, не колеблясь,

лишь бы не видеть, как враг

здесь, на земле мексиканской,

топчет отечества флаг.

Гринго-соседи оружием

и снаряженьем сильны.

Наше оружие — отвага,

камни родной стороны.

Но не видать им победы -

несправедлив их поход.

Это они, чужеземцы,

наш обирают народ.

С приисков золото наше

в ваши карманы течет.

Счет вы ведете доходам,

наши страдания — не в счет.

Мало вам наших страданий,

наших несчастий и бед!

Коли ворветесь, из вас мы

славных нарубим котлет!

КРОВЬ ЛЬЕТСЯ У ВОРОТ СЕЛАЙИ

Обрегона было 15 тысяч бойцов, 15 орудий, 100 пулеметов, под его командованием были «красные» батальоны и отряды индейцев. В распоряжении Вильи имелось только 9 тысяч бойцов. Остальные были рассеяны на огромной территории Северной Мексики, вели бои с войсками других генералов Каррансы или, что случалось довольно часто, между собой.

Обрегон занял Селайю и приказал спешно возводить укрепления. Вокруг города были вырыты глубокие рвы, возведено несколько рядов проволочных заграждений. Позиции были усилены пулеметными гнездами.

5 апреля 1915 года конница Вильи подошла к Селайе. Однако все попытки взять город с ходу окончились неудачей. Проволочные заграждения оказались непреодолимым препятствием для всадников Вильи. Конница налетала на них точно ураган и столь же стремительно откатывалась под огнем пулеметов.

«Моя ошибка, — признавал потом Вилья, — состояла в том, что я надеялся с ходу взять Селайю и бросил против Обрегона мои отборные войска, не прикрыв их артиллерией».

Тем не менее, Вилья не терял надежды на победу. На заре третьего дня сражения Северной дивизии удалось прорвать оборону противника и ворваться в пригороды Селайи. Но именно в этот момент Обрегон получил подкрепление — 3 тысячи хорошо вооруженных бойцов. С их помощью Обрегон отбросил войска Вильи за пределы укреплений.

После этого Обрегон сам перешел в наступление, сдержать которое Вилья оказался не в силах. У его бойцов кончились боеприпасы, а из Хуареса прекратился их подвоз: американцы закрыли границу. Вилье не оставалось другого выхода, как отступить. В сражении при Селайе погиб один из его сподвижников — генерал Франсиско Натера, пало много других прославленных бойцов. Всего Вилья потерял в этом бою около двух тысяч солдат и офицеров.

Вилья отступил к Ирапуато, а Обрегон остался в укрепленной Селайе, уверенный, что противник не преминет вернуться с новыми силами. 9 апреля Обрегон издал декрет, устанавливавший минимум заработной платы для всех трудящихся города и деревни, включая домашних работниц, на всей территории, контролируемой его армией. Впоследствии декрет был подтвержден Каррансой и в немалой степени способствовал укреплению его авторитета.

Из Ирапуато Вилья передал своему компадре Томасу Урбине приказ взять город Эбано, а затем двинуться на Тампико, с тем, чтобы захватить нефтяную зону. Путем наложения контрибуций на

нефтяные компании можно было получить золото, необходимое для покупки боеприпасов. Теперь Вилье требовалось золота больше, чем когда-либо раньше: ведь после закрытия американцами границы боеприпасы можно было достать только у контрабандистов, которые запрашивали за них баснословные цены.

Дела, однако, у Урбины не клеились, как и у Вильи. В ответ на приказ последнего Урбина ответил по прямому проводу:

«Могу заверить вас, сеньор генерал Вилья, что мы здесь истекаем кровью и гибнем, исполняя наш долг. Местные каррансистские войска, которыми командуют генералы Пабло Гонсалес и Хасинто Б. Тревиньо, располагают хорошо размещенной артиллерией, длинной линией окопов, защищенных рвами и пулеметами. Ночью они освещают поле боя прожекторами, днем узнают о движении наших войск при помощи самолетов. Я хочу этим сказать, что враг располагает большими ресурсами. Несмотря на это, мы не падаем духом и не теряем веры в победу. Наши командиры и солдаты понимают, что они сражаются за народное дело, за народную справедливость и что если они одержат победу, то их дело победит; если же они потерпят поражение, их дело погибнет. Я только прошу вас об одном: пришлите, если можете, мне солдат, а также боеприпасы; если можете помочь советом, передайте совет. Здесь с каждым днем борьба нарастает и обостряется, так что ваш совет тоже может пригодиться. Бывают дни, когда мы по 9 или 10 раз идем в атаку с очень скромным успехом. И все же мы продвигаемся. Уже разрушены многие вражеские укрепления, уже взорваны вражеские нефтяные склады. Теперь пытаюсь вывести из строя водопровод. Но признаюсь вам, что трудно будет одержать победу, и если мы ее одержим, то только ценой больших жертв».

Вилья ответил Урбине:

«Не падайте духом, встречая сопротивление врага. Продолжайте наступать, пока есть силы, и если в первую атаку идет тысяча солдат, то во вторую шлите две, а в третью — три, и будьте уверены, что таким образом в конце концов победите. Не унывайте, если не достигнете своей цели. Мы ведь ведем войну, а на войне сражения выигрываются и проигрываются, и если мы не победим теперь, то победим потом. В любом случае народное дело, которое мы, революционеры, защищаем с оружием в руках, непобедимо. Знайте, что и я сражаюсь в трудных условиях; со мной нет многих бойцов, которые сражаются с вами в Тампико; нет и тех, кто ведет бои в Дюранго; нет бойцов генерала Чао, который вам помогает; нет бойцов Хосе Родригеса, который защищает линию Матаморос; нет бойцов Росалио Эрнандеса, который наступает на Ларедо; нет Северино Сенисероса, Максимо Гарсия и Орестеса Перейры, которые ведут бои в районе города Виктории; нет отрядов Родольфо Фьерро и Пабло Сеаньеса, которые сражаются у Гуадалахары. Между тем те немногие силы, которыми я располагаю, должны одолеть Обрегона, у которого в Селайе 15 тысяч солдат, а на Родольфо Фьерро и Пабло Сеаньеса насаждают 12 тысяч вражеских солдат. Но как бы ни была велика армия каррансистов, моя вера в победу останется непоколебимой».

Вилья отдал приказ наложить на иностранных негоциантов и помещиков контрибуцию, которая должна была пополнить опустевшую казну его армии. Это вызвало протесты иностранных представителей.

К командующему Северной дивизией явился Каротерс и заявил:

— Генерал, вы не имеете права накладывать контрибуцию на иностранцев, которые в Мексике занимаются торговлей, а не политикой.

— Еще как имею! Мы, мексиканцы, живем здесь, потому что здесь мы родились. Иностранцы живут на нашей земле по своему выбору. Они пользуются всеми благами нашей земли, захватывают наши богатства. Будет только справедливо, если на них ляжет часть тех тягот, которые выпали на долю

мексиканцев. А если бы Мексику постигло землетрясение, неужели иностранцы требовали бы, чтоб оно их не коснулось только потому, что они чужеземцы?

Каротерс продолжал настаивать: — Иностранцы лишены политических прав, они не могут принимать участия в гражданской войне.

— Но мы и не требуем от них этого. Мы ведь не мобилизуем их в армию, не просим воевать за нас. Мы только хотим, чтобы они поделились с нами своим богатством. Для этого у нас имеются все основания.

Каротерс потребовал от Вильи гарантий, что иностранцы не пострадают в случае нового наступления на Селайю.

Панчо направил Обрегону письмо с традиционным для него призывом: выйти за стены города и сразиться с ним в открытом поле. «В противном случае, — писал Вилья, — укройте иностранцев и их семьи от действий моих снарядов, ибо в ближайшие три дня я вновь пойду на Селайю, и вам тогда неседобровать».

Обрегон ответил, что мексиканцам нечего проявлять заботу об иностранцах. Кроме того, ему кажется смешным, что в качестве их адвоката выступает Вилья — убийца Бентона. Что касается угрозы Вильи повторить нападение на Селайю, то он, Обрегон, обещал вновь нанести поражение непрошеному и беспокойному гостю.

Вилья понимал, что это не было пустой угрозой. Войска Обрегона продолжали получать подкрепление и уже насчитывали 20 тысяч человек, в то время как у Вильи было наполовину меньше солдат.

Что же побудило Вилью, несмотря на явный перевес сил противника, начать новое сражение за Секлайю? На этот вопрос в своих воспоминаниях дает такой ответ:

«В революционной войне господствуют свои законы. Тот, кто защищает интересы бедных, иногда может с меньшими силами одолеть противника, защищающего интересы богатых. В народной борьбе не столько важны отдельные военные победы, сколько конечная победа народного дела, а для этого необходимо бороться всегда, несмотря ни на какие поражения. Я думал, что никогда не одолею Обрегона, если буду ждать, пока у меня будет материальный перевес над ним. Мне казалось, что я мог победить не столько силою оружия, сколько храбростью и отвагой моих бойцов, сражающихся за народное дело».

13 апреля, всего неделю спустя после первого поражения у стен Селайи, Вилья вновь повел свою армию на приступ.

Два дня длилось второе сражение у Селайи, и вновь волна за волной шла конница Вильи на приступ укреплений, откатываясь под огнем вражеской артиллерии и пулеметов. На второй день Обрегон бросил в бой еще 6 тысяч всадников. Под натиск их не устояли обескровленные силы Вильи.

На третий день, потеряв почти всю свою армию, Вилья вынужден был поспешно отступить. В этом сражении, одном из самых кровавых в истории мексиканской революции, по словам Вильи он потерял свыше 3500 бойцов убитыми, ранеными и взятыми в плен; по словам Обрегона, Северная дивизия потеряла 15 тысяч бойцов.

Погрузив остатки своей армии на поезда, Вилья поспешно отступил к Агуаскалиентесу.

Между тем Обрегон преследовал Вилью не столько войсками, сколько посланиями, адресованными его командирам. Обрегон убеждал их перейти на свою сторону, обещая за предательство повышения и награды. Эти аргументы производили соответствующее впечатление на менее стойких командиров.

Победа Обрегона у Селайи и рост сил Каррансы заставили Вилью задуматься над причинами этих на первый взгляд странных и непонятных для него явлений. Вилье было ясно, что именно он и Сапата представляют революционный народ, что именно они защищают народное дело. Карранса, Обрегон и их сторонники — революционеры только на словах. В действительности они связаны с капиталистами и помещиками. Но почему растет их влияние среди народа, а силы подлинных революционеров идут на убыль? Вилья задавал себе этот вопрос и не находил ответа.

Советники обратили его внимание на декабрьские декреты Каррансы, обещавшие крестьянам землю. Может быть, в этом и заключается причина успеха врагов?

И вот Вилья отдает приказ составить декрет о земле. Он горячо обсуждает его текст со своими советниками, вносит в него поправки. В конце апреля декрет готов и опубликован.

«Я, Франсиско Вилья, — гласит декрет, — командуя армией Конвента, заявляю следующее:

Первое. Большинство мексиканцев работают пеонами, живут на положении крепостных, ими управляют немногие богачи, хозяева всех поместий.

Второе. По этой причине мексиканцы, обрабатывающие землю, не могут избавиться от нищеты и невежества, что в интересах богачей и их ненасытной жадности.

Третье. В результате такой эксплуатации мексиканцы терпят унижение, а их дочери и жены подвергаются насилию. Поэтому у народа нет другого выхода, как бороться за справедливость с оружием в руках.

Четвертое. Главнейшая задача нашей революции — дать землю неимущим.

Учитывая вышесказанное, правительство Конвента декретирует следующий закон:

Первое. Со дня опубликования данного закона все мексиканцы или иностранцы имеют право владеть только таким участком земли, который они могут сами обработать, не эксплуатируя других мексиканцев.

Второе. Вся остальная земля будет разделена между сельскими трудящимися.

Третье. Жители городов и селений, нуждающиеся в земле, получат ее за счет раздела поместий.

Четвертое. Сельские трудящиеся получают вместе с землей водоемы, скот и сельскохозяйственные орудия, а также соответствующие постройки. Пятое. Земля, которую получают трудящиеся, будет оплачена бонами так называемого аграрного долга согласно ее настоящей стоимости.

Шестое. Трудящиеся, получившие землю, будут платить правительству ту же сумму, которую оно будет выплачивать в бонах, плюс расходы.

Седьмое. Трудящиеся теряют право на полученную землю, если не обрабатывают ее в течение двух лет без веских на то оснований».

Вслед за этим декретом Вилья обнародовал распоряжение, по которому аннулировались все концессии иностранцам, договоры на которые были заключены правительством Каррансы.

Эти документы не имели, однако, большого влияния на судьбы войны, ибо к тому времени в настроении большинства населения произошел явный перелом в пользу Каррансы. Поражение армии Вильи у Селайи вызвало уныние и разочарование в крестьянской массе. Между тем Обрегон и Карранса не скупилась на щедрые обещания. Большинство крестьян предпочитало получить землю от Каррансы на «законном» основании, это им казалось прочнее и надежнее, чем от Вильи на «незаконном».

В конце мая Обрегон начал генеральное наступление против Вильи. Бои шли с переменным успехом.

3 июня Вилье удалось окружить главные силы противника в районе асиенды «Санга Анна», но Обрегону удалось вырваться из окружения и нанести новое поражение Вилье в районе между селениями Силао и Леон. В этом сражении Обрегон был тяжело ранен и лишился правой руки. Это, однако, не изменило его решения продолжать борьбу до победного конца.

Вилья вновь отступил к Агуаскалиентесу, где укрепился. Между 6 и 10 июля у стен этого города, где всего лишь год тому назад заседал Конвент, разыгралось четвертое по счету сражение между силами Обрегона и Вильи. Обрегон снова оказался победителем.

Оставив Агуаскалиентес, Северная дивизия стала поспешно отступать. К ней присоединились остатки войск Урбины, которые так и не смогли овладеть нефтеносным районом Тампико.

Плохи были дела и у Сапаты. Остатки Конвента и его правительство, возглавляемое Гонсалесом Гарсой, находились в столице до начала июня, но не были в состоянии оказать какое-либо действенное влияние на ход событий. Сам Сапата, точно кондор, притаился в горах Морелоса, готовый сражаться за права крестьян своего родного штата.

10 июня Гонсалес Гарса подал в отставку, а четыре дня спустя члены Конвента и правительство покинули Мехико. Столицу заняли превосходящие силы Каррансы, которым войско Сапаты не могло оказать серьезного сопротивления.

Но, покинув Мехико, революционеры решили продолжать борьбу. 18 апреля 1915 года в горном Местечке Хохутля Конвент принял Программу политико-социальных реформ, самый прогрессивный документ мексиканской революции. В программе провозглашалась необходимость уничтожить латифундии и разделить землю между крестьянами, издать законы в защиту рабочих, признать профсоюзы и право трудящихся на забастовку. Но эта программа, как и декрет Вильи о земле, не дошла до широких масс трудящихся республики, она не стала их знаменем.

Из Хохутли Конвент перебрался в Толуку, но под натиском сил Каррансы вынужден был оставить и этот город.

К концу года четыре пятых территории Мексики уже находилось под контролем правительства Каррансы.

В ноябре 1915 года дон Венус и его правительство оставили Веракрус и направились в столицу. По дороге Карранса выступал с речами, в которых подтверждал свое обещание наделить крестьян землей и отстаивать суверенитет Мексики, которому угрожали американские империалисты. В речи, произнесенной в городе Сан-Луис Потоси, дон Венус заявил, что он и его друзья являются не только мексиканскими, не только латиноамериканскими, но и... «мировыми» революционерами. Карранса осудил бушевавшую в Европе войну, как империалистическую.

В конце 1915 года дон Венус вступил в столицу. Вскоре последовало официальное признание его правительства Вашингтоном. Президент Вильсон, сам мастер высокопарной либеральной фразы, не опасался революционной фразеологии вождя конституционалистов. Кроме того, у него не было другого выхода. Не мог же он поддерживать Вилью, вожака крестьянской революции. А других претендентов на власть в Мексике, кроме Каррансы и Вильи, в 1915 году не было.

Теперь для того, чтобы стать полным хозяином положения в стране, дону Венусу, как он полагал, недоставало только одного: покончить с Вильей и Сапа-той. Но одолеть их в военном отношении еще не значило одержать над ними победу. Уничтожить их физически — вот чего требовал Карранса, ибо все знали, что, пока Вилья и Сапата живы, у них всегда найдутся последователи среди обездоленных и неимущих и война с ними не прекратится.

ГРИНГО ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАСЛУГАМ

После победы у Агуаскалиентеса Обрегон настиг отступавшего Вилью у Торреона и нанес ему новое поражение. Теперь Вилья думал только о том, как бы оторваться от своего беспощадного и столь удачливого преследователя.

Не задерживаясь в Чиуауа, Вилья повернул на запад к горам Сьерра-Мадре. Он решил переправить свое таявшее на глазах войско в штат Сонора, родом из которого был Обрегон. В этом штате сражался против конституционалистов союзник Вильи генерал Майторена. Бои шли за пограничные города. Вилья надеялся, объединив свои силы с Майтореной, захватить ключевые позиции на границе и получать через них контрабандой боеприпасы. После этого Вилья рассчитывал морским путем спуститься вдоль тихоокеанского побережья к югу, произвести там высадку, взять Гуадалахару, а вслед за нею — столицу.

Смелые планы, грандиозные мечты. Им верил, пожалуй, только сам Вилья. Большинство же его командиров считало безумием продолжать борьбу. Они или переходили на сторону Обрегона, или оседали в степных ранчо, возвращаясь к мирному труду.

Переход остатков Северной дивизии из Чиуауа в Сонору совершился в начале зимы. В горах уже выпал снег. Полураздетые солдаты мерзли от холода, падали замертво от усталости и голода. В горах пришлось оставить артиллерию и часть драгоценных боеприпасов. Во время похода Томас Урбина, старый соратник Панчо, которому степной центавр доверил казну армии, бежал. Его поймали и по приказу Вильи расстреляли.

Когда несколько сот бойцов во главе с Вильей спустились с гор и подошли к городу Агуа Приета, осажденному частями Майторены, их приняли за привидения. Но эти «привидения» и их вождь пришли сюда из-за тридцати земель, чтобы сразиться, и они, возможно, одержали бы победу, если бы враг не сумел перебросить по территории США подкрепления. Теперь американцы открыто оказывали поддержку Каррансе, снабжая его войска в изобилии оружием и боеприпасами.

Убедившись, что взять Агуа Приету невозможно, Вилья предпринял попытку взять другой пограничный городок — Эрмосильо, но тоже потерпел неудачу.

Потеряв в бесполезных схватках несколько сот убитыми и ранеными, Вилья решил вернуться с остатками своей некогда могучей и непобедимой Северной дивизии в Чиуауа.

Возвращение происходило в еще более тяжелых условиях, чем поход в Сонору. Наступила зима. Горы были покрыты снегом. В ущельях бушевали бураны. Обессиленные, голодные, оборванные, потерявшие всякую надежду одолеть своих врагов, брели бойцы в родные края.

«Не помню дней более ужасных, чем эти, — вспоминал Вилья, — и не желаю их своим наихудшим врагам. Больше всего я переживал гибель раненых и изнуренных бойцов, которым не мог ничем помочь. Наблюдая, как один за другим падают и остаются позади мои братья по крови, которые столько лет и так бесстрашно сражались под моим руководством, я спрашивал себя, не напрасно ли были все наши жертвы и может ли народ вообще когда-либо победить своих врагов — помещиков и богатеев. Однажды, когда я думал об этом, меня остановил умирающий солдат и на прощание сказал мне: «Генерал, продолжай сражаться. Пока ты жив и не сложил оружия, у народа останется надежда на лучшую жизнь». Я понял тогда, что мой долг — продолжать борьбу за народное дело во имя всех тех, кто сложил свою голову, сражаясь в рядах моей армии».

В Чиуауа, куда прибыли остатки Северной дивизии, было пустынно и тревожно. Большинство населения бежало, ожидая вступления в город войск Каррансы.

Передохнув несколько дней, Вилья собрал своих сторонников и сказал им:

— Карранса берет верх над нами. Он старше меня. У него больше опыта и знаний. Он оказался более умным и ловким. Но я выносливее. Я буду бороться против него до тех пор, пока народ не убедится, что дон Венус обманывает его. А теперь те из вас, кто устал, пусть расходятся по домам или сдаются в плен. Вы не сражались напрасно. Если Карранса и Обрегон обещают реформы, то это благодаря вашей борьбе. Это потому, что они хотят задобрить вас. Пройдет несколько лет, и вы поймете, что я был прав. Тогда мы снова встретимся и будем продолжать борьбу за народное дело. Прощайте, друзья, и не поминайте лихом вашего генерала.

Вилья пришпорил своего коня, и верный друг рысью понес всадника по пустынным улицам Чиуауа в степь. За ним поскакали несколько десятков его дорадос. В их числе были секретарь Вильи и последний начальник его штаба молодой паренек по фамилии Трильо, братья Мартин и Пабло Лопес, Бауделио Урибе, Николас Фернандес. Это были рядовые бойцы революции, готовые сложить свои буйные головы за правое дело.

Из старых командиров никто не остался с Вильей. Многие погибли в боях. 180 офицеров Северной дивизии враг расстрелял в асиенде «Сан-Хуанито». Верного Родольфо Фьерро засосала трясина. Иполито, брат и помощник Вильи, бежал на Кубу. Генерал Анхелес, которого многие, в том числе Вилья, считали самым талантливым командиром в Северной дивизии, скрылся в Соединенные Штаты.

Генерал Томас Орнелас тоже бежал в Эль-Пасо, где жил безбедно, занимаясь торговыми сделками. Вилья вскоре после ухода из Чиуауа отправил к Орнеласу своего посланца с просьбой прислать небольшую сумму денег. Орнелас не только отказался помочь, но угрожал выдать посланца американским властям.

Узнав о поведении Орнеласа, Вилья пришел в бешенство. Вскоре Орнелас получил из Чиуауа, уже занятой войсками Каррансы, телеграмму, извещавшую, что его жена при смерти. Орнелас поспешно выехал в Чиуауа.

Неподалеку от Чиуауа поезд, в котором ехал Орнелас, был остановлен отрядом вооруженных людей.

В вагон поднялся заросший щетиной, увешанный патронными лентами среднего роста мужчина в тexasской шляпе.

— Вилья! — в ужасе зашептали пассажиры.

— Не волнуйтесь, мне нужен только один пассажир — Томас Орнелас.

В одном из вагонов Вилья нашел Орнеласа.

— Выходи, Орнелас. Бойцы Северной дивизии гибли, идя в бой за тобою. Они верили тебе, а ты, как только Карранса пошел в гору, набил карманы золотом и решил спасти свою шкуру. Теперь настал час расплаты.

Раздался выстрел, и Орнелас рухнул как подкошенный.

Такие расправы и неуловимость Вильи делали из него, несмотря на разгром Северной дивизии, такую же грозную силу, какой он был семь лет назад, в последний год диктатуры Диаса.

К своим заклятым врагам Вилья причислял и американцев, которые запрещали продавать ему оружие и боеприпасы и открыто поддерживали Каррансу. Теперь Вилья решил не церемониться с ними.

10 января 1916 года, все в той же Чиуауа, неподалеку от станции Исабель, Вилья вновь остановил поезд. В нем ехало 18 американцев-золотопромышленников. Они вернулись в Мексику, чтобы возобновить работу на принадлежавших им золотых приисках. По приказу Вильи их сняли с поезда и расстреляли.

Реакционная печать в США подняла в связи с этим вой, требуя принять жестокие меры против Мексики. Американское правительство потребовало от Каррансы уплаты компенсации в размере 1 280 тысяч долларов. Карранса отказался платить, но издал декрет, по которому Вилья объявлялся вне закона.

Теперь Вилью мог убить всякий, кто пожелал бы поднять на него руку. Но таких охотников не находилось, а если они были, то Вилья был для них недосыгаем. Опасаясь, что какой-нибудь предатель убьет его, Вилья никогда не становился спиной к собеседнику. В поле он всегда ночевал один. Можно было точно указать, где он был, но никто не знал, где он будет.

В феврале корреспондент американского телеграфного агентства Ассошиэтед Пресс Джордж Сиси вступил в переговоры с представителем Вильи в Эль-Пасо, предлагая организовать встречу Вильи с Вильсоном в Вашингтоне. Ходили слухи, будто Вилья выразил согласие встретиться с президентом США.

3 марта 1916 года Кобб, управляющий американской таможней в Эль-Пасо, сообщил государственному департаменту, что, по имеющимся у него данным, Вилья во главе отряда в 300 всадников направляется к границе США, которую намеревается пересечь в районе городка Колумбуса (штат Нью-Мексико) с целью проследовать дальше, в Вашингтон.

По другим сведениям, полученным американскими властями, Вилья собирался перейти границу, с тем, чтобы сдаться в плен. Эти данные передали полковнику Слокаму, командовавшему гарнизоном в Колумбусе. Слокам не считал даже нужным выдать своим солдатам оружие. Он приказал держать оружие под замком, так как американские солдаты частенько сбывали его через границу агентам того же Вильи.

9 марта в 2 часа утра Вилья во главе отряда в триста всадников пересек границу США и ворвался в спящий Колумбус.

В маленьком городке, насчитывавшем пару тысяч жителей, началась паника. Отряд Вильи захватил банки и почту. Узнав об этом, многие торговцы подожгли свои магазины в надежде получить страховку. В перестрелке было убито 14 американцев. Большинство американских офицеров и солдат попряталось с испугу.

При отходе к отряду Вильи присоединились многие мексиканцы, жившие в Колумбусе. Они опасались репрессий со стороны американцев.

Налет на Колумбус был первым в истории США впадением на американскую территорию, если не считать войны с Англией в начале XIX века. Вилья предпринял его, чтобы доказать, что он не считается ни с Каррансой, ни с американцами. В то же время Вилья хотел отомстить американцам за все то зло, которое они причинили Мексике, захватив значительную часть ее территории, грабя ее богатства, эксплуатируя ее население.

Налет на Колумбус был актом мужественного, хотя и отчаявшегося человека, который, возможно, полностью не отдавал себе отчета в его последствиях. Ответственными же за этот налет следует считать не только Вилью, но и правящие круги США, которые, постоянно вмешиваясь во внутренние дела Мексики, оскорбляя национальное достоинство мексиканского народа, организуя всевозможные провокации, создавали атмосферу для подобного рода конфликтов.

«СЛАВНАЯ» КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Нападение Вильи на Колумбус вызвало сенсацию в Соединенных Штатах. Газеты, дав волю фантазии, расписывали зверства, якобы учиненные Вильей во время налета. Газетные полосы были заполнены интервью с «храбрыми» офицерами гарнизона Колумбуса, утверждавшими, что город был захвачен многотысячной армией.

Особенно прославился своими рассказами майор Томпкинс, заместитель полковника Слокама.

— Бандиты окружили, мой дом, — заявил Томпкинс журналистам, — и пытались взять его, в доме находились моя жена, дочь и теща. Конечно, я не мог бросить беззащитных женщин на произвол мексиканских насильников. Это было бы не по-джентльменски. Но едва бандиты убрались из Колумбуса, я явился к полковнику Слокаму, который поручил мне во главе кавалерийского отряда преследовать их. Мы немедленно выступили, но бандитов и след простыл.

На самом же деле, как вскоре стало известно, майор Томпкинс вел себя как заурядный трус. При первых же выстрелах он постыдно спрятался под юбку своей жены. Никто на нее не нападал. Во время пресловутой погони Томпкинс повернул свой отряд назад, как только вдаль увидел облачко пыли, поднятое отступавшим отрядом Вильи. Тем не менее, повсюду в Соединенных Штатах Томпкинса приветствовали как героя, а конгресс даже наградил его медалью «За храбрость».

Но не только Томпкинс проявлял подобную «храбрость». Так же вело себя и его начальство. Захватив на улицах Колумбуса шесть тяжело раненных бойцов Вильи, американские власти, не теряя времени, решили их повесить. Пять из них были немедленно казнены, а шестого, Хесуса Паэса, приговорили к вечной каторге, хотя ему было всего лишь 13 лет. Сын пеона, он примкнул к Вилье после того, как солдаты Каррансы расстреляли всю его семью.

Расправы над беззащитными ранеными американцами показалось мало. Министры и сенаторы, продажная пресса, реакционные кликуши призывали объявить войну Мексике, оккупировать ее и превратить в колонию США.

Конечно, нападение Вильи на Колумбус служило только предлогом для агрессивных действий американских империалистов, давно уже намеревавшихся силою оружия подавить мексиканскую революцию. Американские сенаторы и печать, католические иерархи и политиканы не в первый раз призывали объявить войну Мексике. Оккупация Веракруса должна была служить этим целям. Те, кто кричал о «преступлении» Вильи, напавшего на Колумбус, стыдливо молчали о том, что американская жандармерия свободно проникала на мексиканскую территорию, учиня бесчисленные расправы над мирным населением, а в пограничных американских городах шерифы безнаказанно расстреливали «подозрительных» мексиканских пеонов, работавших на плантациях южных штатов США.

В обстановке антимексиканской истерии день спустя после событий в Колумбусе правительство Соединенных Штатов Америки собралось на экстренное заседание.

Президент Вильсон попросил членов кабинета высказать свое мнение о том, как должны реагировать США на нападение Вильи на Колумбус.

— Мы должны объявить мексиканцам войну, — заявил военный министр. — Это нам поможет мобилизовать большую армию, которая получит боевой опыт и после оккупации страны будет готова сражаться на европейских фронтах против Германии. С нею нам придется рано или поздно скрестить оружие.

— Это верно, война с Мексикой нам нужна как воздух — она выдвинет отважных и умных полководцев, которых у нас нет. Будем говорить откровенно: наши военные опозорились в Колумбусе. При появлении мексиканских бандитов они попрятались, как тараканы, и стали стрелять только тогда, когда Вильи и след простыл, — съязвил государственный секретарь Лансинг.

— Мексиканцы в лице бандита Вильи нарушили наш суверенитет, и они должны понести наказание, иначе мы потеряем престиж не только во всей Латинской Америке, но и во всем мире, — торжественно изрек президент Вильсон.

— Конечно, разбойник Вилья нарушил наш суверенитет, но разве мы, оккупировав Веракрус, не нарушили суверенитет Мексики? — не без ехидства заметил военно-морской министр Даниельс, считавший себя более либеральным, чем Вильсон. — Между прочим, пример Веракруса показал, что война с этими дикарями — дело нелегкое. Это вам не Европа, где противник следует определенным правилам и население привыкло подчиняться военным законам. В Мексике все оказалось наоборот, и мы в конце концов были вынуждены оставить Веракрус. Я предлагаю направить на усмирение нашего буйного соседа десять-двадцать тысяч отборных солдат. Пусть они дадут в первую очередь хорошую взбучку этим зарвавшимся мексиканцам. Ну, а если последние окажут сопротивление, то, конечно, можно будет объявить им и войну.

Присутствующие рассмеялись.

Президент Вильсон, быстро строчивший что-то на бумаге, прервал развеселившихся министров:

— Господа! Я предлагаю сделать от моего имени следующее заявление: «Соответствующие вооруженные силы Соединенных Штатов будут немедленно направлены на преследование мексиканского бандита Вильи с единственной целью захватить его и положить конец его бандитским действиям. Это будет совершено в духе дружеской помощи существующим в Мексике властям и уважения к суверенитету Мексиканской республики». Главнокомандующим экспедиционного корпуса предлагаю назначить Джона Першинга, нашего самого талантливого генерала. Мексиканский опыт, несомненно, пригодится ему в случае войны с Германией. Если возражений нет,

то я попрошу военного министра срочно отдать соответствующие распоряжения. Возражений не было.

Так появилось на свет преступное предприятие, которое по сей день адвокаты американского империализма называют «славной» карательной экспедицией против Мексики.

16 марта, через пять дней после налета Вильи на Колумбус, экспедиционный корпус, сформированный из частей, находившихся в районе Эль-Пасо, перешел границу. Не встречая сопротивления, отряд занял Хуарес и стал медленно продвигаться на юг вдоль железной дороги, пересекающей Чиуауа.

Командующий корпусом генерал Першинг заявил, что единственной целью вторжения является разгром Вильи и что его войска будут проводить операции в «тесном содружестве» с властями правительства Каррансы. «Я не успокоюсь до тех пор, — хвастливо заявил бравый американский генерал, — пока не поймаю Панчо Вилью и не привезу этого злодея в железной клетке в Соединенные Штаты».

Першинга сопровождали всевозможные «эксперты» по мексиканским делам, в числе их майор Томпкинс, «отличившийся» при обороне Колумбуса, и молодой лейтенант, военный разведчик Дуайт Эйзенхауэр, которому суждено будет со временем стать президентом США.

Карранса, узнав о налете Вильи на Колумбус, понял, что американцы могут использовать это как повод для вторжения в пределы Мексики. Желая не допустить этого, дон Венус срочно направил в Вашингтон ноту. В ней он предлагал заключить соглашение, разрешающее американским и мексиканским войскам переход границы в целях преследования «вооруженных банд». Карранса надеялся, что сумеет затянуть переговоры и, выиграв время, лишит США возможности немедленно направить войска в Мексику. Но американское правительство дало предложениям Каррансы свое толкование: ссылаясь на полученную ноту, оно цинично заявило, что посылает карательную экспедицию в ответ на приглашение президента Мексики!

Накануне американского вторжения Карранса отдал приказ командующим военными зонами оказывать повсеместно вооруженное сопротивление интервентам. Однако то ли потому, что американские войска двигались по сельской местности, избегая столкновений с войсками, то ли по другой причине, верные Каррансе войска не оказали интервентам никакого сопротивления. Ввиду этого Каррансе пришлось ограничиться на первых порах нотами протеста против вторжения американских войск. В одной из них дон Венус отмечал, что его правительство, не несет никакой ответственности за налет Вильи на Колумбус, в то время как вторжение американского корпуса в Мексику осуществляется по решению правительства США и является вопиющим нарушением международного права.

Пока Карранса обменивался с Вильсоном дипломатическими нотами, каратели продолжали свой поход по направлению к Чиуауа, бывшей крепости Вильи.

В авангарде карателей шли специально натренированные отряды разведчиков-следопытов. В задачу их входило ловить «языков» и пытать у них местонахождение Вильи и его сторонников. Эти «следопыты» хватили попадавших им под руку мирных крестьян, жестоко пытали их — прижигали пятки, снимали скальпы, кастрировали — и добивались таким образом получения «точных данных», которые, впрочем, никогда не подтверждались: крестьяне под пыткой говорили все что угодно. Это вовсе не смущало интервентов. Они расстреливали ни в чем не повинных пеонов и их семьи, докладывая в Вашингтон об очередном разгроме «вильистской банды».

Интервенты в каждом пеоне, носящем сомбреро, видели не только бойца отряда Вильи, но часто и самого Вилью. Поэтому рапорты об убийстве Вильи вначале сыпались, как из рога изобилия. Однако вскоре стало ясно, что хотя «доблестные» каратели и расстреляли многих попавших им под руку пеонов, Вильи среди них не было. Вилья был неуловим. Он исчез. Поймать его в просторах Северной Мексики было так же трудно, как найти иголку в стоге сена. Когда Панчо спросили впоследствии, почему американцам не удалось его обнаружить, он ответил: «Очень просто, я зашел к ним в тыл и преспокойно следовал за ними».

Интервенты были превосходно оснащены всевозможной боевой и транспортной техникой. Тяжелые орудия, тракторы, автомобили, большой обоз с амуницией и боеприпасами, продовольствием и медикаментами, походные кухни — все это делало экспедиционный корпус серьезной боевой силой. Передвигалась она, однако, черепашьим шагом, с трудом преодолевая степные просторы Чиуауа и горные кручи, попадавшие на пути. Техника портилась в дороге, обозы застревали в топях и болотах. Чем дальше в глубь страны, тем медленнее двигались каратели, хотя они вначале не встречали никакого сопротивления и ни с кем в пути не вели боев.

Значительную часть солдат экспедиционного корпуса составляли индейцы и негры южных штатов. Их руками империалисты США стремились выполнять всю «мокрую» работу. Но среди этих солдат было мало охотников гибнуть за интересы уолл-стритовских Миллионеров. Ни индейцы, ни негры не проявляли ненависти к мексиканскому народу. В карательных войсках, особенно по мере их продвижения в глубь страны, росло дезертирство.

Чем дальше продвигались интервенты на юг, тем очевиднее становилось, что шансов поймать Вилью у них было столь же мало, как и в самом начале. Ходили слухи, что он убит. Находились даже «очевидцы», которые утверждали, что видели его могилу и крест на ней с надписью: «Здесь похоронен Панчо Вилья». Потом выяснялось, что это очередная проделка самого Вильи. Ищи ветра в поле!

Возвратившись после налета на Колумбус в Мексику, Вилья ворвался в город Герреро, где захватил нужные ему боеприпасы. После этого он форсированным маршем двинулся на юг. По дороге Вилья разделил свой отряд на мелкие группы, которые разослал в глухие концы Чиуауа с приказом ничем не выдавать себя. Сам же он направился в сторону хорошо знакомой ему Сьерра-Асуль.

16 марта в одной из стычек Панчо был ранен в ногу. Вскоре рана стала гноиться. Вилье пришлось оставить лошадь. Несколько преданных бойцов смастерили из ветвей носилки и понесли своего вождя по глухим тропинкам в горы его родного штата Дюранго. Там, в одной из пещер, Вилья нашел надежное укрытие. Однако рана его никак не заживала, и Панчо был лишен возможности двигаться. Через, верных людей он поддерживал постоянную связь со своими единомышленниками, действовавшими на всей территории Северной Мексики. Однажды, когда американцы прочесывали местность, они так близко подошли к его пещере, что он даже слышал их голоса. Своему помощнику Трильо, который не расставался с ним все это время, Вилья говорил:

— Жизнь меня научила, что нашими главными врагами являются гринго. Это они виноваты во всех наших несчастьях и бедах. Они вмешиваются в наши дела, натравливают одних на других, делают все, чтобы ослабить Мексику. Это не люди, а дьяволы. Их интересует одно — золото. Я знал только одного хорошего гринго — Джонни Рида. Он был настоящим другом нашего народа. Но сам Джонни ненавидел американских богачей. Он мне рассказывал, с какой жестокостью они относятся к своим беднякам. Если они беспощадны к своим беднякам, могут ли они лучше относиться к нам, мексиканцам? Да, Трильито, этих гринго мы должны уничтожать, как саранчу.

12 апреля 1916 года, почти через месяц после начала вторжения, авангард интервентов, которым командовал «герой» Колумбуса майор Томпкинс, достиг Парраля, население которого в течение многих лет поддерживало Панчо Вилью.

Томпкинс горел желанием схватить прославленного партизана и тем самым не только улучшить свою репутацию, но и получить награду в 50 тысяч долларов, которую объявила одна американская компания за поимку Вильи.

Расположившись биваком в виду Парраля, Томпкинс сообщил алькальду города:

— Моим часовым отдан приказ сначала стрелять, а потом спрашивать: «Кто идет?» Если же кто-либо из мексиканцев выстрелит по лагерю, я прикажу сровнять с землей ваш дом.

Когда алькальд заметил, что он не в состоянии уследить за всем населением, «храбрый» Томпкинс ответил:

— В таком случае вы должны будете разорваться на части.

Несколько дней спустя каррансисты взяли в плен одного из сподвижников Вильи, генерала Пабло Лопеса, который был ранен в обе ноги и ходил на костылях. Лопеса привезли в Парраль, чтобы расстрелять на главной площади городка. На месте казни в толпе находился американский репортер, усердно орудовавший фотоаппаратом.

Лопеса спросили о его последней воле.

— Удалите отсюда гринго. Я не хочу, чтобы при моей смерти присутствовали враги мексиканского народа, — гордо сказал Лопес.

Ободренный расправой с Лопесом, Томпкинс вошел со своим отрядом в город и разместил солдат на Площади Сан-Хуан де Диос.

Появление интервентов в городе вызвало возмущение населения. Школьники Парраля бросали в интервентов камнями. Народ окружил площадь. 22-летняя девушка Элиса Гриенсен выхватила у часового из кобуры пистолет и стала стрелять из него по американским солдатам. Вслед за этим народ бросился на карателей с возгласами: «Вива Вилья! Долой гринго!»

Майор Томпкинс, еле живой от страха, поспешно отдал приказ об уходе. В поднявшейся суматохе американцы потеряли трех человек убитыми и семерых ранеными. Сам Томпкинс тоже был ранен в плечо.

Поспешно выведя свой отряд за город, Томпкинс сообщил начальству, что на него якобы напали регулярные части мексиканской армии. Одновременно этот «храбрый» воин просил командира мексиканского гарнизона в Парралле обеспечить ему безопасное отступление. «Я готов, — писал Томпкинс, — продолжать отвод своих войск при условии, если вы гарантируете, что мне не будут в этом мешать». Томпкинсу было разрешено уходить беспрепятственно.

«Подвиги» Томпкинса в Парралле не принесли славы американскому оружию. Получив новую пощечину, интервенты решили вызвать на столкновение правительственные войска, которые официально «сотрудничали» с ними в ловле, казалось, бесследно исчезнувшего Панчо Вильи. В действительности же Карранса под этим предлогом концентрировал свои войска в районах действий интервентов. Были все основания предполагать, что в нужный момент дон Венус отдаст войскам приказ силой выбросить за пределы родины ненавистных гринго. Идя на столкновение с

правительственными войсками, американцы надеялись одержать хотя бы одну победу, поднять тем самым настроение своих солдат и сделать более сговорчивым «первого вождя».

16 июня 1916 года командующий мексиканскими войсками в штате Чиуауа генерал Тревиньо уведомил генерала Першинга, что впредь любое движение американских частей «на юг, запад или восток» встретит вооруженное сопротивление со стороны мексиканцев.

Иными словами, с этого дня американцам разрешалось беспрепятственно двигаться только, на север, то есть к границе США.

Першинг высокомерно ответил, что будет сам решать, в каком направлении ему двигаться в поисках неуловимого Панчо Вильи. Одновременно американский командующий приказал одному из своих отрядов, дислоцированному в районе селения Эль-Каррисаль, выступить в южном направлении.

21 июля интервенты стали продвигаться на юг. Им преградил дорогу отряд правительственных войск. Командовавший отрядом генерал Гомес заявил американскому командиру Бойду:

— Прошу вас повернуть обратно. На продвижение американских войск в любом направлении, кроме северного, мы ответим силой.

— Мы не прочь немного пострелять, чтобы освободить себе дорогу на юг.

— Что же, мистер, попробуйте.

По приказу Бойда американские солдаты открыли огонь по мексиканцам. Завязался бой, длившийся два часа. Каратели не выдержали натиска мексиканцев и вынуждены были бежать, оставив на поле боя 12 убитых. 22 человека были взяты в плен мексиканцами, которые захватили также много оружия и всех лошадей отряда Бойда. Сам Бойд был убит в бою.

Провокация не удалась.

Теперь Вашингтону оставалось или объявить войну Каррансе и начать оккупацию Мексики, или признать провал карательной экспедиции и несолоно хлебавши убраться восвояси.

КАК ВИЛЬЯ ПОБЕДИЛ ПЕРШИНГА

В центре Парраля, на улице Колехио, в небольшом Домике издавна проживал Хосе де Лилье Борха, хирург, врач и акушер, как было написано на табличке, прибитой на двери. Однажды, в августе 1916 года, Глубокой ночью в эту дверь постучали два закутанных в сарапе пеона в больших сомбреро.

— Нам срочно нужно видеть дону Хосе, — сказал один из них горничной, которая открыла дверь столь поздним посетителям.

— Войдите, сеньоры. Появившемуся доктору пеон сказал:

— Дон Хосе, моя жена скоро должна родить. К несчастью, вчера она упала и сломала ногу. Прошу вас, спасите ее. Захватите инструменты и лекарства, мы вас отвезем к ней. У нас свои лошади.

— Где вы живете? — В десяти километрах от города. Через несколько минут доктор де Лилье Борха с саквояжем в руке вышел из дому, сопровождаемый пеонами. За углом их ждали лошади, привязанные к столбу.

Как только путники выехали за городскую черту-один из пеонов вновь обратился к доктору.

— Дон Хосе, я думаю будет лучше, если мы вам скажем всю правду. Мы приехали за вами по приказу генерала Франсиско Вильи. Он ранен в ногу, и вы будете его лечить. Нам велено доставить вас живым и невредимым. Так и будет, если вы, дон Хосе не вздумаете шутить с нами.

— Но ведь это разбой, насилие! — возмутился, доктор, остановив своего коня. — Почему вы мне не сказали об этом сразу? Я ведь даже не предупредил мою семью. У меня больные в Паррале, нельзя же их бросить на произвол судьбы. Я отказываюсь следовать за вами.

— Дон Хосе, не волнуйтесь. Семье вы сможете написать, и мы доставим ваше письмо. А больные как-нибудь обойдутся без вас. Нашего же генерала Франсиско Вилью будете лечить вы. Не будем терять времени на пустые разговоры.

Доктор гневно пришпорил лошадь, и трое всадников поскакали в сторону штата Дюранго.

Несколько дней спустя доктора де Лилье Борха благополучно доставили в пещеру, где скрывался Вилья. Там хирург принялся лечить ногу своего нового пациента. Вилья стал поправляться. Но рана была запущена, и доктору пришлось приложить немало стараний, прежде чем его пациент смог стать на ноги и держаться в седле с прежней лихостью.

Между тем американское правительство начало переговоры с Каррансой об эвакуации из Мексики карательного корпуса. В Европе бушевала империалистическая война, на которой не терпелось погреть руки и американским миллиардерам. В Мексике же американцы явно очутились в западне. Недаром сенатор Шерман высказывал опасения, что Першинга может постигнуть судьба английского карателя генерала Гордона, убитого во время освобождения повстанцами суданской столицы Хартума.

Карранса, в свою очередь, был полон решимости выдворить силой за пределы страны непрошенных союзников. Он сосредоточил большие силы на границе и вдоль коммуникаций американских войск. Мексиканцы могли в любой момент отрезать интервентов от баз снабжения в Соединенных Штатах. Комментируя такую возможность, английский посол в Вашингтоне в одном из своих донесений писал, что американские войска, стоявшие на границе, «совершенно не способны защищать ее и тем более прийти на выручку экспедиционным войскам, если те будут окружены и отрезаны».

Немецкие агенты в Мехико, возглавляемые посланником фон Экхардом, всемерно подбивали Каррансу объявить войну США. Они надеялись таким образом связать руки Вашингтону и не допустить участия Америки в европейском конфликте. Война же с Мексикой могла спутать все карты Уолл-стрита.

Имелось и другое немаловажное обстоятельство, с которым вынуждено было считаться правительство США. «Славная» карательная экспедиция вызвала не только гнев и возмущение мексиканцев и народов других стран Латинской Америки, но и прогрессивных кругов в США.

В самой Мексике действия карателей способствовали возрождению в народе симпатий к Панчо Вилье, который стал теперь символом борьбы против иностранных захватчиков. Даже английская консервативная газета «Таймс» признавала, что «чем дальше продвигается генерал Першинг, тем более становится вероятным, что народ поддержит Вилью».

Трудящиеся в странах Латинской Америки и в самих Соединенных Штатах требовали немедленного вывода экспедиционного корпуса Першинга из Мексики. На одном из многолюдных митингов в защиту Мексики, состоявшемся в Нью-Йорке, один оратор назвал позором для США пребывание

американских войск в Мексике. Другой из выступавших сказал: «Если бы мексиканцы вздумали преследовать грабителей своей страны, им пришлось бы дойти до самого Уолл-стрита».

В этих условиях для американских империалистов не оставалось другого выхода, как убраться из Мексики.

Еще в конце апреля 1916 года в городе Хуаресе по предложению Вашингтона встретились американский генерал Хью Скотт и Альваро Обрегон, военный министр Каррансы. Скотт предложил начать эвакуацию карательного корпуса, если мексиканские власти гарантируют эффективную охрану границы. Скотт предложил включить в соглашение пункт, разрешавший американской стороне приостановить эвакуацию, если произойдет новый инцидент, подобно налету на Колумбус. Обрегон принял это условие, однако Карранса категорически отверг его. Дон Венус потребовал немедленного и безоговорочного вывода американских войск с мексиканской территории. Скотт отказался принять это требование, и 11 мая переговоры были прерваны.

В августе была создана смешанная американо-мексиканская комиссия, которой обе стороны поручили обсудить спорные вопросы, в том числе вопрос о выводе карательного корпуса из Мексики. В начале сентября комиссия собралась в США и приступила к работе. Вашингтон приказал Першингу приостановить наступательные операции.

Эти события широко освещались в мексиканской и американской печати. О них подробно сообщали Вилья его надежные люди. Поняв, что американцы идут на попятную, Вилья решил выйти из своего укрытия и вновь начать активные военные действия. Здоровье его значительно улучшилось. Доктор де Лилье Борха приложил все свое умение, и вскоре Вилья уже мог сидеть в седле и совершать, как прежде, большие переходы верхом.

В первых числах сентября Вилья приказал своим наиболее верным сподвижникам сосредоточиться неподалеку от Чиуауа. Город был сильно укреплен. Путь к нему преграждали проволочные заграждения. На пригородных холмах была установлена артиллерия. Неподалеку от Чиуауа все еще находился отряд американских карателей. Офицерам гарнизона казалось, что Вилья никогда не отважится напасть на столь хорошо укрепленные позиции. Это и усыпило их бдительность. Занятые подготовкой к празднованию дня 16 сентября, годовщины провозглашения независимости Мексики, офицеры не обратили внимания на то, что в город, просочились сотни пеонов. Все они были закутаны в сарапе, легко прикрывавшие широченные ножи — мачете и большущие маузеры.

В ночь на 16 сентября, когда «отцы города» и офицеры пребывали под воздействием винных паров те-килы, мескаля и пульки, в городе началась стрельба. Сначала никто не обратил на нее внимания — все думали, что это салют в честь начавшихся торжеств. Возгласы «Да здравствует Вилья!» вскоре убедили пировавших в том, что народный вождь воскрес из мертвых и лично явился, хотя и непрошенный, на бал. Промчавшись по городу на каштановом жеребце в сопровождении своего помощника Мартина Лопеса, Вилья появился на главной площади. Он обратился к жителям с призывом подняться на борьбу против ненавистного Каррансы, его клики и американских оккупантов. Бойцы Вильи при поддержке населения без труда овладели губернаторским дворцом, тюрьмой и другими правительственными зданиями. Когда же городские власти и гарнизон пришли в себя и начали артиллерийский обстрел губернаторского дворца, а уведомленные своими шпионами американские Каратели поспешили им на помощь, Вильи уже и след простыл. Покидая Чиуауа, степной центавр захватил с собой 16 автомашин с оружием и боеприпасами. К нему присоединились около полутора тысяч бедняков Чиуауа.

Силы Вильи после этих событий вновь стали быстро расти.

За два месяца численность его отряда увеличилась с 2 тысяч бойцов до 6 тысяч. Панчо вновь свободно передвигался по землям Чиуауа, уничтожая мелкие гарнизоны правительственных войск, нападая на обозы американских карателей, сея страх и ужас среди помещиков и иностранных концессионеров.

Передвигаясь с быстротой лани, рассеивая в минуту опасности своих бойцов и в нужный момент столь же быстро собирая их в грозный кулак, Вилья продолжал оставаться неуловимым.

«Престиж Вильи растет, и численность его войск увеличивается», — сообщал Першинг в Вашингтон.

Теперь уже не Першинг ловил Вилью, а Вилья ловил Першинга.

В октябре 1916 года Вилья опубликовал «Манифест к нации» — самый значительный по своему содержанию документ, когда-либо подписанный им.

«Наша любимая родина, — говорилось в манифесте, — находится в опасности. Для отражения преступного вторжения наших вечных врагов, северных варваров, мы все должны объединиться».

Вилья призывал народ изгнать из страны ненавистных гринго, свергнуть правительство Каррансы и установить подлинно конституционное правительство. К власти, заявлял Вилья, должны прийти люди «скромного происхождения», которые защищали бы интересы крестьян и «особенно того многочисленного класса, который пребывает в нужде и бедности, — пролетариата».

В «Манифесте к нации» Вилья требовал конфисковать имущество иностранных компаний. «Поскольку известно, — писал Вилья, — что североамериканцы в значительной мере ответственны за национальные бедствия и в абсолютно незаконных целях разжигали и разжигают братоубийственную войну в нашей стране, что доказывается их ничем не оправданным пребыванием на нашей земле, они лишаются права на приобретение недвижимости».

Вилья обращался ко всем командирам и офицерам армии Каррансы с призывом повернуть оружие против американских карателей. Он предупреждал, что те, кто откажется участвовать в борьбе против иноземных захватчиков, будут объявлены предателями.

«Мексика для мексиканцев!» — так заканчивался этот подлинно патриотический манифест, прозвучавший мощным призывом в защиту независимости страны.

Вилья теперь вновь чувствовал себя хозяином Чиуауа. Парраль, Хименес, Санта Росалия и многие другие населенные пункты, поспешно оставленные перепуганными каррансистами, гостеприимно встречали бойцов Вильи, снабжали их оружием, деньгами и провиантом. Под контролем «одеколонщиков» оставались только города Чиуауа и Хуарес. Но и в них каррансисты чувствовали себя неуверенно.

В середине ноября 1916 года Вилья собрал все свои отряды и пошел на штурм Чиуауа. Четыре дня длился бой. Оборонявшие город дрались храбро и упорно. Видя, что без хитрости врага не одолеть, Вилья к концу четвертого дня симулировал беспорядочное отступление. Враги, решив, что нанесли Вилье поражение, возликовали. Генерал Тревиньо, командовавший гарнизоном Чиуауа, сообщил по телеграфу Каррансе: «Вилья разбит, остатки его банд рассеялись, не оставив следа». На радостях Тревиньо и его офицеры перепились. К концу следующего дня город спал непробудным сном. Тогда-то и налетели на него точно смерч всадники Панчо Вильи. Застигнутые врасплох, ошаренные от неожиданности и страха, солдаты и офицеры, оборонявшие город, были перебиты или бежали. Чиуауа вновь оказалась в руках Панчо. На этот раз он провел в городе четыре дня. Вилья оставил

Чиуауа только тогда, когда к городу приблизились силы противника, превышавшие в несколько раз по численности и вооружению его войско.

Из Чиуауа Вилья направился форсированным маршем к Торреону. Пройдя почти 800 километров за пять дней, отряды Вильи 22 декабря ударили по городу и завладели им. Генерал Таламантес, командовавший обороной Торреона, с горя застрелился. Его солдаты разбежались. В бою за Торреон был ранен в лицо один из офицеров-каррансистов, Салас Барраса. Этого человека стоит запомнить читателю, с ним он еще встретится на последних страницах книги.

В Торреоне Вилья захватил несколько железнодорожных составов. Там к нему присоединились тысячи пеонов, работавших на соседних хлопководческих плантациях. И вновь, как в лучшие свои дни, Вилья сажает своих бойцов в вагоны и, сопровождаемый мчащейся вдоль железнодорожного пути конницей, направляется к Чиуауа. Он полон решимости разгромить подошедшую туда дивизию под командованием генерала Франсиско Мургия.

Не доезжая до Чиуауа, Вилья останавливает свои эшелоны на станции Диас, приказывает своим бойцам выгрузиться и отправляет поезда в тыл к Сант Росалии.

Бойцам Вилья говорит:

— Отступать мы не сможем, у нас только один выход — победить.

Теперь под его командованием снова целая армия — 10 тысяч, бойцов.

Навстречу Вилье спешит его тезка Панчо Мургия. У него тоже 10 тысяч бойцов. Мургия, как и Вилья, вышел из народа. Он упрям и решителен, смел и находчив. Жалко, что он предан Каррансе.

1 января 1917 года обе армии встретились между станциями Диас и Реформа. Солдаты и офицеры Вильи дрались с ожесточением, но не смогли одолеть лучше вооруженного врага. Они были вынуждены отступить к Парралю. Мургия стал их преследовать. Несколько дней спустя Вилья, на боеспособность которого несколько не влияли поражения, в новом бою взял реванш. Теперь уже он нанес Мургия поражение и заставил его отступить. Бои и стычки между войсками Вильи и Мургия продолжались с переменным | успехом.

Тем временем Вашингтон спешно заканчивал переговоры с Каррансой. 15 января 1917 года между обеими сторонами было подписано соглашение об эвакуации войск интервентов из Мексики.

В карательном корпусе было более 26 тысяч вооруженных до зубов солдат и офицеров. В их распоряжении имелось 10 тысяч лошадей, 500 грузовиков, 100 легковых машин, десятки самолетов. Вся эта махина не помогла Першингу расправиться с Панчо Вильей. Обещание Першинга поймать Вилью и доставить его в железной клетке на всеобщее поругание в Вашингтон так и осталось невыполненным. Вилья, опиравшийся на народ, оказался сильнее Першинга, сражавшегося за золотые мешки Уолл-стрита.

Наблюдая за отходом карателей, который больше походил на бегство, чем на эвакуацию, Вилья говорил своим бойцам:

— Посмотрите на этих гринго, как они бегут. Они так и не смогли одолеть нас. Они слуги богатых, а мы служим бедным. Побеждает тот, кто борется за правое дело. Першинг пришел к нам петухом, а возвращается мокрой курицей. Нам остается только добить одеколонщиков. Вперед же, орлы! Мы будем сражаться до конца!

4 февраля 1917 года США объявили войну Германии, а днем позже последний американский солдат покинул мексиканскую землю.

Так бесславно закончилась «славная» карательная экспедиция Першинга.

Глава восьмая. ВОЙНА БЕДНЫХ ПРОТИВ БОГАТЫХ

У Панчо Вильи из всех дорадос

я самый верный его солдат.

Я смерть в сражение почту за радость,

за Вилью каждый погибнуть рад!

От Войска Северного осталась

всего лишь горстка, но и сейчас

в горах и в поле, презрев усталость,

мы ищем боя, хоть мало нас.

Селайя стала бойцам могилой,

вильистам храбрым земной поклон.

Прощай, Чиуауа, мой город милый,

Парраль, Хуарес и Торреон!

У бивуака дозор сменили.

Солдаты дремлют, смолкает речь.

Не забывайте героев Вильи!

Прощайте, братья, до новых встреч!

«Я БУДУ СРАЖАТЬСЯ ДО КОНЦА»

Пока Мургия пытался достичь того, что не удалось Першингу — покончить с Вильей, а другой генерал, Пабло Гонсалес, воевал с партизанами Эмилиано Сапаты, дон Венус подготавливал созыв Учредительного собрания. Оно должно было принять новую конституцию, и подвести законную базу под его правительство.

Учредительное собрание открылось 1 декабря 1916 года в городе Керетаро, находившемся в стороне от тех мест, где пеоны Сапаты и Вильи продолжали вести неравную борьбу против войск конституционалистов.

Карранса представил Учредительному собранию текст новой конституции. В нем наряду с усилением исполнительной власти предусматривались умеренные реформы. Однако в результате воздействия

левого крыла собрания, находившегося под давлением неутихавшей борьбы крестьянских масс за землю и демократические свободы, в проект Каррансы были внесены существенные поправки.

Новая конституция, принятая в конце января и опубликованная 5 февраля 1917 года, в день, когда последний американский солдат покинул мексиканскую землю, провозглашала основные демократические свободы. Она отделяла церковь от государства, давала государству право национализировать частную собственность, объявляла народным достоянием богатства недр, в том числе нефть, и ограничивала выдачу иностранцам концессий на их разработку.

По новой конституции все сделки, результатом которых являлась экспроприация крестьянских земель, аннулировались. Предусматривалось также издание специальных законов, способствующих частичному разделу крупных поместий. Конституция разрешала рабочим объединяться в профсоюзы и объявлять «законные» стачки.

Несмотря на свой буржуазно-демократический характер, конституция 1917 года мало кого удовлетворила. Карранса и его друзья считали ее слишком радикальной и тормозили проведение в жизнь провозглашенных в ней свобод. Крестьяне и рабочие не были довольны ею, так как она не решала радикально земельного вопроса и оставляла за капиталистами право эксплуатировать трудящихся. Церковники осуждали конституцию за отделение церкви от государства. Американские империалисты тоже рвали и метали: новая конституция давала правительству контролировать деятельность их монополий, ограничивать их прибыли и даже экспроприировать их.

Несмотря на участие в мировой войне, Вашингтон продолжал вмешиваться во внутренние дела Мексики, поддерживая наиболее реакционных генералов и политиков, и стремился заставить Каррансу пойти на уступки американским монополиям.

В феврале 1917 года мир услышал о свержении царского правительства в России и о возникновении там Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Люди многих стран узнали о партии большевиков и ее вожде Ленине, боровшихся во главе трудового народа за мир, за землю, против капиталистической эксплуатации, то есть за то, за что многие десятилетия боролись простые люди Мексики и других стран мира.

Ленин! Это имя все чаще и чаще появлялось в мексиканских газетах. Вождь рабочих и крестьян России боролся не только за светлое будущее своего народа. Его орлиный и прозорливый взгляд охватывал весь мир. Ленин протягивал руку угнетенным и обездоленным всего земного шара. И разве приходится удивляться, что именно Ленин с трибуны I Всероссийского съезда Советов 4 июня 1917 года предупредил мир о том, что американские империалисты намереваются «скушать Мексику»?

Для Вильи и пеонов, следовавших за ним, конституция 1917 года казалась пустым звуком, маневром Каррансы — хитрого помещика, мастера втирать очки простым людям. Что могут означать для пеона демократия, прогресс, свобода, если он вынужден, как и прежде, батрачить на помещика, если по-прежнему бич мажордома гуляет по его спине, если он голоден, неграмотен, лишен надежды на лучшее будущее? Только Панчо Вилья указывал таким пеонам путь к спасению: с оружием в руках сражаться против сильных мира сего — помещиков, богатеев, иностранных концессионеров и спекулянтов. Если ты победишь, то станешь хозяином всех благ, если погибнешь, то по крайней мере отдашь свою жизнь за правое дело, говорил Вилья крестьянам, и такие речи всегда находили среди них благоприятный отклик.

Весь 1917 и следующий, 1918 год Вилья и его бойцы провели в штате Чиуауа в боях, стычках, сражениях с армией генерала Мургия.

В конце 1917 года Вилья вновь установил связь со своим другом Эмилиано Сапатай, который продолжал борьбу против Каррансы. Конституционалистские войска, которыми командовал генерал Пабло Гонсалес, сжигали селения, убивали пеонов, женщин, детей, стариков. Но Сапата оставался непобедимым и неуловимым, как и все предыдущие годы.

Вилья отдавал себе отчет в том, что одними своими силами ему не одолеть армию Каррансы, для этого необходимо объединиться всем противникам дона Венуса — всем тем, кто действительно сражается за подлинные интересы народа.

Взяв с собою несколько надежных бойцов, Вилья оставил Чиуауа и направился на юг в штат Сакатекас, куда обещал прибыть Сапата. Несколько недель передвигались Вилья и его спутники по территории, наводненной войсками. Крестьяне укрывали Вилью и его бойцов, снабжали их провиантом, сообщали им о местонахождении вражеских патрулей и отрядов.

Сапата на намеченную встречу не прибыл. Он был окружен в горах Морелоса. Прождав его несколько дней в условленном месте, Вилья возвратился в Чиуауа. Встреча не состоялась, но пребывание на юге страны не было бесполезным. Вилья убедился, что крестьяне продолжают поддерживать его. Правда, многие из них устали воевать, но это не мешало им с надеждой взирать на своего компадре; пока Вилья продолжал бороться, у них оставалась надежда на будущее. Вилья понимал это. Он часто говорил укрывавшим его пеонам:

— Вы, мучачос, поступайте как знаете. Я же буду сражаться до конца. Наша война — это война бедных против богатых. Среди бедных всегда найдутся такие, которые предпочтут умереть стоя, чем жить на коленях.

Пеоны замолкали, отводили глаза в сторону, им было стыдно за то, что они устали от борьбы и не могли следовать за этим неутомимым человеком. Одновременно они испытывали гордость за Вилью, который был тоже крестьянином, но более выносливым и настойчивым, чем другие.

В конце 1918 года Карранса отозвал Мургия, так и не сумевшего покончить с Вильей. На его место был назначен генерал Кастро, занимавший до этого пост военного министра. Кастро начал создавать для борьбы с партизанами Вильи отряды «социальной защиты», состоявшие в основном из помещиков и их наемников.

Вилья тоже не дремал. В апреле 1919 года он вновь напал на Парраль и овладел им.

Генерал Кастро в своей борьбе с Вильей оказался еще большим неудачником, чем Мургия. Кастро боялся и нос высунуть из города Чиуауа — вернее, из его укрепленного центра. В пригородах, где жила беднота, хозяйничал Вилья.

Вскоре он превратил Парраль в столицу обширного партизанского государства. Одним из первых законодательных актов Вильи в Паррале был декрет, объявлявший Каррансу вне закона. Узнав, что Карранса ежедневно совершает прогулку верхом в парке Чапультепек, Вилья задумал похитить его, привезти в Парраль и судить. С этой целью Вилья послал в столицу своего верного адъютанта Трильо, который снял в предместье Такубайя постоянный двор для торговцев скотом и стал следить за Каррансой. Вилья готовился переправить к Трильо 50 — надежных людей, которые, переодетые в мундиры президентских гвардейцев, должны были схватить дона Венуса. Трильо приобрел гвардейские мундиры. Он в деталях разработал план похищения Каррансы, однако от него пришлось отказаться, так как перебросить из Чиуауа отряд не удалось.

— Не печальтесь, мучачос, — сказал Вилья своим людям, когда они возвратились в Парраль. — Не вышло на этот раз, выйдет в другой, но с Каррансой мы покончим. Он все равно не умрет своей смертью.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГЕНЕРАЛА АНХЕЛЕСА

Звезда Вильи, казалось, вновь стала восходить. В Парраль к нему стекались со всех концов штата Чиуауа его прежние бойцы, готовые снова взяться за оружие и сражаться за справедливость и землю.

Возвратились к Вилье и некоторые из его прежних советников, покинувшие его после разгрома у Селайи. Среди них был генерал Феликс Анхелес. Он оставил Вилью после того, как партизанский вождь, вопреки его совету отступить на север, пошел на юг, чтобы сразиться с Обрегоном. Анхелес уехал в Соединенные Штаты, где жил эти годы, внимательно наблюдая за событиями в Мексике и в других странах.

Теперь, когда Вилья укрепился в Паррале, Анхелес вновь предложил ему свои услуги. Старый артиллерист хорошо разбирался в политике. Победа Октябрьской революции в России, революции во многих странах Европы, нарастающая волна рабочего движения в США — все это свидетельствовало, что в судьбах человечества происходит коренной перелом, что теперь все большую роль в истории будут играть массы обездоленных, отверженных, эксплуатируемых. В Мексике, по мнению Анхелеса, эти массы представлял Вилья, который мог бы победить, имея он опытного в военных и политических делах советника. Конечно, Анхелес считал именно себя наиболее подходящим для такой должности. Вот почему он и решил вернуться к бывшему командующему Северной дивизией.

Вилья не только радушно принял Анхелеса, но и назначил его временным президентом республики. Сам Вилья никогда не стремился к президентскому посту. Даже заняв столицу, он категорически отклонял предложения своих друзей и единомышленников провозгласить его президентом.

Анхелес, казалось, подходил для этой роли. Он не только был крупным военным специалистом, но и всесторонне образованным человеком, знал языки и к тому же имел друзей в Соединенных Штатах, а для Вильи это было особенно важно. Ведь он все еще продолжал оставаться для американских правящих кругов врагом номер один.

В мае 1919 года Вилья начал большие наступательные операции. Он разрушил во многих местах железнодорожное полотно между столицей штата и Хуаресом, окружил войска Кастро в городе Чиуауа и предпринял новое наступление на Хуарес.

Город Хуарес в период революции уже неоднократно находился под контролем бойцов Вильи. Против Хуареса расположен американский город Эль-Пасо и мощный форт Блисс, главная американская военная база на границе. Хуарес и Эль-Пасо соединены международным мостом через реку Браво.

Вилья начал штурм Хуареса с восточной стороны, то есть вдоль реки, в надежде избежать перелета пульт на американскую сторону, что могло послужить поводом для новой интервенции гринго.

Но это отнюдь не остановило американцев. Как только они увидели, что войско Вильи вытеснило противника из Хуареса, их артиллерия открыла из Форта Блисс ураганный огонь по городу. Вслед за этим американская пехота двинулась через международный мост в Хуарес.

И снова Вилья сразился с американскими карателями.

Но слишком большой перевес сил был у вооруженных до зубов гринго. Вилья вынужден был отступить. Его армия повернула на юг и скрылась в безбрежных степях Чиуауа, а гринго возвратились в свое логово.

Между тем Карранса вновь сменил командующего войсками на севере страны. На этот пост он назначил генерала Дьегеса. В его распоряжение были посланы новые подкрепления, артиллерия и даже авиация. «Железные москиты», как называл Вилья самолеты, причиняли его отрядам немало беспокойства.

Штат Чиуауа был наводнен войсками Каррансы. Дороги и населенные пункты удерживались ими. Вилья снова был вынужден распустить свою армию, а сам уйти в горы. Он расстался и с генералом Анхелесом. В одной из пещер Анхелес, назначенный Вильей президентом республики, коротал свое время за чтением книги «Жизнь Иисуса» Ренана. Там его и взяли в плен солдаты Дьегеса.

Анхелеса привезли в город Чиуауа и бросили в тюрьму. Карранса приказал предать его военному суду.

Суд заседал в местном Театре героев в присутствии многочисленной публики. Интерес населения к процессу был столь велик, что удачники, которые проникли в Театр героев, оставались там на ночь, чтобы не потерять места.

Анхелес понимал, что это суд не только над ним, но и над Вильей. Он мужественно выступил в защиту партизанского вождя, сравнивая его с Жаном Вальжаном. Разве Вилья не боролся за мексиканских отверженных — пеонов, крестьян, неимущих города и деревни?

— Вы называете себя революционерами, — говорил Анхелес своим судьям, — вы называете себя друзьями народа. А что вы дали народу? Разве вы дали ему землю? Разве вы улучшили его долю? Пока вы этого не сделаете, Вилья не сложит оружия. Народ будет сражаться за свои права, за свое счастье. Вы обвиняете Вилью в том, что он жесток. А разве вы не убиваете простых пеонов без суда и следствия? Разве здесь, в Чиуауа, генерал Мургия не вешал на деревьях сторонников Вильи? А вы ведь культурнее и образованнее этого неотесанного и примитивного крестьянина.

— Однако мы вас судим, — сказал председатель трибунала. — И даже предложили вам защитника, но вы отказались от его услуг.

— Да, но с какой целью вы это делаете? Этот процесс должен, по мнению правительства, достичь того, чего вы не смогли добиться силой оружия: нанести смертельный удар Вилье. Обвинитель назвал меня мозгом движения Вильи. Этот мозг вы хотите уничтожить. Но не утешайте себя надеждой, что, осуждая меня на смерть, вы напугаете Вилью и его сторонников. Они не боятся смерти, как некоторые ваши генералы. Силой победить их нельзя. Даже если вы убьете Вилью, вы не убьете его движения. Оно будет существовать до тех пор, пока останутся в Мексике помещики, капиталисты, эксплуататоры. Вы желаете покончить с Вильей? Это легко сделать. Измените социальный строй, сделайте его более справедливым. Наделите пеонов и крестьян землей, тогда Вилья и его сторонники сами сложат оружие.

Речи Анхелеса вызывали аплодисменты присутствовавших на суде жителей Чиуауа. Они не скрывали своих симпатий к обвиняемому и к Панчо Вилье. Анхелес произносил не только политические речи. Стремясь затянуть процесс и выиграть время, он подробно описывал сражения, цитировал войсковой устав, делал длинные экскурсы в историю, подробно рассказывал о военном искусстве прошлых веков. Временами Анхелес открывал книгу «Жизнь Иисуса» Ренана, с которой не расставался, и зачитывал из нее целые главы. Он даже рассказал суду, как Сократ, великий мудрец и ревнитель правды, выпил яд, протестуя против безрассудства и несправедливости.

Анхелес не терял надежды на спасение. Он знал, что Вилья готовится вырвать его из рук беспощадного врага. Но этого опасались и судьи.

Три дня продолжался процесс. В 11 часов ночи третьего дня суд закончился. В 2 часа утра был объявлен приговор — смерть. А еще несколько часов спустя в одном из помещений кавалерийской казармы генерал Анхелес был расстрелян. Он встретил смерть, как и подобало солдату, спокойно, с поднятой головой. Перед казнью Анхелес выразил надежду, что настанет день, когда его страна обретет мир и мексиканский народ завоюет светлое будущее.

Вилья горько плакал, узнав о гибели своего верного друга и сподвижника. Его бойцы так и не смогли пробиться в Чиуауа, окруженную со всех сторон войсками. Генерал Анхелес проиграл свой последний бой со смертью. Но последний бой Вильи был еще впереди.

Главное — не попасть в лапы врага, не дать себя обмануть и захватить врасплох, рассуждал Вилья. Нужно быть круглые сутки начеку, не доверять никому, не выпускать из рук оружия, постоянно находиться в движении, петлять и кружить. Ибо пока его, Вилью, не поймали, пока его не настигла вражеская пуля, народное дело не погибло.

— Он придет, он отомстит за нас, он восстановит справедливость, — будут говорить пеоны своим детям.

ОШИБКА САПАТЫ

В горах Морелоса, окруженный со всех сторон войсками Каррансы, которыми командовал бездарный и жестокий генерал Пабло Гонсалес, неподкупный, непобедимый Сапата продолжал упорно сражаться за землю и свободу.

Весть о великой революции в России, совершенной под руководством Ленина в октябре 1917 года, подобно радиоволнам проникла через все преграды и достигла гор Морелоса. Эта весть, точно яркий солнечный луч, прорезывающий туман, была встречена с радостью и надеждой Эмилиано Сапата и его соратниками. Наконец-то хоть в одной стране сбылись самые заветные мечты трудового народа: помещики и другие кровопийцы свергнуты, крестьяне получили землю, а рабочие — фабрики. Победа русских трудящихся — это победа людей труда Мексики и всех других стран. Революционная Россия — друг и союзник революционной Мексики, так рассуждал Сапа-та, хотя и не разбирался в географии и впервые слышал о большевиках, свергнувших русского Каррансу — Керенского.

В письме, адресованном своему другу генералу Хеиаро Амескуа, Сапата писал в феврале 1918 года: «Мы много выиграли бы и выиграло бы дело человеческой справедливости, если бы народы нашей Америки и все нации старой Европы поняли, что дело революционной Мексики и дело свободолюбивой России — дело всего человечества, высшие цели всех угнетенных народов мира. Здесь, как и там, имеются крупные помещики, алчные, свирепые и бесчеловечные, в течение ряда поколений эксплуатировавшие широкие массы крестьянства, подвергавшие их неслыханным пыткам. Здесь, как и там, закрепощенные люди, люди с еще не проснувшимся сознанием, начинают пробуждаться, приходят в движение, выступают в качестве мстителей... Обе, революции направлены против того, что Лев Толстой называет «величайшим преступлением»: против гнусного присвоения земли, которая, являясь собственностью всех людей, как вода, как воздух, была захвачена кучкой могущественных людей, опиравшихся на вооруженную силу армий и несправедливость созданных ими законов».

Пролетарии всего мира, писал далее Сапата, восхищаются русской резолюцией. Они были бы также солидарны с мексиканской революцией, если бы знали ее цели.

Сапата, друг Великой Октябрьской революции, стал еще более ненавистным мексиканской буржуазии и ее вождю Венустиано Каррансе. Флирт Каррансы с рабочими давно уже кончился. Используя «красные» батальоны для разгрома армии Вильи, Карранса теперь выступил против революционных рабочих. Он бросал в тюрьмы наиболее сознательных из них, запрещал забастовки.

Правительство всеми мерами пыталось помешать созданию революционного союза рабочих и крестьян. Опыт русской революции показывал, что именно такой союз может привести к победе трудового народа над эксплуататорами. До сих пор крестьянские вожди Сапата и Вилья не отдавали себе отчета в этом, но теперь, по крайней мере, один из них увидел в большевиках своих братьев и союзников. Надо во что бы то ни стало воспрепятствовать ему пойти по пути Ленина. Если правительство не в состоянии подавить крестьянское движение, то оно может его обезглавить. Сапату надо убить! К такому выводу пришли в Чапультепекском дворце. Генерал Гонсалес получил указания действовать.

Но легко сказать — убить Сапату, трудно, почти невозможно это выполнить. Сапата, как и Вилья, недоверчив и скрытен. Он окружен преданнейшими, неподкупными товарищами. О его местопребывании ничего не знает Гонсалес. Да нелегко найти и человека, который согласился бы совершить такое злодеяние. Пабло Гонсалес давно безрезультатно искал убийцу. Ему удавалось иногда подкупить кого-нибудь из людей Сапаты и заставить дезертировать, но никто из них и слышать не хотел о том, чтобы стать убийцей Эмилиано Сапаты. Это было бы равнозначно самоубийству, а предатель — трус, он думает в первую очередь о том, как бы спасти собственную шкуру. У него мало охоты рисковать, даже если за голову крестьянского вождя правительство обещало награду в 100 тысяч песо.

Но коль скоро убийцу нельзя найти среди людей Сапаты, то в рядах армии Пабло Гонсалеса имелось немало готовых на всевозможные преступления головорезов. Одним из них был полковник Хесус Гуахардо, которому более подходило имя не Иисуса, а Иуды-предателя. Гуахардо был пьяницей и вором. Даже Пабло Гонсалес был вынужден отдать его под суд за изнасилование малолетней девушки — дочери влиятельного помещика. Гуахардо вовсе не улыбалось попасть за решетку. Поэтому он и решил спасти себя от тюрьмы, предложив своему начальнику совершить невозможное — убить Сапату.

Почти всю ночь совещались Гонсалес и Гуахардо в казарме города Куэрнаваки. Под утро Гуахардо оставил своего начальника и направился в помещение, где содержался под стражей пленный офицер из войск Сапаты — Эусебио Хауреги, приговоренный к смерти. Именно в это утро его должны были расстрелять.

Заявив охране, что по приказанию генерала Гонсалеса он лично расстреляет пленного, Гуахардо вывел Хауреги из казармы и повел в соседний лесок — к месту казней.

Гуахардо вытащил пистолет, но не выстрелил.

— Жаль мне тебя пускать в расход, Хауреги. Ты сражался за идею, а не за деньги. Такие люди нужны родине. Да и сам я вроде смертника: генерал Гонсалес предал меня суду по ложному доносу одного помещика. Мы называем себя революционерами, но командуют у нас по-прежнему те, у кого большие деньги. Все это я понял только тогда, когда сам стал жертвой их интриг.

— Полковник, я не женщина и не нуждаюсь в утешениях. Вы меня привели сюда для того, чтобы расстрелять. Я готов встретить смерть. Выполняйте приказ.

— Нет, Хауреги, я не собираюсь убивать тебя. Я хочу, чтобы ты мне помог. С каррансистами мне уже не по пути. Я не собираюсь гнить в их тюрьмах. Если ты мне поможешь, я спасу тебе жизнь и помогу бежать.

— Чем смертник может помочь своему палачу? Выполняйте приказ!

— Очень просто: я написал письмо генералу Сапате, обещаю передать его по назначению, и ты свободен.

Хауреги согласился. Гуахардо передал ему письмо, адресованное Сапате, и отпустил его.

Вскоре Хауреги пробрался к своим и вручил Сапате письмо Гуахардо. В нем подручный генерала Гонсалеса писал, что, попав под суд, решил повернуть оружие против Каррансы и перейти на сторону Сапаты. «Мне надоело проливать народную кровь и сражаться за помещиков и продажных политиканов, — писал Гуахардо. — Под моим командованием находится батальон в 800 человек. Все они преданы мне и последуют моему примеру. Жду ваших указаний, генерал. Приказывайте, я буду повиноваться».

Сапата знал, что нельзя доверять продажному вояке. Ведь на совести Гуахардо было немало преступлений, совершенных против беззащитных крестьян штата Морелос. Но, находясь в окружении, Сапата не мог медлить в выборе своих союзников. Кроме того, он полагал, что переход Гуахардо на его сторону будет сильным ударом по позициям Каррансы. К тому же, если Гуахардо ненадежен, то его солдаты были такими же простыми крестьянами, как и его, Сапаты, люди. Они могут со временем стать хорошими борцами за народное дело.

Тем не менее Сапата потребовал, чтобы Гуахардо предварительно доказал свою искренность. В войсках Гонсалеса служил некий Барсенас, переметнувшийся от Сапаты в лагерь врагов. Его отряд чинил жестокие расправы над крестьянами. Сапата потребовал от Гуахардо ликвидировать голову Барсенаса. Гуахардо повиновался. Он только попросил Сапату направить к нему своего доверенного человека, который мог бы подтвердить, что он выполняет полученный приказ. Когда посланный Сапатой человек прибыл к Гуахардо, тот напал на голову Барсенаса, разоружил их и расстрелял. Хотя сам Барсенас успел скрыться, расстрел участников его банды вполне убедил Сапату в том, что полковник Гуахардо действительно порвал с Каррансой. Ведь за такую расправу он рисковал поплатиться своей головой.

В эти же дни генерал Гонсалес начал новое наступление на позиции Сапаты и захватил горное селение Хонакатепек. Сапата приказал Гуахардо освободить это селение. Гуахардо выполнил и, этот приказ. Его батальон отбил Хонакатепек. Как выяснилось впоследствии, во время боя солдаты обеих сторон стреляли больше в воздух. И все же в результате боя было несколько сот убитых и раненых.

Только после этого Сапата решил встретиться с Гуахардо. Встреча состоялась в начале апреля 1919 года близ селения Тепальсинго. Было условлено, что Гуахардо явится на встречу в сопровождении только 30 человек. Но он привел с собой весь батальон под тем предлогом, что его преследовали войска Гонсалеса. У Сапаты это подозрений не вызвало. Приняв в дар от Гуахардо молодого жеребца, Сапата договорился вновь встретиться с ним на следующий день в асиенде «Чинамека». Там новый союзник обещал передать ему амуницию. Когда Сапата вернулся в штаб-квартиру, расположенную в деревне Лос-Патос, к нему пришла незнакомая индианка. Она закликала Сапату не доверять Гуахардо.

— Гуахардо — предатель, — уверяла индианка, — об этом мне сказал мой муж. Он служит денщиком в штабе генерала Гонсалеса. Он просил предупредить вас.

Сапата улыбнулся.

— Ты говоришь, что твой муж — мой друг. Но почему же он служит у Гонсалеса, а не переходит ко мне? Вот Гуахардо стал моим другом и перешел на мою сторону.

— Я ничего не понимаю в этих делах, генерал? Муж послал меня предупредить вас остерегаться Гуахардо, он — предатель.

— А не послал ли тебя, женщина, Пабло Гонсалес с этим посланием?

Индианка заплакала и ушла.

На следующий день, 10 апреля 1919 года, Сапата в сопровождении небольшого отряда охраны прибыл в асиенду «Чинамека». Там его уже ждал Гуахардо. Не успели они поздороваться, как один из адъютантов Гуахардо доложил, что по полученным сведениям на асиенду наступает армия Гонсалеса.

Гуахардо предложил разъехаться в разные стороны, с тем, чтобы выяснить обстановку, а затем вновь собраться в том же месте. Сапата согласился. В сопровождении своей охраны он направился на восток, а Гуахардо — на запад. Через несколько часов, не найдя следов врага, Сапата и его люди вернулись в «Чинамеку». У входа в асиенду их встретил адъютант Гуахардо. Он предложил подкрепиться в одном из соседних домиков, пока Гуахардо не выстроит в их честь почетный караул. Наскоро закусив, Сапата в сопровождении своих людей въехал в асиенду.

У входа в господский дом действительно был выстроен почетный караул. Завидев Сапату, солдаты Гуахардо подняли ружья и дали два залпа в воздух, затем, быстро опустив ружья, неожиданно направили их на подъезжавших всадников, дали третий залп. Одновременно из окон и с крыши дома началась беспорядочная стрельба.

Сапата был изрешечен пулями. Вместе с ним погибли его секретарь полковник Карлос Рейес Авилес, начальник личной охраны Хосе Родригес и ряд других сподвижников.

В тот же день Пабло Гонсалес, находившийся в городе Куатла, получил телеграмму: «Сапата в моих руках. Гуахардо».

Так наемный убийца совершил чудовищное злодеяние — убил неподкупного, непобедимого Сапату.

Гуахардо привез тело Сапаты в Куатлу, где оно было выставлено для всеобщего обозрения, как доказательство смерти народного вождя.

Проститься с Сапатой пришли тысячи людей. Город наполнился возбужденными крестьянами. Пабло Гонсалеса это испугало. Сапата и после смерти казался ему опасным. По приказу Гонсалеса тело Сапаты, от которого предварительно отсекли голову, было поспешно зарыто на местном кладбище. Голову героя привязали к седлу мула и под сильной охраной возили по городам и селениям Морелоса. Сапата был убит, но нужно было заставить народ поверить в это.

Иуда Гуахардо получил за свое преступление награду в 100 тысяч песо и генеральский чин. Но даже у многих каррансистов он вызывал отвращение и чувство брезгливости, столь отвратительным было его преступление. Вскоре после убийства Сапаты Гуахардо перебрался в столицу, где в кабаках прокучивал деньги, полученные за кровь Сапаты.

Вилья хорошо понимал, что после гибели Сапаты он остается единственным вождем восставших крестьянских масс и именно поэтому он должен проявлять особую бдительность, ведь правительство и за его голову назначило награду. Об этом сообщалось в объявлениях, расклеенных на всех железнодорожных станциях, в местечках и селениях Чиуауа:

Свободный и суверенный штат Чиуауа.

Исполнительная власть.

Я, Томас Гамерос, временный губернатор штата Чиуауа, согласно имеющимся у меня чрезвычайным полномочиям и учитывая: срочную необходимость во имя общественных интересов покончить раз и навсегда с бандитом, известным под именем Панчо Вилья, существование которого является позором для нашего штата, так как все молчаливо терпят налеты и преступные действия этого бандита, и исходя из того, что твердая обязанность властей — добиться всеми имеющимися в их распоряжении средствами искоренения бандитизма, объявляю следующий декрет:

Статья первая и единственная.

Правительство штата выдаст награду в сто тысяч песо каждому, кто доставит властям, живым или мертвым, бандита, известного под именем Панчо Вилья.

Когда Вилье прочли это объявление, он рассмеялся.

— Десять лет назад губернатор Чиуауа назначил за мою голову десять тысяч песо. Гринго подняли эту цену до пятидесяти тысяч, а Карранса до ста тысяч. Цена за мою голову растет, причем довольно быстро. Но еще не родился тот, кто может заработать эту награду. Я не совершу ошибки, подобно моему покойному другу Эмилиано Сапате. Скорее сам Карранса погибнет от пули предателя.

ОБРЕГОН ПРОТИВ КАРРАНСЫ

Вилья даже не подозревал, как он близок к истине.

Прошло восемь лет с того дня, как дон Венус провозгласил себя «первым вождем» конституционалистов. Восемь лет находился он у власти и не думал уступать своего места кому-либо другому. А ведь одной из причин восстания против диктатора Диаса было то, что дон Порфирио стремился увековечить себя на посту президента. «Подлинное избирательное право, не переизбрание» — официальный лозунг конституционалистов украшал все документы правительства. И тем не менее Карранса под разными предлогами продолжал оставаться главой государства все эти годы. Уж очень напоминал он дону Порфирию. Ведь тот тоже пришел к власти под лозунгом запретить переизбирать президента; это не помешало ему самому переизбирать себя или править через своих ставленников в течение 34 лет.

Страна ожидала, что в 1920 году выяснятся подлинные намерения Каррансы. В этом году согласно новой конституции должны были состояться президентские выборы. Альваро Обрегон, слывший самым талантливым генералом конституционалистов, ушел в отставку с поста военного министра в кабинете Каррансы. Вскоре он выдвинул свою кандидатуру в президенты. Обрегона поддержали многие генералы. Его кандидатура была встречена с симпатией и профсоюзами, во главе которых стояли анархо-синдикалисты. Обрегон выдавал себя за друга рабочих, он даже обещал профсоюзным лидерам в случае победы на выборах министерские посты.

Кандидатура Обрегона не пришлась по вкусу дону Венусу. Карранса, следуя примеру Порфирио Диаса, хотел посадить в президентское кресло такого человека, который полностью зависел бы от

него и беспрекословно выполнял бы его волю. Своим кандидатом Карранса избрал мало кому известного в стране адвоката Бонильяса, мексиканского посла в Вашингтоне. Этот соперник Обрегона долгие годы жил в Соединенных Штатах, и иначе, как «мистер Бонильяс», в Мексике его не называли.

На что же надеялся Карранса, выдвигая на президентский пост Бонильяса? Мистер Бонильяс мог победить на выборах только при поддержке властей, то есть таким же образом, как «побеждали» в прошлом пелелес — куклы, подставные лица, выдвигавшиеся иногда в президенты Порфирио Диасом. Карранса намеревался использовать весь правительственный аппарат с той же целью. Лишить Каррансу власти — вот единственный путь не допустить превращения предстоявших выборов в фарс. А этого можно было добиться только силой. Призывы к благоразумию, добрые советы не доходили до упрямого дона Венуса. Поэтому Обрегон и его друзья решили взяться за оружие и свергнуть того, кто в течение восьми лет возглавлял лагерь конституционалистов.

Народ устал от правления Каррансы. Если во внешней политике Карранса в целом придерживался прогрессивного курса, то во внутренних делах его политика была направлена на защиту интересов мексиканских капиталистов и помещиков. Правительство силой подавляло крестьянское и забастовочное движение, бросало в тюрьмы революционных рабочих. Оно запятнало себя предательским убийством Эмилиано Сапаты. Это убийство слишком напоминало «деяния» Порфирио Диаса и вызвало возмущение всех честных патриотов. Крестьяне по-прежнему оставались без земли. В то же время многие сторонники Каррансы присваивали себе асиенды, а другие, подобно губернатору Веракруса Санчесу, преследовали крестьян, требовавших раздела земли. Иностранные компании по-прежнему грабили богатства страны. В нефтяном районе Тампико хозяйничали агенты Рокфеллера. Они содержали там целую армию наемников под командой предателя генерала Пелаеса. Карранса так и не справился с Пелаесом, потому что правительственные войска были брошены на подавление крестьянского движения, возглавляемого Сапатой и Вильей.

В этих условиях всеобщего недовольства Обрегон и его друзья, выступавшие против Каррансы, могли рассчитывать на поддержку самых различных слоев населения, но их основной опорой были радикально настроенные слои национальной и мелкой буржуазии.

В апреле 1920 года в штате Сонора, губернатором которого был друг Обрегона генерал Адольфо де ла Уэрта,^[8] а командующим расквартированными там войсками — другой его приятель, генерал Плутарко Кальес, вспыхнула забастовка железнодорожников. Карранса под предлогом подавления забастовки послал в Сонору преданные ему воинские части. В ответ де ла Уэрта и Кальес подняли восстание. Они объявили о низложении Каррансы и двинули свои войска в столицу. Вскоре к ним присоединились Обрегон и многие другие генералы. В числе их был и Пабло Гонсалес, которого считали главной военной опорой дона Венуса.

В мае Карранса бежал из столицы, захватив из государственной казны 5 миллионов песо золотом и серебром. Он надеялся пробраться в Веракрус и укрепиться там, как это было уже в 1915 году.

С Каррансой уехали все члены правительства и многие чиновники. Беглецов сопровождали в пути несколько тысяч солдат.

За поездами погнались восставшие против Каррансы части. Беглецы взрывали за собой мосты, железнодорожную колею, но это их не спасло. На полпути до Веракруса Каррансе сообщили, что командующий зоной этого района присоединился к Обрегону. Среди сторонников дона Венуса началась паника. Большинство из них разбежалось. Оставшиеся бросили поезда и на лошадях направились в сторону нефтеносного района Тампико в надежде укрыться там. Отряд, которому по приказу Каррансы было присвоено гордое название «экспедиционной колонны свободы», спасаясь

от преследователей, заблудился в горах. Выручить отряд взялся местный касик по фамилии Эррера. Карранса доверился этому проходимцу. Тот завел его в заброшенное в горах селение, где беглец заночевал в убогой индейской хижине. Это был его последний сон. Глубокой ночью люди Эрреры ворвались в хижину и убили Каррансу.

Так оборвалась жизнь дона Венустиано Каррансы, «первого вождя» конституционалистов, противника Сапаты и Вильи. Карранса, не брезговавший предательством и подкупам в борьбе против своих политических противников, сам пал от руки предателя.

Между тем дон Адольфо, как называли де ла Уэрту, был провозглашен временным президентом. Он образовал правительство, в котором генерал Плутарко Кальес был назначен военным министром. Новое правительство объявило, что президентские выборы будут проведены в ноябре 1920 года. Теперь у Обрегона имелись все шансы на победу.

В июле 1920 года генерал Пабло Гонсалес, тоже претендовавший на пост президента, решил попытать счастья и восстал вместе с Гуахардо, убийцей Сапаты, но потерпел поражение. Гонсалес скрылся, а Гуахардо был арестован и по приказу Кальеса расстрелян.

Так сошли со сцены многие враги Вильи. Одни были убиты, другие бежали. В Чапультепеке находился дон Адольфо, с которым некогда у командующего Северной дивизией были довольно дружеские отношения. Правда, за спиной дона Адольфо стояли Обрегон и его правая рука Кальес, враги Вильи. Но, может быть, эти «одеколонщики» набрались ума-разума и поняли, что Вилью нельзя одолеть, даже выиграв у него все сражения? Может быть, Обрегон и его друзья, расправившись с Каррансой, уяснили себе, что нужно дать пеонам землю, за которую они сражались все эти долгие годы? Тогда, может быть, сбудется то, чего желают все честные люди Мексики — смолкнут пушки и маузеры, в степи и горы Чиуауа придет, наконец, мир.

Но наступит ли когда-нибудь это желанное время?

Глава девятая. ВОТ И КОНЕЦ МОЕЙ ПЕСНИ...

Добрались враги до Вильи,

Панчо славного не стало...

На дороге подловили боевого генерала.

Из Парраля спозаранку

ехал Вилья наудачу,

знай крутил себе баранку,

напевая «Кукарачу».

А убийцы в эту пору

жребий подлый потянули:

в Панчо целить было страшно -

он и прежде шел под пули.

В траур Мексика одета,

слезы льет, скорбит в печали...

В черный день случилось это.

Панчо наш убит в Паррале.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

Обрегон был представителем радикального крыла мексиканской буржуазии. Он, как и его сторонники, считал, что без уступок рабочим и крестьянам буржуазия не сможет добиться прекращения гражданской войны, а не добившись мира, она не воспользуется, плодами победы. Гражданская война носила чрезвычайно жестокий характер. За десять лет погибло свыше миллиона человек, главным образом крестьян. Сельское хозяйство пришло в упадок. Урожай зерна основных культур снизился во много раз, а количество рогатого скота и лошадей — наполовину. Стране для того, чтобы она могла существовать и развиваться, был необходим мир, а мир означал в первую очередь соглашение новой правительственной группировки с Вильей.

После расстрела Гуахардо правительству сравнительно легко удалось договориться с людьми Сапаты. Им были обещаны всеобщая амнистия, наделение землей, возможность заниматься легальной политической деятельностью. Лишенные своего неукротимого вождя, сторонники Сапаты согласились на этих условиях сложить оружие.

Теперь предстояло добиться мира с Вильей. Для этого в первую очередь было необходимо установить с ним связь и выяснить его намерения. Задача далеко не простая. Недоверчивый Вилья после смерти Сапаты проявлял особенно большую осторожность.

И вот новый губернатор штата Чиуауа генерал Игнасио Энрикес взялся выполнить эту задачу. Он довел до сведения Вильи, что готов встретиться с ним в любое время, в любом месте, на любых условиях.

Вилья согласился. По его указанию Энрикес без охраны явился в пустынный район около селения Пуэблито в штате Чиуауа. Там его встретили люди Вильи, обезоружили, завязали глаза и отвезли к месту, где находился Вилья.

Старый партизан встретил губернатора с винтовкой в руке. Оба уселись на потрескавшуюся от засухи пыльную землю и начали беседу, как подобает уважающим себя кабальеро, с вопросов о погоде и здоровье. Но когда собеседники перешли к более существенным вопросам, на горизонте показалось облачко пыли. Завидев его, Вилья вскочил на свою лошадь и был таков. Генерал Энрикес, оставленный на произвол судьбы, вскоре смог убедиться, что это облачко было вызвано не отрядом правительственных войск, как думал Вилья, а табуном лошадей, которых чаррос перегоняли для продажи в Чиуауа.

Вскоре после этого местные золотопромышленники предложили Вилье и его ближайшим помощникам миллион песо за то, чтобы они навсегда покинули Мексику и поселились в одной из латиноамериканских республик.

Вилья возмутился.

— Я здесь родился, и я здесь умру. Пусть враги революции живут за границей.

Сведения о попытке правительственных эмиссаров встретиться с Вильей проникли в печать и вызвали осуждающие комментарии со стороны некоторых членов правительства, принадлежавших к группировке военного министра Кальеса, жаждавшего расправы с бывшим командиром Северной дивизии.

— Не может быть никаких переговоров с Вильей, — заявил начальник генерального штаба армии генерал Гарсия, — Вилья или безоговорочно капитулирует, или будет уничтожен.

В ответ на это заявление люди Вильи взорвали два поезда в Чиуауа. Запугать Вилью было невозможно. Малейший намек на то, что его можно силой заставить повиноваться, вызывал с его стороны бурную реакцию. Вилья немедленно доказывал «одеколонщикам», что он продолжает оставаться грозной силой.

Этого беспощадного и смелого борца можно было завоевать, только протянув ему руку и предложив дружбу. Дон Адольфо хорошо понимал это, и он решил действовать не через официальных лиц, а через своих личных друзей. Один из них, проживавший в Эль-Пасо инженер Элиас Торрес, некогда симпатизировавший Вилье и оказывавший ему различного рода услуги, получил от временного президента поручение: разыскать степного центавра и договориться с ним о прекращении вооруженной борьбы.

Поручение требовало смелости и отваги, и их проявил в полной мере инженер Торрес. Он перебрался в Чиуауа, установил контакт с людьми, воевавшими ранее под водительством Вильи, и попросил их связать его с бывшим командующим Северной дивизией. Один из них, по фамилии Табоада, мясник по профессии, намекнул Торресу, что, возможно, интересующее его лицо находится в районе местечка Саусильо. Торрес поехал туда. Табоада, однако, в течение многих дней не мог сообщить ничего конкретного о местонахождении Вильи. 2 июня 1920 года было получено сообщение, что неподалеку от Саусильо Вилья устроил очередное нападение на пассажирский поезд. Не теряя времени, Табоада поскакал к месту происшествия. Несколько дней спустя он возвратился к Торресу и передал ему обрывок газеты. На нем корявыми буквами было выведено «Панчо Вилья». Этот обрывок должен был служить Торресу пропуском для продвижения по территории, контролируемой Вильей.

В тот же день Торрес, сопровождаемый Табоадой, выехал на встречу с Панчо. Ночью их остановили вооруженные пеоны, обезоружили и указали, в каком направлении держать путь. Через несколько дней путники, наконец, достигли асиенды «Энси-нильяс», расположенной в глухом горном районе. Здесь их встретил ближайший помощник Вильи генерал Николас Эрнандес. Два часа спустя появился и сам Вилья. Он был на гнедом коне, в белой рубашке, светлых штанах и тexasском сомбреро. Рубашка его была запачкана свежей кровью. Он прискакал прямо с очередной стычки со все еще преследовавшими его войсками.

Вилья внимательно осмотрел Торреса и Табоаду, как бы желая убедиться, что у них нет при себе оружия, а затем пригласил закусить. В большом зале, где некогда пировали помещики, за стол уселись все участники встречи. Торрес изложил цель своего посещения: интересы страны требуют мира, правительство готово гарантировать всем солдатам и офицерам Вильи амнистию, дать землю и кредиты, с тем, чтобы они могли заняться мирным трудом. Готовы ли Вилья и его бойцы сложить оружие на этих условиях?

— Что вы думаете, мучачос, по этому поводу?

Мучалось угрюмо молчали. Что и говорить, им давно осточертела эта, казалось, бесконечная война. У всех были семьи и родные, по которым они смертельно истосковались. Всем им хотелось трудиться, в конце концов ведь за это они и сражались столько лет. Общее мнение высказал Эрнандес:

— Мы за мир, но где гарантии, что правительство нас не обманет, как это неоднократно случалось в прошлом? Если мы сложим оружие, правительственные войска смогут нас перебить, как куропаток. Можем ли мы доверять Обрегону и Кальесу, которые неоднократно предавали нас в прошлом?

— Правительство тоже имеет основания отнестись к вам с недоверием, — ответил Торрес. — Оно тоже может спросить: где гарантии того, что вы, откормившись на мирных хлебах, не возьметесь вновь за оружие? Так рассуждать, значит мира не добиться. Правительство протягивает вам руку и предлагает забыть прошлые распри, отбросить недоверие. Если вы поступите так же, то братоубийственная война, наконец, будет закончена. Что касается взаимных гарантий, то их можно предусмотреть в условиях соглашения.

Долго еще продолжался спор. Конечно, Вилья согласился встретиться с эмиссаром временного президента не только для занятой беседы. Панчо и его друзья решили начать переговоры о прекращении военных действий.

Стороны выработали довольно хаотично написанный проект соглашения, включавший следующие пункты:

- 1) правительство выделит в распоряжение Вильи в штате Чиуауа поместье, в котором он и его бойцы смогут поселиться и заняться сельским хозяйством на кооперативных началах;
- 2) Вилья будет признан генералом, он будет назначен командиром отряда сельской милиции, в который войдут его нынешние бойцы; это позволит всем им сохранить легкое оружие; как командир, Вилья будет подчиняться военному министерству;
- 3) Вилья обязуется не принимать участия в политической жизни;
- 4) в штате Чиуауа будут проведены «честные» выборы;
- 5) Вилья обязуется бороться с бандитизмом в штате Чиуауа;
- 6) если потребуется, Вилья будет участвовать в подавлении любого антиправительственного мятежа и в других штатах;
- 7) Вилья обязуется не мстить своим врагам и не наказывать самовольно тех, кто в прошлом дезертировал из его армии;
- 8) правительственные войска освободят район между селением Саусильо и станцией Конча, где будут вестись переговоры о прекращении огня; Вилья гарантирует неприкосновенность инженеру Торресу и другим представителям правительства;
- 9) в случае, если переговоры не увенчаются успехом, Вилья обязуется эвакуировать селение Саусильо и станцию Конча, не причинив людям и материальным ценностям какого-либо вреда;
- 10) подпишут соглашение о прекращении огня вместе с Вильей президент Адольфо де ла Уэрта, генералы Альваро Обрегон и Плутарко Кальес;
- 11) Торрес доложит эти условия президенту, ответ которого Вилья будет ждать до 15 июля.

На прощание Вилья продиктовал послание временному президенту:

«Обращаясь к Вам, я руководствуюсь только моей любовью к родине, так как прекрасно понимаю опасность, которая ей угрожает. Я верю, что и вы отдадите себе отчет в этом. Я готов помириться с вами, с генералом Обрегоном и генералом Кальесом. Если же вы считаете для себя постыдным быть моими друзьями, можете отвергнуть меня, я готов продолжать бороться против врагов народа, не страшась ни опасностей, ни числа противников. Я буду повиняться только голосу справедливости. Если вы по-честному хотите покончить с братоубийственной войной, то пришлите мне письмо, подписанное всеми вами, и мы начнем переговоры о мире в интересах республики. А пока я временно прекращаю военные действия. Ваш брат по расе, говорящий вам от всего сердца, Франсиско Вилья».

Между тем противники соглашения с Вильей делали все возможное, чтобы сорвать переговоры. Военный министр Кальес, узнав о встрече Торреса с Вильей, заявил журналистам, что правительство согласится только на безоговорочную капитуляцию Вильи, в противном случае борьба будет продолжаться.

Военные власти Чиуауа всячески старались не допустить Торреса в столицу. Когда, наконец, Торрес сел в поезд, направляющийся в Мехико, командующий войсками штата, нарушая достигнутую между Вильей и Торресом договоренность, предательски напал на Саусильо. Вилья не принял боя, а отступил в степь и форсированным маршем направился в штат Коауила. Прodelав за три дня свыше 600 километров, он захватил станцию Сабинас, где взял в плен 60 солдат. В руки Вильи попали также три железнодорожных состава. Со свойственной им быстротой бойцы Вильи разрушили железнодорожное полотно в радиусе 50 километров к северу и югу от Сабинаса.

Оградив себя таким образом от внезапного нападения, Вилья принялся сочинять телеграмму дону Адольфо, которую он намеревался послать, используя имевшийся на станции Сабинас телеграф.

Инженер Торрес достиг столицы как раз утром 15 июля, когда истек срок перемирия. Испытывая большую тревогу за судьбу заключенного им с Вильей соглашения, Торрес поспешил в Чапультепек. Он буквально ворвался в покой больного президента, лежавшего в постели с высокой температурой.

Дон Адольфо искренне обрадовался достигнутому соглашению. Выслушав доклад Торреса, временный президент сказал:

— Мир с Вильей необходим стране как воздух. Условия Вильи вполне приемлемы. Мы можем даровать Вилье поместье «Канутильо», близ любимого им Парраля. В поместье несколько сот тысяч гектаров. Там смогут поселиться Вилья и его бойцы с семьями и заняться сельским хозяйством. Пусть сохраняют личное оружие, это будет доказательством, что мое правительство не будет мстить им. Передайте Вилье, что правительство готово признать военные звания его командиров. Ему и его офицерам будет выплачено жалованье за год вперед, а его бойцам — за шесть месяцев. Это будет недорогая плата за мир.

Не успел дон Адольфо кончить, как адъютант вручил ему только что полученную от Панчо Вильи телеграмму. «Сеньор президент! Вам говорит Вилья. Упрямство одного из ваших командиров заставило меня силой взять эту станцию. Однако кровь не была пролита. Убитых нет. Нахожусь в вашем распоряжении. Готов продолжать начатые инженером Торресом переговоры о мире».

Временный президент тут же ответил, что уполномочивает продолжать переговоры генерала Мартинеса, к которому присоединится Торрес, везущий личное послание президента Вилье.

«Примите меры для восстановления железнодорожного полотна», — заканчивал свою телеграмму дон Адольфо.

Через несколько часов пришел ответ: «Железнодорожная линия восстанавливается. Однако бывают положения, когда, кроме доброй воли, еще нужно время, чтобы свершить задуманное. С самыми дружескими чувствами, ваш Франсиско Вилья».

В своем послании президент выражал большое удовлетворение тем обстоятельством, что ему предстоит вести переговоры со «старым революционером», к которому он всегда относился благожелательно.

«Я желаю вам, — писал дон Адольфо, — чтобы вы вместе с вашей семьей могли в скором будущем начать мирную жизнь и посвятили себя полностью труду, который, учитывая ваши незаурядные способности и энергию, обеспечит вам прочное будущее. Вам посылает братское приветствие ваш старый друг Адольфо де ла Уэрта».

Дон Адольфо подписал условия, выработанные Вильей и Торресом. Затем он вызвал проживавшего во дворце Кальеса и попросил его также поставить свою подпись под соглашением. Кальес так и сделал, не проронив при этом ни слова.

Вскоре генерал Маргинес и инженер Торрес прибыли в Сабинас. На станции их встретил Вилья с почетным караулом. Он даже нашел музыкантов, которые сыграли марш в честь прибывших парламентариев.

Переговоры велись под открытым небом, в загоне для скота близ вокзала, в присутствии доброй сотни вооруженных партизан. Вилья хотел, чтобы его бойцы знали, о чем он договаривается с представителями правительства. Сам он, однако, продолжал оставаться начеку. Панчо не спускал руки с пистолета и, как обычно, не разрешал никому заходить к нему за спину.

Несколько дней продолжались переговоры. Наконец соглашение было подписано. Было решено, что Вилья соберет своих бойцов в Торреоне, где они сдадут все оружие, кроме личного, и те, кто пожелает, вместе с ним выедут в асиенду «Канутильо».

Несколько недель после переговоров Вилья провел в разъездах по северным штатам. Распространялись слухи, что он прячет золото, устанавливает связи, явки и пароли со своими многочисленными компадрес, прощается со своими не менее многочисленными невестами. Газеты заполняли сообщения одно фантастичнее другого.

В столицу прибыли для дополнительных переговоров два посланца Вильи — его племянник капитан Альварес и полковник Риос. Они посетили временного президента, встретились с журналистами.

«Мы рады, — заявили они представителям печати, — что наша борьба против Каррансы увенчалась успехом. В конце концов руководители армии вынуждены были согласиться с нами и свергнуть Каррансу, этого друга помещиков и капиталистов и врага неимущих. Мы, сторонники генерала Вильи, будем поддерживать правительство, если оно будет действовать в интересах народа».

Итак, Вилья и его бойцы не сдавались на милость правительства, вовсе не считали себя побежденными. Они чувствовали себя победителями, союзниками нового правительства.

В один из этих дней Вилья с небольшим отрядом вошел в богатый город Монклову в штате Коауила. Там Вилья обратился к местной торговой палате со следующим посланием:

«Мои бойцы босы и раздеты. Они страдают от холода и дождя в ненастную погоду. Прошу торговцев этого города собрать теплые вещи и обувь для моих мучачос. В этих местах мало кто знает, как я веду себя по отношению к гражданскому населению. Мой обычай состоит в том, что в случае нужды я обращаюсь с просьбой о помощи к моим братьям по крови и расе и остаюсь довольным, даже если мне в ней отказывают. Я никого не насилую, а только прошу. Благодарю вас заранее. С почтением Франсиско Вилья».

Местные торговцы поспешили выполнить столь вежливую просьбу.

Вилья продолжал действовать осмотрительно и осторожно. В последний момент, опасаясь провокации, он предложил сдать оружие не в Торреоне, а на небольшой железнодорожной станции Тлауалило.

Туда прибыло около тысячи бойцов Вильи. Это была довольно странная армия; в ней насчитывалось не более ста солдат, остальные были командирами, среди них — 45 генералов, 92 полковника, 80 подполковников. Каждый, сдав оружие, получил годовое жалованье и охранную грамоту, дававшую право на мирный труд.

Когда сдача оружия закончилась, Вилья произнес перед своими бойцами прощальную речь, в которой призывал мексиканцев к единству, к защите родной земли против посягательств жадных иностранцев, к мирному труду во славу родины.

Началось прощание. Бойцы подходили к своему вождю и обнимали его. Как всегда, когда он был сильно взволнован, слезы лились по его загорелому, покрытому глубокими морщинами лицу. С удивлением и уважением взирали на него присутствовавшие при этом журналисты и фотографы.

К вечеру Вилья и большинство его бывших бойцов вновь оседлали своих коней и двинулись по направлению к заветному Парралю — туда, где лежали плодородные земли «Канутильо» и где они после стольких жертв и страданий, после стольких побед и поражений надеялись заняться мирным трудом.

Впереди ехал на своем жеребце Панчо Вилья. Опустив голову на грудь, думал он свою тяжкую думу.

Задорно и лихо пели его товарищи «Кукарачу».

Высоко на бархатном небе мерцали звезды, точно радуясь, что на мексиканской земле, наконец, воцарился мир.

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА?

Прошло два года. За это время произошло много важных событий. Были проведены президентские выборы. На них победил Альваро Обрегон. В его правительстве дон Адольфо занял пост министра финансов, а Плутарко Кальес стал министром внутренних дел.

Рабочие и крестьяне Мексики, проливавшие в течение десяти лет свою кровь во имя лучшего будущего, требовали от нового правительства решительных мер против иностранных монополий и проведения аграрной реформы. Воодушевленные примером Великой Октябрьской революции, рабочие во многих местностях страны создавали Советы. Их борьбу возглавляла молодая Коммунистическая партия Мексики, созданная в 1919 году.

Обрегон, стоявший на страже интересов, мексиканской буржуазии, проводил в отношении трудящихся политику кнута и пряника. С одной стороны, он сотрудничал с синдикалистскими

лидерами, с другой — преследовал революционное движение. Опасаясь, как бы в стране вновь не вспыхнула волна крестьянских революционных выступлений, которая могла сомкнуться с выступлениями рабочих, Обрегон начал проводить земельную реформу. В местах, где особенно остро ощущался земельный голод, некоторые заброшенные поместья и земли, являвшиеся собственностью государства, были разделены.

Мир способствовал общему подъему жизни в стране. Оживилась торговля. Строились дома, школы и фабрики. Восстанавливались железнодорожные пути. Выходили новые газеты, журналы, книги. Революционные художники Давид Сикейрос, Диего Ривера и Хосе Ороско создавали монументальные фрески, в которых отображали борьбу мексиканского народа против иностранных поработителей и своих собственных угнетателей.

Много знаменательных перемен произошло и в поместье «Канутильо». Два года назад, когда сюда прибыл Панчо Вилья со своими верными соратниками, здесь все было в запустении. От построек оставались лишь стены, поля давно не обрабатывались. Не было ни семян, ни сельскохозяйственных орудий. Не было, на чем спать, на чем сесть и, главное, что есть.

Но привыкшие к голоду и холоду бойцы и их вождь не унывали. С песнями, шутками и прибаутками принялись они очищать территорию поместья, строить жилые помещения, готовиться к севу кукурузы. Правительство одолжило Вилье 250 тысяч песо. На эти деньги были приобретены строительные материалы, скот, семена и сельскохозяйственные машины, большим поклонником которых был Вилья. К новым владельцам «Канутильо» присоединились их верные подруги — солдадерас. К Вилье приехала его жена Люс Корраль с сыновьями.

На месте, где некогда находилась господская усадьба и помещения для пеонов, вырос новый благоустроенный поселок со школой, которой было присвоено имя генерала Анхелеса, больницей, почтово-телеграфной конторой, библиотекой и другими городскими учреждениями. «Отсутствие культуры, — говорил Вилья своим друзьям, — наше несчастье. Нам нужны в первую очередь учителя, а не генералы».

Вилья участвовал во всех работах кооператива, трудился, как и все его товарищи, не покладая рук. Все его интересовало, он хотел и пытался учиться. Но времени для занятий оставалось немного. Большую часть дня Вилья проводил в поле, где работал вместе со своими неразлучными «братьями по крови и расе», как он называл пеонов и рабочих Мексики.

Дважды побывал Вилья за это время в столице. Первый раз он поехал, чтобы встретиться с доном Адольфо и поблагодарить его за участие в заключении мира. Второй раз Вилья прибыл в столицу с визитом к вновь избранному президенту Обрегону. К «одеколонщику» Панчо уже не питал прежней ненависти. Тот факт, что именно благодаря Обрегону был свергнут Карранса, примирил его с тем, кто нанес ему поражение у ворот Селайи.

Обрегон приветливо принял своего прежнего врага и обещал оказывать помощь труженикам «Канутильо». О прошлых распрях не вспоминали. Вилья вновь подтвердил, что не намерен участвовать в политической жизни. Расстались они, как добрые, старые друзья.

«Канутильо», точно магнит, притягивало к себе бывших бойцов Северной дивизии. К концу второго года на землях кооператива уже поселилось около двух тысяч старых соратников Вильи. Не без беспокойства отмечали журналисты, что все члены кооператива имели оружие — маузеры и винтовки. Но в этом не было ничего удивительного. Во время революции в Мексике все настолько привыкли к оружию, что оно превратилось в неотъемлемую часть мужского одеяния. И в городе и в сельских местностях все носили пистолеты и пускали их в ход, когда требовалось защитить поруганную честь, наказать грубияна или восстановить справедливость. Но две тысячи хорошо

вооруженных и закаленных бойцов, возглавляемых Вильей, внушали немалый страх всем, кто эксплуатировал трудящихся. Ведь в любой момент Вилья и его мирные хлебопашцы могли оседлать коней, превратиться в грозную силу, повести за собой широкие массы бедняков на новую революцию, более глубокую и коренную, чем предыдущая.

Вилью посещали его старые друзья. Желанным гостем был инженер Торрес. Правительство обещало ему за участие в мирных переговорах с Вильей награду в 100 тысяч песо, но так ее и не выплатило. Радостно встречал Вилья доктора Хосе де Лилье Борху. Теперь доктор гордо именовал себя «хирургом, акушером и личным врачом генерала Франсиско Вильи».

Приезжали в «Канутильо» не только старые друзья. Бывали здесь и надоедливые журналисты, охотившиеся за очередными сенсациями, любопытные туристы из США, искавшие сильных ощущений и мечтавшие сняться с тем, кто отважился напасть на Колумбус. К Вилье шли ходоки из далеких асиенд с жалобами на непрекращавшиеся притеснения помещиков. Его посещали железнодорожники Торреона. К нему приходили вдовы безвестных героев революции и даже студенты и учителя. Из разговоров с ними Вилья узнавал о заботах и нуждах простых людей, о том, что в стране много несправедливости и народное недовольство растет, о том, что его братья по «крови и расе» готовы продолжать борьбу за более справедливый социальный порядок. Эти встречи и беседы убеждали Вилью в том, что народ продолжает верить в него и надеется на его защиту.

Теперь, впервые в своей жизни, Вилья получил возможность постоянно читать газеты и журналы, которых он выписывал великое множество. Он живо интересовался международными событиями, борьбой рабочих и крестьян в других странах мира. Однажды Вилью посетил революционный художник Ривас, побывавший в далекой России, где рабочие и крестьяне строили новое, справедливое общество.

— А не видел ли ты в России моего друга Джонни Рида? — спросил Вилья Риваса.

— Джонни Рид умер от тифа в Москве. Русские рабочие похоронили его на Красной площади, там, где покоятся останки героев их революции. Ленин любил и уважал Рида, который рассказал людям всего мира о революции большевиков в книге «Десять дней, которые потрясли мир».

— Говорят, что Джонни Рид написал и о мексиканской революции книгу, в которой рассказал обо мне. Но я его книг не читал. Джонни Рид был хорошим американцем, он был революционером. Простые люди во всем мире были ему братьями. От него я впервые услышал слово «социализм». Вначале я думал, что это какая-то вещь, но Джонни объяснил мне, что социализм — такой порядок, при котором нет помещиков и капиталистов, а все люди живут в братстве и трудятся на благо всех.

У старого бойца появилась в «Канутильо» даже библиотека, которой он очень гордился. В ней были приключенческие романы Сальгари и Майн Рида, словари, сказки «Тысячи и одной ночи» и трактаты по поваренному искусству.

Панчо был занят мирными делами. Он думал только об одном: как улучшить жизнь своих бывших бойцов. Ведь именно за это они сражались и проливали кровь. Не в этом ли для него и для них смысл жизни?

— Между тем над Мексикой вновь собирались грозные тучи. В 1924 году должны были состояться вторые после революции президентские выборы. А какой революционер, если ему была дорога судьба родины, мог оставаться в стороне от такого события?

ПРОКЛЯТАЯ МЫШЕЛОВКА

Еще задолго до выборов, в начале 1923 года, определились кандидаты в президенты: Кальес и Адольфо де ла Уэрта, оба генералы и члены правительства Обрегона. Было известно, что Кальеса поддерживал сам Обрегон и большинство офицеров. Дон Адольфо был вначале кандидатом всех тех, кто выступал против коррупции и демагогии правительства, за углубление и расширение революции.

Из двух кандидатов в президенты Вилья предпочитал дона Адольфо. Это с ним Вилья и его бойцы подписали мир. От него получили они землю «Канутильо», займы и инвентарь, благодаря которым смогли создать цветущее хозяйство. Вилья никогда не питал вражды к дону Адольфо. Иначе относился он к Кальесу.

«Турок», как называли Кальеса, который был сыном левантийских эмигрантов, не любил Вилью. В течение ряда лет Кальес, находясь в штате Сонора, вел борьбу против союзника Вильи генерала Майторены. Даже когда Панчо уже вел переговоры с правительством, Кальес предлагал покончить с ним, как это было сделано с Сапатай. Вилья знал это. Поэтому он готов был поддержать кандидатуру дона Адольфо не только словом, но в случае надобности и оружием. Кальес боялся, что Вилья с его людьми при желании в любой момент мог перерезать железнодорожные пути, ведущие от американской границы к столице, и вместе с доном Адольфо начать новый поход на Мехико.

По мере того как приближались выборы, интерес политических деятелей и общественного мнения к Вилье возрастал. Стало известно, что Вилья согласился выставить на выборах свою кандидатуру в губернаторы штата Дюранго. Никто не сомневался в его победе.

— Остерегайтесь, генерал, с «турком» шутки плохи, — предупреждали Вилью его друзья.

В апреле 1923 года дом, в котором остановился в Паррале на ночлег Вилья, был обстрелян неизвестными. Вскоре Вилье сообщили, что наемные убийцы готовят на него покушение во время посещения им петушиного боя в Паррале.

Эти сигналы и предупреждения не производили впечатления на Панчо. И действительно, мог ли он после стольких лет жесточайших преследований и опасностей бояться каких-то наемных убийц — теперь, когда его окружали всеобщее уважение и любовь жителей Чиуауа? Неужели даже теперь он должен жить, как затравленный зверь, видеть в каждом встречном врага, ни днем ни ночью не выпускать из рук маузера и даже отказаться от посещений любимого Паррала, где у него столько хороших друзей, где можно полюбоваться петушиным боем или побывать на хорошей корриде?

И Вилья продолжал ездить на автомобиле в Парраль, навещать своих друзей, ходить на петушиные бои, на именины своих друзей и на крестины.

18 июля 1923 года жители «Канутильо» дружно и весело отпраздновали трехлетие основания их коммуны. По этому поводу в «Канутильо» съехалось много старых бойцов славной Северной дивизии. Прибыли и журналисты, осаждавшие Вилью вопросами о его будущей политической деятельности. Вилья улыбался.

— Вы, журналисты, только и знаете, что писать небылицы. Я не политик, а крестьянин. Пусть политикой занимаются «одеколонщики», мы же, простые люди, будем сеять маис, выращивать плодовые деревья, строить школы для наших детей, прокладывать дороги.

Фиеста длилась всю ночь, и Вилья слушал до зари любимые корридос — баллады о революции, которые распевали певцы под аккомпанемент народных музыкантов — марьячес. Наутро он в сопровождении близких друзей поехал на автомобиле навестить своего приятеля, бывшего бойца Северной дивизии Хуана Гарсия, у которого родился сын.

Гарсия жил в ста километрах от «Канутильо». Вилья с друзьями провел у него весь день. 20 июля чуть свет гости оставили Гарсия и поехали обратно. Вилья сам правил машиной.

— Заедем в Парраль, — сказал он по дороге своим спутникам. — Мне нужно поговорить с нотариусом насчет завещания. Я давно уже хочу составить завещание, да все времени нет.

В 7 часов утра автомобиль Вильи въехал в Парраль и остановился на центральной площади. Вилья в сопровождении двух друзей направился к нотариусу, а остальные его спутники пошли завтракать. В 10 часов все вновь собрались на площади, сели в машину и поехали по направлению к «Канутильо». Проезжая по улице Хуареса, Вилья заметил местного жителя Хуана Лопеса, которому помахал рукой. Когда автомобиль проехал, Лопес вытащил красный платок и несколько раз вытер им лицо.

За жестами Лопеса внимательно наблюдали из дома, находившегося на углу улиц Хуареса и Габи-но Барреды. Когда автомобиль Вильи поравнялся с этим домом, оттуда начали стрелять по машине. Раздался залп, затем другой, третий. Из сидевших в машине шести человек трое были убиты наповал, остальные ранены. Выбравшись с трудом из «проклятой мышеловки», как окрестил некогда Вилья автомобиль, трое раненых пытались отстреливаться. Убийцы — их было двенадцать человек — выскочили из дома и выстрелами из пистолетов прикончили раненых.

Вилья, сидевший за рулем, был убит первыми выстрелами. Вскрытие обнаружило в его теле 13 пуль. Вместе с Вильей погибли его секретарь Трильо, генерал Медрано и три других спутника.

Убедившись, что все находившиеся в машине перебиты, убийцы бросились к ожидавшим их поблизости лошадям и скрылись. Как отмечали потом газеты, в этот день из Парраля был выведен на учения местный гарнизон, а полицейские «по неизвестным причинам» не появлялись на улицах. Поэтому преступление могло быть столь беспрепятственно совершено.

Убийство Вильи и его ближайших соратников вызвало глубокую скорбь и возмущение мексиканского народа. Общественное мнение сразу указало на Кальеса и покровительствовавшего ему Обрегону, как на организаторов этого злодеяния. Впоследствии эти подозрения подтвердились. Командующий гарнизоном в Паррале полковник Лара признался, что убийство Вильи было организовано им по прямому указанию генерала Кальеса; за это Лара получил звание генерала и награду в 50 тысяч песо.

Возмущение убийством Вильи было столь всеобщим, что правительство арестовало одного из участников убийства Вильи, Саласа Баррасу, депутата провинциального законодательного собрания штата Дюранго, того самого Саласа Баррасу, который был ранен в одном из сражений за Торреон.

Салас Барраса всецело взял на себя вину за организацию убийства Вильи, утверждая, что ни Обрегон, ни Кальес не причастны к этому преступлению. Суд приговорил его к 20 годам тюрьмы, однако просидел он за решеткой всего несколько месяцев. Когда в 1924 году дон Адольфо поднял восстание против Обрегона, Салас Барраса был амнистирован и выпущен на свободу. Мало того, убийце был присвоен чин полковника. Впоследствии он даже написал книгу под названием «Как я убил Панчо Вилью». Других участников убийства, в частности помещика Мелитона Лосойю, которому одно время принадлежало поместье «Канутильо», никогда к суду не привлекали.

Вилья был похоронен на кладбище в Паррале. Три года спустя одна женщина, проходя через кладбище, заметила, что могила Панчо Вильи раскопана. При более детальном осмотре было обнаружено, что неизвестные злоумышленники надругались над останками народного героя; голова его была отсечена и похищена ими. У раскопанной могилы нашли анонимную записку на английском языке: «Мы увозим голову Панчо Вильи в Соединенные Штаты».

Это новое преступление подняло на ноги весь народ Чиуауа. Вооруженные крестьяне выходили на дороги и обыскивали всех подозрительных. Неподалеку от Паррала был задержан подозрительный американец по фамилии Хомдал, в машине которого были обнаружены лопаты, мачете, оружие. Американца привезли в Чиуауа, где заключили в тюрьму, но по требованию консула США он был вскоре освобожден. Газеты писали впоследствии, что осквернение могилы Панчо Вильи и похищение его головы было организовано по поручению американского газетного короля Херста, уплатившего за этот трофей 5 тысяч долларов.

Так гринго мстили Панчо Вилье даже после смерти.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ...

Смерть Вильи лишила революционных крестьян Мексики последнего испытанного и надежного вождя, способного возглавить их борьбу за землю и народное счастье. Но надежды реакции на то, что с убийством Вильи прекратятся выступления крестьян против помещиков, не оправдались. Разбуженные громом революции 1910 года, воодушевленные великими социалистическими преобразованиями в далекой России, трудящиеся Мексики продолжали бороться за демократические свободы, за землю, за национальную независимость своей страны. Мексиканская буржуазия, чтобы удержать в своих руках бразды правления, вынуждена была прибегать не только к насилию, не только к революционной фразе, но и делать серьезные уступки трудящимся города и деревни.

Восстание дона Адольфо было сравнительно быстро подавлено правительством Обрегона. Адольфо де ла Уэрта вынужден был бежать за границу, где пробыл долгие годы. Тридцать лет спустя он издал воспоминания, в которых очень тепло отзывался о бывшем командующем Северной дивизии. «Вилья, — писал Адольфо де ла Уэрта — был человеком благородных чувств, он относился с любовью к обездоленным, к народу. Он переживал, видя голодных и оборванных детей, несчастных стариков. Его сердце было отзывчивым на страдания других людей».

В 1924 году президентом республики стал Плутарко Кальес. Хотя его президентский период кончился в 1928 году, он продолжал властвовать вплоть до 1934 года.

Укреплению власти Кальеса в немалой степени способствовало убийство генерала Обрегона, совершенное в 1928 году агентом церковников. Смерть Обрегона превратила Кальеса в «верховного вождя революции» (этим официальным титулом он пользовался до тех пор, пока правительство находилось под его контролем).

Первые годы правления Кальеса ознаменовались некоторыми прогрессивными мероприятиями. Его правительство первым в Латинской Америке установило в 1924 году дипломатические отношения с Советским Союзом, активизировало проведение аграрной реформы, ограничило влияние католической церкви, способствовало развитию местной промышленности.

Политика Кальеса укрепила позиции правящей группировки мексиканской буржуазии. Почувствовав себя более уверенным, Кальес и его единомышленники в конце 20-х годов круто повернули вправо; они пошли на сговор с представителями американских монополий, которые вновь стали хозяйничать в стране. Коммунистическая партия была загнана в подполье. В январе 1931 года были разорваны дипломатические отношения с Советским Союзом.

Разразившийся в это же время в капиталистических странах экономический кризис вызвал новое обострение классовых противоречий в Мексике. В стране участились забастовки и революционные выступления крестьян. В 1934 году президентом был избран Ласаро Карденас, представлявший радикальное крыло мексиканской буржуазии. Правительство Карденаса возобновило проведение

аграрной реформы, национализировало железные дороги и нефтяную промышленность, находившиеся под контролем американских и других иностранных монополий. Карденас выслал из страны Кальеса, ставшего знаменосцем реакции (несколько лет спустя Кальес умер в США).

Мероприятия правительства Карденаса носили прогрессивный характер. Последующие президенты проводили более консервативную внутреннюю политику, хотя во внешней политике проявляли большую независимость, чем правительства других латиноамериканских республик. Дело в том, что даже самые консервативные правительства вынуждены были считаться с освободительными традициями мексиканского народа.

Много лет прошло с тех пор, как на кладбище Парраля прогремел траурный салют над могилой Панчо Вилья. Но память о степном центавре продолжает жить в народе по сей день. Панчо Вилья и его соратник Эмилиано Сапата остаются любимыми героями народа.

Поэтому официальная Мексика тоже сочла целесообразным изменить свое отношение к Панчо Вилье. На его родине и в его любимой Чйуауа ему поставили памятники.

Джон Рид рассказывает, что однажды Вилья поведал ему свою страстную мечту о будущем Мексики:

— Когда Мексика станет новой республикой, армия будет распущена. Всякая тирания держится на армии. Мы дадим солдатам работу. По всей республике мы учредим военные колонии из ветеранов революции. Государство даст им землю и, кроме того, создаст много крупных промышленных предприятий, чтобы им было где работать. Три дня в неделю они будут работать, и работать изо всех сил, потому что честный труд важнее всякой войны и только труд делает человека хорошим гражданином. Остальные три дня они будут сами учиться военному искусству, а также учить народ владеть оружием. И тогда, если наша родина окажется под угрозой вторжения неприятеля, нам достаточно будет позвонить из столицы по телефону во все концы страны, и весь народ, как один человек, бросив поля и фабрики, организованно, с оружием в руках выступит на защиту своих очагов и детей. Я мечтаю о том, чтобы дожить свою жизнь в одной из таких колоний, среди моих компаньерос, которых я люблю и которые претерпели вместе со мной столько лишений и страданий...

Благородная мечта Панчо Вилья о справедливом и свободном обществе без угнетенных и угнетателей все еще не воплощена в жизнь на его родине. В Мексике до сих пор продолжается борьба бедных против богатых. И в Чйуауа, в Дюранго и в других областях страны, там, где некогда происходили жестокие схватки бойцов Северной дивизии с ее многочисленными противниками, в ранчо и асиендах крестьяне продолжают вспоминать имя своего легендарного вождя, его походы, сражения, его борьбу за свободу и справедливость.

В этих местах все еще можно услышать, как народные певцы расппевают старые революционные корридос, в которых говорится о том, что Панчо Вилья вернется и вновь поведет своих храбрых дорадос на бой. И они победят, его мучачос, на этот раз навсегда...

СЛОВАРЬ ИСПАНСКИХ СЛОВ И МЕКСИКАНИЗМОВ

Агуакатэ — овощ, внешней формой напоминает баклажан.

Алиас — иначе говоря.

Алькальд — мэр, председатель муниципального совета.

Амиго, амигито — друг, дружок.

Асиенда — поместье.

Асу ль — голубой.

Атоле — напиток из молока и корицы.

Валиентес — храбрецы.
Вива! — да здравствует!
Вильисты — сторонники Панчо Вильи.
Гачупин — презрительная кличка испанских завоевателей в Мексике.
Гаучо — пастух (это слово употребляется в Аргентине, Уругвае и на юге Бразилии).
Гринго — дословно: «зеленый»; презрительная кличка американцев.
Гуарачес — сандалии, плетенные из сыромятной кожи.
Гуахолотэ — индейка.
Дефенса сосиаль — «социальная защита»; название отрядов по борьбе с революционным крестьянским движением.
Дон — господин, ставится перед именем.
Дорадос — дословно: «позолоченные»; название личной гвардии Вильи; бойцы ее носили позолоченные лампасы.
Инаугурация — церемония введения в должность президента республики.
Кабальеро — кавалер, рыцарь.
Каранкланы — презрительная кличка сторонников Венустиано Каррансы.
Касик — индейский вождь, в переносном смысле — помещик.
Каудильо — вождь.
Карамба! — черт возьми! (проклятье).
Койот — шакал.
Компадре — кум, приятель.
Компаньеро — товарищ.
Конкиста — завоевание.
Конкистадор — завоеватель.
Конституционалисты, — название сторонников Венустиано Каррансы.
Коррида — бой быков.
Корридо — народная баллада.
Кукарача — таракан, в народных балладах периода мексиканской революции — Венустиано Карранса.
Лисенсиат — адвокат, поверенный в делах.
Мадеристы — сторонники Франсиско Мадеро.
Мадре — мать.
Маис — кукуруза.
Майордом — надсмотрщик, доверенное лицо помещика.
Манго — плод одноименного дерева.
Маримба — музыкальный инструмент, напоминающий гусли.
Мариуана — растение, имеющее большой процент опиума.
Марьячес — народные музыканты.
Мачете — широкий нож, используемый для резки кукурузы и сахарного тростника.
Мескаль — крепкий напиток из сока агавы.
Метис — человек смешанных кровей.
Моле — острая приправа из перца, миндаля и корицы.
Мучачо — мальчик, парень.
Наваха — нож, бритва.
Пеладо — дословно: «стриженный»; презрительная кличка правительственных солдат.
Пелеле — кукла.
Пеон — батрак.
Песо — денежная единица в Мексике и некоторых других латиноамериканских странах.
Петате — соломенная циновка.
Пистолеро — бандит, наемный убийца.
Посоле — похлебка из кукурузы и перца.
Пульке — алкогольный напиток мутного цвета из сока агавы.

Ранчero — мелкий фермер, хозяин ранчо (фермы).
Родео — загон для скота, объезд диких лошадей.
Руралес — полевая жандармерия в период диктатуры Порфирио Диаса.
Сапатисты — сторонники Эмилиано Сапаты.
Сарапе — шерстяная накидка из куска яркой материи с прорезом посередине.
Сеньор — господин.
Сентаво — мелкая монета, одна сотая песо.
Сиеста — послеобеденный отдых, сон.
Сиудадела — крепость.
Сиудад — город.
Солдадера — солдатка.
Сомбреро — шляпа.
Сьерра — часть горной цепи.
Тамалес — пирожки из кукурузной муки с мясной начинкой, завернутые в кукурузные листья.
Текиля — крепкий спиртной напиток из сока агавы.
Тортилья — лепешка из кукурузной муки.
Федералы — солдаты правительственных (федеральных) войск.
Фиеста — праздник.
Флибустьеры — авантюристы, пираты; во время мексиканской революции так называли иностранных добровольцев.
Фрихоль — фасоль, национальное кушанье мексиканцев.
Харабэ тапатио — один из народных танцев Мексики.
Хакаль — хижина.
Хефе политико — политический начальник, представитель центральной власти на местах.
Хуан — распространенное имя, кличка солдат.
Чапарраль — кустарник.
Чарро — пастух, наездник, мелкий скотовод.
Чиле — мексиканский перец.
Чипотле — вяленый перец темно-коричневого цвета.
Элотэ — кукурузный початок.
Энчилада — кукурузная лепешка, приправленная перцем.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1878, 7 июля — Родился Панчо Вилья в местности Гогохито, неподалеку от ранчо Рио Гранде на землях Сан-Хуан дель Рио, штат Дюранго.

1890 — Первый арест Панчо Вильи.

1895 — Второй арест Панчо Вильи.

1910, 20 ноября — Начало революции. Вилья возглавляет восстание крестьян против режима диктатора Диаса в штате Чиуауа.

1911, 10 мая — Вступление отрядов Панчо Вильи в город Хуарес.

21 мая — Подписание в городе Хуаресе соглашения о прекращении военных действий и отставке правительства Диаса.

26 мая — Бегство Диаса из столицы.

1911, октябрь — Вступление Франсиско Мадеро на пост президента.

1912, лето — Мятеж П. Ороско. Арест Вильи.

1912, декабрь — Бегство Вильи из тюрьмы Сантьяго.

1913, февраль — Контрреволюционный переворот генерала Уэрты, убийство президента Мадеро.

1918, февраль — 1914, июль — диктатура генерала Уэрты.

1913, март — Вилья возвращается в Мексику и начинает вооруженную борьбу против Уэрты.

1913, 15 ноября — Взятие войсками Вильи города Хуареса.

1914, апрель — ноябрь — оккупация Веракруса войсками США.

2 апреля — Взятие войсками Вильи Торреона.

23 июля — Взятие войсками Вильи Сакатекаса.

Октябрь — Открытие Конвента в Агуаскалиентесе.

Декабрь — Вступление в столицу войск Сапаты и Вильи.

1915–1920 — Правление Венустиано Каррансы.

1915, апрель — Вилья проигрывает сражение при Селайе.

1916, 9 марта — Нападение отряда Вильи на Колумбус.

Март — Вторжение американских войск под командованием генерала Першинга на мексиканскую территорию.

Октябрь — Обращение Вильи к мексиканскому народу с призывом к борьбе против американских интервентов.

1 декабря — Открытие в Керетаро Учредительного собрания.

1917, январь — февраль — Эвакуация американских войск из Мексики.

5 февраля — Опубликование новой конституции Мексики.

1919, 10 апреля — Убийство генерала Эмилиано Сапаты (род. в 1883 г.).

Сентябрь — Основание Коммунистической партии Мексики.

1920, апрель — Восстание против правительства Каррансы в Сопоре.

20 июня — Убийство Каррансы.

Июнь — ноябрь — Правление временного президента Адольфо де ла Уэрты. Панчо Вилья прекращает вооруженную борьбу.

1920–1924 — Президентство генерала Альваро Обрегона.

1923, 20 июля — Убийство Панчо Вильи в городе Паррале.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Книги на русском языке

- Альперович М., Руденко Б. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., Соцэкгиз, 1958.
- Асуэла, Мариано. Те, кто внизу. М., Гослитиздат, 1960.
- Виниченко И.В. Образы Вильи и Сапаты в романах «Орел и змея» и «Земля». (В сб. «Мексиканский реалистический роман XX века».) М., Издательство Академии наук СССР, 1960.
- «Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810–1945». М., Соцэкгиз, 1960.
- Паркс Н. История Мексики. М., Издательство иностранной литературы, 1949.
- Пинчон Эдкам. Сапата непобедимый. Предисловие Ф. Кельина. М., Гослитиздат, 1943.
- Рид Джон. Восставшая Мексика. Перевод П. Охрименко. М., Гослитиздат, 1959.
- Хект Бен. Вива Вилья! (В кн. «Американские киносценарии».) М., Госкиноиздат, 1939.
- Хиль Марио. Наши добрые соседи. М., Издательство иностранной литературы, 1959.

Книги на испанском и английском языках

- Blanco Moheno Roberto. Cronica de la Revolution Mexicana. Mexico, 1957.
- Camp Jean. En selle avec Pancho Villa. Paris, 1952.
- Cervantes M, Federico. Francisco Villa y la revolution. Mexico, 1960.
- Dunn H. The crimson Jester. Zapata of Mexico. London, 1934.
- Estol Horacio. Realidad y leyenda de Pancho Villa. Mexico, 1956.
- Gonzalez Gral. Manuel W. Contra Villa. Relatos de la Carapana 1911–1914. Mexico, 1935.
- Guzman Martin Luis. La sombra del Caudillo. Madrid, 1929.
- Guzman Martin Luis. El Aguila y la Serpiente. Madrid, 1928.
- Guzman Martin Luis. Memories de Pancho Villa. Mexico, 1954.
- Huerta Victorian o. Memories. Mexico, 1957.
- Madero Francisco J. Las memorias y las mejores cartas de. Mexico, 1955.
- Mendoza V. T. El corrido de la Revolucidn Mexicana. Mexico, 1956.

- Munoz Rafael F. Vamonos con Pancho Villa! Mexico, 1950.
- Munoz Rafael F. Pancho Villa, rayo y azote. Mexico, 1955.
- Munoz Rafael F. Fuego en el Norte. Mexico, 1961.
- Obregon A. Ocho mil kilometros en campana. Mexico, 1959.
- Pani Alberto. Apuntes autobiograficos. V. 1–2. Mexico, 1950.
- Salinas Carranza Alberto. La Expedicion Punitiva. Mexico, 1936.
- Tomkins Col. Frank. Chasing Villa. Harrisburg, 1935.
- Torres Elias E. Como murio Pancho Villa. Mexico, 1955.
- Torres Elias E. Vida y Hazanas de Pancho Villa. Mexico, 1957.
- Urquizo Francisco. L. Carranza. El hombre, el politico, el caudillo, el patriota. Mexico, 1958.
- Vasconcelos Jose. Ulises criollo. Mexico, 1935.
- Vida y hazanas de Francisco Villa. San Antonio, 1921.

Примечания

1

Мексиканские народные песни даны в переводе П. Грушко.

2

Список испанских слов и мексиканизмов дается в конце книги.

3

Панчо — уменьшительное от Франсиско.

4

Хотя «План» был опубликован Мадеро во время пребывания в США, он был помечен мексиканским городом Сан-Луис Потоси.

5

Названный так по селению Айала, в котором она была провозглашена.

6

По масонской терминологии — бог.

7

Католическая церковь запрещает служителям культа вступать в брак.

8

Его не следует путать со свергнутым диктатором Викторiano Уэртой.